

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Череповецкий государственный университет»
Гуманитарный институт
Кафедра русского языка и общего языкознания

На правах рукописи
УДК: 811.161.1'37 +
821.161.1 (091) "18"

Белов Андрей Александрович

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЗНОЙ»
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Ф. И. ТЮТЧЕВА**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Специальность: 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, профессор
Смулаковская Раиса Леонидовна

Череповец
2008

Содержание

Введение	с. 4 – 12.
Глава 1. Аспекты анализа поэтического текста	с. 13 – 38.
§1. Специфика поэтического текста.....	с. 13 – 20.
§2. Лексико-семантические модели и идиостиль Ф. И. Тютчева.....	с. 20 – 26.
§3. Понятие лексико-семантического поля.....	с. 26 – 37.
Выводы по главе.....	с. 38.
Глава 2. Общезыковая семантика лексемы «зной» и ее парадигматических коррелятов	с. 39 – 82.
§1. Лексема «зной» и ее парадигматические корреляты.....	с. 39 – 42.
§2. Описание базовых значений лексем «зной», «жар» и «жара» в толковых словарях	с. 43 – 54.
§3. К вопросу о соотношении объемов понятий лексем «тепло», «жар», «жара», «зной» и частотностей их употребления в речи.....	с. 54 – 60.
§4. Проблема смысловой дифференциации лексем «зной», «жар» и «жара» с точки зрения обозначаемой ими меры тепла.....	с. 60 – 68.
§5. О номенклатуре значений лексем «зной» и «жар» (на материале толковых словарей русского языка).....	с. 68 – 79.
Выводы по главе.....	с. 79 – 82.
Глава 3. Реализация семантики «зноя» в поэзии Ф. И. Тютчева ...с.	83 – 145.
§1. Семантический компонент «источник зноя» и его реализация в стихотворениях Ф. И. Тютчева.....	с. 84 – 104.
§1.1. Солнце как источник зноя.....	с. 84 – 98.
§1.2. Небо как источник зноя.....	с. 98 – 104.
§2. Темпоральная характеристика «зноя» в стихотворениях Ф. И. Тютчева.....	с. 104 – 121.
§3. Семантика лексемы «зной» в контексте оппозиции «свобода – несвобода».....	с. 122 – 130.

§4. Реализация потенциальных смыслов лексемы «зной» в составе предложно-падежных сочетаний.....	с. 131 – 145.
Выводы по главе.....	с. 145 – 147.
Заключение.....	с. 148 – 150.
Список литературы.....	с. 151 – 167.
Приложение.....	с. 168 – 170.

Введение

В работе представлено описание одного из фрагментов поэтического мира Ф. И. Тютчева – фрагмента, который был обозначен еще В. С. Соловьевым и вслед за ним В. Я. Брюсовым как «дневной мир», противопоставляемый у Тютчева «миру ночному» («Он [Гете – А. Б.] знал, конечно, что этот светлый, дневной мир не есть первоначальное, что под ним скрыто совсем другое и страшное, но он не хотел останавливаться на этой мысли, чтобы не смущать своего олимпийского спокойствия. <...> Наш поэт [т. е. Тютчев – А. Б.] одинаково чуток к обеим сторонам действительности; он никогда не забывает, что весь этот светлый, дневной облик живой природы, который он так умеет чувствовать и изображать, есть пока лишь «златотканый покров», расцвеченная и позолоченная вершина, а не основа мироздания» [Соловьев 1990: 112–113]; «“Мир дневной, в полном блеске проявлений” и “хаос ночной”, “древний”, “родимый”, – вот те два мира, жилищею которых одновременно была душа Тютчева» [Брюсов 1975: 204]).

Несмотря на действительное равноправие этих миров, сложилось и существует достаточно устойчивое представление о Тютчеве как о «поэте ночи» («самой ночной душой русской поэзии» Тютчева назвал еще А. А. Блок [Блок 1962: 25]); в поле внимания исследователей попадают прежде всего «ночные» тексты Тютчева: «Едва ли найдется сколько-нибудь значительная работа о Тютчеве, в которой не обращалось бы самое пристальное внимание на “ночные” стихотворения поэта» [Непомнящий 2002: 16]. В этом смысле любопытны и характерные замечания О. Мраморнова и В. Фадына (курсив наш): «...мы не можем назвать Баратынского поэтом ночи, как, скажем, Новалиса или Тютчева» [Мраморнов: Электронный ресурс], «...о месте в неосвещенной природе поэта, а тем более – поэта ночи, каким нынче воспринимается Тютчев, можно лишь гадать» [Фадин: Электронный ресурс].

В настоящем исследовании рассматриваются средства реализации семантики, связанной не с ночным, но с дневным началом в поэтических

текстах Тютчева, а именно слова, входящие в лексико-семантическое поле (ЛСП) «Зной». Этим определяется **актуальность** работы. Несмотря на ту значимость, которую приобретают единицы ЛСП «Зной» в тютчевских текстах, вопрос о семантике *зной* на материале поэзии Тютчева ранее фактически не изучался. Кроме того, за единичными исключениями, отсутствуют и работы, посвященные анализу тютчевских стихотворений в аспекте теории ЛСП (известные исключения названы в первой главе). Важным является и описание семантики слова в лексикографическом аспекте ввиду активного развития лексикографии, в том числе и лексикографии поэтической. Накопление научных данных о языке поэтов и совершенствование информационных технологий стимулирует обращение исследователей к решению задач, поставленных еще Андреем Белым: «...необходима статистика; необходим словарь слов: Баратынского, Пушкина, Тютчева» [Белый 2001: 480]. Представленная диссертация актуальна также в контексте создания «Поэтического словаря Ф. И. Тютчева» на кафедре русского языка Брянского государственного университета под руководством А. Л. Голованевского [Голованевский 2003], [Голованевский 2004а], [Голованевский 2004б], [Голованевский, Атаманова 2004], [Голованевский, Атаманова, Чернявская 2004], [Голованевский 2005], [Голованевский 2006].

Объект исследования – лексико-семантическое поле «Зной»; **предмет** – конкретные средства репрезентации ЛСП «Зной» в поэтических текстах Тютчева.

Первичным **материалом** для исследования послужили отобранные из [Тютчев 1987] методом сплошной выборки поэтические тексты, в которых употреблена лексема *зной* (12 стихотворений). В ходе работы круг используемых текстов был расширен: общее число так или иначе рассмотренных в диссертации стихотворений Тютчева – 54 (полный список приведен в приложении). Помимо тютчевских текстов, для сопоставления привлекаются и отдельные стихотворения других авторов: К. Н. Батюшкова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, Н. А. Некрасова,

М. Ю. Лермонтова, М. В. Ломоносова, М. Н. Муравьева, А. П. Сумарокова, А. А. Фета и др. Все цитаты из Тютчева далее даются по [Тютчев 1987] с указанием номера страницы в квадратных скобках.

Цель работы – проанализировать средства репрезентации ЛСП «Зной» и показать их место и роль в поэтических текстах Тютчева. Данная цель предполагает решение ряда теоретических и практических **задач**:

- 1) на основе изученной литературы определить параметры анализа поэтического текста, соответствующие цели исследования;
- 2) уточнить критерии, по которым организуется лексико-семантическое поле;
- 3) установить базовый набор лексем, образующих ядро ЛСП «Зной» в языке;
- 4) провести лексикографический анализ лексем, образующих ядро ЛСП «Зной», и описать их общеязыковую семантику;
- 5) определить структуру ЛСП «Зной» в поэтических текстах Тютчева;
- 6) описать семантику основных лексических средств, входящих в ЛСП «Зной» в поэтических текстах Тютчева.

Методологической основой диссертации стали работы исследователей, посвященные: 1) изучению поэтического языка (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, М. Л. Гаспаров, Л. Я. Гинзбург, В. П. Григорьев, С. Т. Золян, В. М. Жирмунский, Ю. И. Левин, Ю. М. Лотман, Я. Мукаржовский, М. Риффатерр, Я. Славинский, Ю. Н. Тынянов, Л. В. Щерба, Е. Г. Эткинд, Р. О. Якобсон и др.); 2) исследованию творчества Ф. И. Тютчева (Б. Я. Бухштаб, М. Л. Гаспаров, А. Л. Голованевский, Р. Г. Лейбов, Ю. М. Лотман, Л. В. Пумпянский, П. Н. Толстогузов, В. Н. Топоров, Ю. Н. Тынянов и др.); 3) проблемам семантического анализа лексики, в том числе компонентного, и полевой организации лексических единиц (Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, И. М. Кобозева, Ю. Н. Караулов, С. Д. Кацнельсон, И. С. Куликова, Дж. Лайонз, А. И. Стернин, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.); 4) вопросам

поэтической лексикографии (Г. О. Винокур, А. Л. Голованевский, В. П. Григорьев).

Научная новизна работы связана с тем, что в ней впервые представлен комплексный лингвистический анализ семантики *зной* в поэтическом идиостиле Ф. И. Тютчева, позволивший а) выявить структуру ЛСП «Зной» в текстах поэта, б) определить средства актуализации неявных смыслов единиц, входящих в ЛСП, в) предложить собственные варианты интерпретации содержания некоторых текстов. Новым является введение в научный оборот разноаспектного лексикографического описания общеязыковой семантики лексемы «зной».

Новизной характеризуется и использование при анализе **методов** корпусной лингвистики. Один из основных инструментов в работе – «Национальный корпус русского языка» [Национальный корпус: электронный ресурс] и, в частности, его поэтический подкорпус. Обращение к корпусу позволяет выявить типичные контексты слова, уточнить его морфологические и семантические характеристики. Каждый текст в корпусе хронологически маркирован, что дает возможность проследить изменения свойств слова с течением времени или, например, при необходимости вести поиск только в подкорпусе текстов 19-го века.

Полезным вспомогательным средством при контекстуальном анализе является словарь-конкорданс, где уже исчислены все употребления каждой из лексических единиц языка поэта. В процессе работы над диссертацией был составлен подобный словарь (с помощью специально написанной для этого программы) – «Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева» [Частотный словарь-конкорданс: Электронный ресурс]. В этом словаре представлены все словоформы, встречающиеся в полном собрании стихотворений Тютчева, с указанием их частотности и тех контекстов (строк), в которых они употреблены. Следует отметить, что от известного конкорданса Б. А. Билокура [Bilokur 1975] данный словарь, помимо своей гипертекстовой формы, отличается следующими чертами:

- Он сделан на материале другого издания стихотворений Тютчева. Если основой для конкорданса Билокура послужило издание «Библиотеки поэта» 1957-го года, подготовленное К. В. Пигаревым, то текстовая основа этого словаря – издание «Библиотеки поэта» 1987-го года, подготовленное А. А. Николаевым (издание, используемое в диссертации).
- Входные единицы данного словаря – не лексемы, а словоформы (их лемматизация не проводилась осознанно, поскольку для решения некоторых задач удобнее работать со словарем словоформ).
- Объем контекста, приводимого для иллюстрации употребления словоформы, в этом словаре всегда одинаков и равен одной поэтической строке; в конкордансе же Билокура иллюстративные контексты, как правило, более обширны (можно привести критическое замечание В. С. Баевского, высказанное в адрес конкорданса Билокура как раз по этому поводу: «Из-за малого объема тютчевского поэтического наследия составитель [Б. А. Билокур – А. Б.] имел возможность приводить обширные цитаты, сохраняя относительную компактность конкорданции, однако целесообразность такого решения представляется сомнительной. В каждом случае весьма нелегко решить, какой объем контекста является “полным”. Думается, например, что “полным контекстом” для слова “молчанье” является все поэтическое наследие Тютчева» [Баевский 1991: 70]).

Кроме того, в работе используются описательно-контекстуальный метод (включая интертекстуальный подход), а также приемы компонентного анализа, моделирования и количественной обработки результатов.

Теоретическая значимость диссертации состоит в уточнении понятия ЛСП; во введении понятия лексико-семантической модели как относительно устойчивого образца, служащего для реализации повторяющегося в ряде поэтических текстов смысла; в формулировании структуры ЛСП «Зной», которая может быть учтена и при описании других ЛСП. Кроме того,

результаты исследования уточняют наши представления о «системности поэтического языка» (О. Г. Ревзина).

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут применяться в лексикографической практике, при подготовке научных комментариев к изданиям стихотворений Тютчева, а также в педагогической деятельности (например, при разработке курсов по семантике, лингвистическому анализу текста, лексикографии, русской литературе 19-го века и др.).

Структура диссертации включает введение, три главы, заключение, библиографический блок, состоящий из списка источников, списка научной литературы, списка словарей, и приложение.

Проблематика первой главы связана с общими вопросами изучения поэтического текста, рассмотрением его специфических свойств, принципами анализа. В первой главе вводится понятие лексико-семантической модели, рассматриваются различные подходы к определению ЛСП и дается его рабочая дефиниция.

Вторая глава посвящена прежде всего общеязыковым семантическим особенностям лексемы *зной*, а также ряда других лексем, образующих ядро языкового ЛСП «Зной». В главе анализируются различные примеры лексикографического описания данных лексем, определяется основной круг их значений.

Третья глава опирается на материал, изложенный в первых двух частях работы. Подходы к анализу поэтического текста и лексических единиц реализуются в ней на примере конкретных тютчевских стихотворений. Свойства лексемы *зной*, выявленные во второй главе, соотносятся, во-первых, с особенностями употребления данной лексемы в текстах Тютчева и, во-вторых, с общей структурой ЛСП «Зной».

На защиту выносятся следующие **положения**:

- Диффузность и неопределенность как конститутивные признаки семантики поэтического слова предполагают обращение к различным по

широте контекстам его бытования. Одним из средств описания контекстов, репрезентирующих лексико-семантический потенциал слова как в системе языка, так и в поэтическом тексте, является лексико-семантическое поле.

- Рассматривать ЛСП целесообразно в двух аспектах: общеязыковом (изучение ЛСП *x* в языке *y*) и текстовом (изучение ЛСП *x* в творчестве *y*). Анализ общеязыкового поля обращен к языковым значениям слов, анализ же текстового поля – к смыслам, выражаемым данными словами в текстах. ЛСП – это совокупность лексем, объединенных парадигматическими и синтагматическими отношениями и связанных с одним ядерным компонентом.
- С общеязыковой точки зрения лексема *зной* является «маргинальной» единицей в парадигматическом ряду *тепло, жар, жара, зной*. «Маргинальность» *зноя* выражается в ограниченной сфере его употребления и в относительной узости его семантики (более узкое основное значение и меньший набор значений в целом). Важно, что меньшая употребительность *зноя*, по сравнению с другими единицами данного ряда, находит свое подтверждение и на материале текстов 19-го века. Однако у Тютчева, напротив, *зной* употребляется значительно чаще, чем *жар* (а *жарá* не встречается вообще): «маргинальная» с общеязыковой точки зрения единица становится доминантной.
- Структура ЛСП «Зной» в стихотворениях Тютчева включает в себя пять базовых компонентов: субполе лексем, служащих для выражения семантики *источника зноя*; темпоральное и локативное субполя; набор ключевых оппозиций, в которых участвует семантика *зноя*; коннотации *зноя*. Набор субполей обусловлен совокупностью эксплицитных и потенциальных сем, выявленных путем компонентного анализа дефиниций лексемы «зной», представленных в словарях.
- Субполя ЛСП «Зной» в поэзии Ф. И. Тютчева формируются лексическими единицами, с которыми *зной* регулярно сочетается в

пределах лексико-семантической модели – относительно устойчивого образца, который реализует повторяющийся в ряде поэтических текстов смысл, выражается посредством определенного набора лексем и характеризуется вариативностью неядерных компонентов. ЛСМ является своеобразным устойчивым контекстом анализа смыслов ядерного компонента и сходна по своим функциям с дескрипторной системой (М. Риффатерр).

- Число текстов, в которых употреблена та или иная ЛСМ, может быть различным, и эти тексты могут принадлежать как одному автору, так и нескольким. В случае, когда достаточно сложная по своему составу ЛСМ повторяется в значительном числе стихотворений ряда авторов, как правило, следует говорить о ее традиционно-поэтическом характере. Семантическая структура многокомпонентной ЛСМ не всегда в полном объеме эксплицируется в конкретном тексте: явное лексическое выражение какого-либо из компонентов модели может отсутствовать. Однако если остальные компоненты ЛСМ в тексте представлены, а также если данная ЛСМ имеет традиционно-поэтический характер или же регулярно встречается в творчестве исследуемого автора, то на этом основании можно постулировать наличие в тексте и пропущенного компонента.
- Обращение к анализу семантики ЛСП «Зной» в поэтическом идиостиле Ф. И. Тютчева позволяет говорить о нем не только как о «поэте ночи» ([Блок 1962], [Непомнящий 2002]), но и как о «поэте дня».

Апробация работы: Основные положения работы отражены в девяти публикациях и в докладах на Пятой и Седьмой выездных школах-семинарах «Порождение и восприятие речи», проводимых совместно с Петербургским лингвистическим обществом (Череповец, октябрь, 2006, 2008), на Международной филологической конференции (СПбГУ, март, 2006), Международной научной конференции «Проблемы авторской и общей лексикографии» (Брянск, 2007), научной конференции «Зритель в искусстве:

интерпретация и творчество» (СПб, Санкт-Петербургское философское общество, март, 2007), а также на аспирантских семинарах кафедры русского языка и общего языкознания Череповецкого государственного университета в 2006, 2007, 2008 гг.

Глава 1.

Аспекты анализа поэтического текста

§1. Специфика поэтического текста

Поскольку в данной работе исследуется функционирование языковых единиц в поэтическом тексте, то в теоретическом плане прежде всего оказывается важна сама специфика поэзии, т. е. специфика той среды, в которую погружен предмет изучения и которая не может на него не влиять. В этой связи обратимся к некоторым ключевым вопросам поэтической прагматики и семантики.

Говоря о прагматике поэтического текста, мы опираемся на концепцию Р. О. Jakobsona, изложенную им в работе «Лингвистика и поэтика» [Jakobson 1975]. Эта концепция является продолжением идей К. Бюлера, который, выделив три стороны речевого акта: «отправителя» (адресант, по Jakobsonу), «получателя» (адресат), «предметы и ситуации» (контекст), соотнес их с определенными функциями языка: экспрессии (эмотивная, «сосредоточенная на адресанте»), апелляции (конативная, ориентирующаяся на адресата) и репрезентации (референтивная, сообщение о действительности) [Бюлер 1993]. Jakobson добавляет к названным Бюлером компонентам речевого события еще три (контакт, код, сообщение) и называет соответствующие данным компонентам функции:

- фатическую, или контактоустанавливающую;
- метаязыковую, при которой предметом речи является сам код-язык;
- поэтическую (сам термин «поэтическая функция языка», однако, был введен еще в 1929-ом году, в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» [Тезисы 1967]).

Реализация языковых функций в поэтическом высказывании весьма своеобразна, что связано, в частности, с особым отношением поэтического текста к действительности. Отношение «текст – действительность» во многом

коррелирует с другим отношением – «повествователь – автор»: подобно тому, как автор не отражается в тексте непосредственно, так же и действительность не отражена в нем напрямую, но фактически сконструирована в нем заново. Например, принято говорить о том, что поэтический – и вообще художественный – текст имеет референцию не к реальному миру, но в первую очередь к «художественному миру», «миру дискурса», некоему «возможному миру» и т. п. По мнению Я. Славиньского, поэтическая функция предопределяет сам характер указанного отношения и если в речевом произведении реализуется поэтическая функция, то его референциальные свойства меняются: «Прочие функции языка относят сообщение к внешнему миру; поэтическая функция стремится создать внутренне мотивированный “мир” сообщения» [Славиньский 1975: 261].

М. М. Бахтин отмечает даже, что автор, создавая художественное произведение, осуществляет посредством формы *изоляцию* содержания («...изоляция есть выведение предмета, ценности и события из необходимого познавательного и этического ряда» [Бахтин 1975: 61]), в результате чего «высказывание перестает ждать и желать чего бы то ни было действительного за своими пределами: действия или соответствия действительности <...> так, просьба в лирике – эстетически организованная – начинает дозвонить себе и не нуждается в удовлетворении (она как бы удовлетворена самой формой своего выражения)» [Бахтин 1975: 61].

Безусловно, поэтическое высказывание может осуществлять и эмотивную, и референтивную, и конативную функции, в этом плане оно универсально, однако все эти функции в нем, о чем, в сущности, и говорит Бахтин, подчинены задаче собственно создания текста; т. е. основная цель порождения поэтического высказывания – это, в первую очередь, само порождение высказывания.

Именно в «сосредоточении внимания на сообщении ради него самого» Якобсон и усматривает реализацию поэтической функции языка, подчеркивая при этом, что «поэтическая функция является не единственной функцией

словесного искусства, а лишь его центральной определяющей функцией, тогда как во всех прочих видах речевой деятельности она выступает как вторичный, дополнительный компонент» [Якобсон 1975: 202]. Можно привести и аналогичное мнение Я. Славиньского (который ссылается на Якобсона) о том, что «поэтическая речь по природе своей многофункциональна» [Славиньский 1975: 258], отличие же «типов речи» друг от друга связано с иерархией их функций (в случае поэтической речи – с доминирующей ролью поэтической функции).

Именно свойства прагматики поэтического текста во многом обуславливают особое отношение поэзии к языку. По определению Гумбольдта, «поэзия – это искусство средствами языка» [Гумбольдт 1985: 193]. Как отмечает Бахтин, «...язык нужен поэзии весь, всесторонне и во всех своих моментах, ни к одному нюансу лингвистического слова не остается равнодушной поэзия <...> Только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо требования к нему здесь максимальные: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [Бахтин 1975: 46].

Одними из первых на функциональные отличия поэтического и не-поэтического языков обратили внимание также Б. Гавранек и Я. Мукаржовский. По их мнению, специфика поэтического языка состоит как раз в том, что в нем мы наблюдаем «максимальную, целенаправленную актуализацию языковых средств» [Гавранек 1967: 360] (у Мукаржовского: «максимальная актуализация языкового высказывания» [Мукаржовский 1967: 409]). При этом актуализация понимается как процесс деавтоматизации, отхода от стандартных способов выражения, от нормы литературного языка (что не может не напомнить концепцию искусства как «остранения», предложенную В. Б. Шкловским [Шкловский 1983]). Высказывая идеи, близкие идеям Якобсона, Мукаржовский пишет, что актуализация «совершается не для того, чтобы служить цели сообщения, а для того, чтобы выдвинуть на передний план

сам акт выражения, говорения» [Мукаржовский 1967: 410]. Однако Мукаржовский (как и многие после него) придает слишком большое значение фактам отступления от литературной нормы, полагая, что «без этого не было бы вообще поэтического творчества» [Мукаржовский 1967: 413]. Столь резкие заявления объясняются, возможно, той борьбой с языковым пуризмом, которую вел Пражский лингвистический кружок.

На наш взгляд, «деавтоматизация» поэтического высказывания осуществляется прежде всего не за счет очевидных отступлений от литературной нормы, но за счет раскрытия и расширения семантического потенциала составляющих его слов. Как говорит Г. О. Винокур, «все то, что в общем языке с точки зрения его системы представляется случайным и частным, в поэтическом языке переходит в область существенного, в область собственно смысловых противопоставлений» [Винокур 1991а: 57]. Таким образом, поэтический язык, по Винокуру, не противостоит «общему языку», но, скорее, усовершенствует его, превращая «случайные» элементы в «значимые».

Выделение некоторых базовых свойств поэтического текста необходимо потому, что эти свойства предопределяют характерные черты поэтической семантики и, соответственно, те принципы, которыми нужно руководствоваться при ее анализе. Например, вследствие того, что поэтический текст представляет собою сообщение, «сосредоточенное на самом себе», при анализе в первую очередь следует обращаться к его внутренней смысловой организации, а также учитывать, что стихотворение – это, говоря словами Ю. М. Лотмана, «сложно построенный смысл», т. е. «сосредоточение» текста «на самом себе» приводит не только к изменению его функции, но и к изменению его внутреннего устройства [Лотман 1994: 88]. По мнению Лотмана, «все его [поэтического текста – А. Б.] элементы суть элементы смысловые» [Там же], в нем нет незначимых деталей, которыми можно было бы пренебречь. Сходная мысль реализована в дефиниции стиха, предложенной М. Л. Гаспаровым: «Стих – это текст, ощущаемый как речь повышенной важности, рассчитанная на запоминание и повторение» [Гаспаров 2003: 7]. О

«семантическом осложнении» поэтической речи говорит, например, и С. Т. Золян: «В поэтической речи происходит глобальное изменение языковых принципов семантического структурирования, приводящее к “семантическому осложнению” – одновременной актуализации нескольких смысловых структур, взаимодействующих друг с другом» [Золян 1986: 61].

Специфика референциального статуса поэтического текста приводит к необходимости обозначить еще один принцип его анализа. Так как поэтический текст в целом имеет референцию к некоему «возможному миру», способному существенно отличаться от реального, исследователь (даже если он рассматривает какое-то частное языковое явление) всегда должен стремиться реконструировать данный «возможный мир», в том объеме, который отвечает задачам конкретного исследования.

Другая важная особенность внутреннего устройства поэтического текста заключается в том, что в поэтическом тексте происходит глобальное взаимодействие смыслов: смысл отдельного слова в сколько-нибудь полной степени можно описать, только учитывая его контекст в стихотворении. Как пишет С. Т. Золян, обобщая некоторые принципы изучения поэтической семантики, изложенные в работах членов Пражского лингвистического кружка, Ю. Н. Тынянова, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова и др., «...всякая единица поэтической речи может быть определена лишь по отношению к данной текстовой структуре. Ведь если поэтический текст моделирует свой особый мир, то только на основании целого может быть определено значение и значимость отдельного компонента» [Золян 1985: 26].

Со спецификой контекста в поэзии тесно связано и такое свойство семантики поэтического слова как неоднозначность, потенциальная его способность одновременно выражать несколько разных значений. Как отмечает Анна А. Зализняк, «речевая неоднозначность может быть ненамеренной (и тогда она либо будет разрешена в ходе дальнейшей коммуникации, либо произойдет коммуникативная неудача), но она может быть и намеренной, т. е. использоваться как прием» [Зализняк 2004: 24]. Использование такого приема

как раз и характерно прежде всего для поэтической и художественной речи в целом («Неоднозначность как сосуществование множества различных осмыслений художественного текста признается некоторыми исследователями его ингерентным свойством» [Зализняк 2004: 56]). Рассматривая данный вопрос, Я. Славинский выдвигает тезис о принципиальной «множественности значений» поэтического слова, «отказе от предпочтения одних [значений – А.Б.] в ущерб другим» и даже «утверждении одновременно всех, хотя бы отдаленно возможных, значений слова, включенного в текст» [Славинский 1975: 271]. Если в не-поэтической речи контекст слова, как правило, способствует снятию неоднозначности, то поэтический контекст, напротив, нередко актуализирует сразу множество смыслов: «Если в обычном контексте происходит дифференциация смысла слова, то в поэтической речи происходит синтез, не уничтожающий однако самой дифференциации» [Золян 1991: 258]. По мнению Л. Я. Гинзбург, поэтический контекст, с одной стороны, сужает, конкретизирует семантику слова, а с другой, расширяет ее: «Преобразование слова совершается в поэтическом *контексте*. <...> Контекст – ключ к прочтению слова; он сужает слово, выдвигая, динамизируя одни его признаки за счет других, и одновременно расширяет слово, наращивая на него пласты ассоциаций. <...> поэтическое может быть лишено всякой метафоричности, всякой вообще иносказательности, и все же эстетическое единство контекста придает ему многопланый, расширенный смысл, реализует потенциальные возможности значений и вызывает к жизни неожиданные признаки» [Гинзбург 1974: 10].

Главнейший контекст поэтического слова – это, безусловно, контекст данного стихотворения, однако чрезвычайно значимы и более широкие контексты. По образному выражению Я. Славинского, «участвуя в жизни нового поэтического сообщения, слово тянет за собой все свое прошлое» [Славинский 1975: 270], и потому обращение к этому прошлому может выступать как продуктивное средство анализа. Е. Г. Эткинд говорит о шести основных типах контекстов поэтического слова, (называя их совокупность

«лестницей контекстов»): 1) общесловарном, 2) условно-словарном (общепризнанный переносный смысл), 3) литературного направления, 4) данного автора, 5) цикла стихотворений, 6) отдельного стихотворения [Эткинд 1985: 241]. Из интертекстуальных типов контекстов далее в работе будут использоваться «контекст данного автора», т. е. контекст тютчевской поэзии в целом, а также не обозначенный Эткиндром широкий «контекст эпохи» (контекст русской поэзии 18 – 19 вв.; прежде всего второй половины 18-го и первой половины 19-го века). Кроме того, иногда мы будем прибегать к анализу связей тютчевских текстов с их зарубежными источниками (например, «С чужой стороны» Тютчева и «Ein Fichtenbaum steht einsam...» Гейне).

Многие особенности поэтической семантики оказываются связанными также, по существу, с главным отличием поэтической речи от художественной прозаической речи, которое состоит в том, что поэтическая речь обладает особым ритмическим членением: если единицей прозаического ритма является синтагма, то поэтического – строка, или стих. «В то время как прозаическая речь развивается свободно, кóлон* подхватывает колон, и границы колонов не всегда бывают строго очерчены, стиховая речь должна быть четко разделена на стихи с совершенно отчетливыми их границами» [Томашевский 1996: 103].

Ю. Н. Тынянов говорит о «деформирующем влиянии» стихового ритма на смысл, выделяя в качестве основных ритмических факторов: 1) фактор единства стихового ряда, 2) фактор тесноты стихового ряда, 3) фактор динамизации речевого материала и 4) фактор сукцессивности речевого материала в стихе [Тынянов 1993б]. По Тынянову, деление текста на стихи (формирование единства стихового ряда) приводит к возникновению более тесных семантических связей между единицами, объединенными в один стих (формирование тесноты стихового ряда). В свою очередь, «единство и теснота стихового ряда <...> создают третий его отличительный признак – динамизацию речевого материала» [Тынянов 1993б: 49]. Динамизация – это повышение значимости слова в стихе за счет того, что здесь оно «служит

* Колон – эквивалент термина «синтагма».

одновременно объектом нескольких речевых категорий (слово речевое – слово метрическое)» [Там же]. Последний фактор – фактор сукцессивности – связан с читательским восприятием стиха: постепенным, последовательным, развивающимся во времени, противопоставленным симультанному (в идеале) восприятию практической речи (о понятии сукцессивности у Тынянова см. также [Гаспаров 1997б]).

Благодаря ритму каждое слово в поэтическом тексте имеет определенное, точно заданное, место в конструкции, в результате чего слова обретают дополнительные связи, отсутствующие в прозе (например, связи между начальными словами стихов, рифмующимися словами и т. д.). Таким образом, помимо ближайших синтагматических связей слов, в поэтическом тексте легко устанавливаются и более «далекие» синтагматические связи (ср. «в поэтическом языке синтагматика строится по законам парадигматики» [Шапир 1995: 29]), что тоже нельзя не учитывать при анализе. Практическая реализация изложенных принципов представлена в третьей главе работы.

§2. Лексико-семантические модели и идиостиль Ф. И. Тютчева

Одно из теоретических понятий, используемых нами при реконструировании «возможного мира» текстов Тютчева, – понятие *лексико-семантической модели* (ЛСМ). Анализ ЛСМ, включающих в себя компонент *зной*, помогает определить состав и структуру лексико-семантического поля (ЛСП) «Зной». Единицы, с которыми *зной* регулярно сочетается в разных ЛСМ, формируют основные субполя исследуемого ЛСП. Рабочее определение ЛСМ таково:

Лексико-семантическая модель – это относительно устойчивый образец, который реализует повторяющийся в ряде поэтических текстов смысл, выражается посредством определенного набора лексем и характеризуется вариативностью неядерных компонентов.

ЛСМ записывается как сумма составляющих ее единиц, – например,

«полдень + зной». Лексическое наполнение модели может в значительной степени повторяться от текста к тексту, но такое повторение не является обязательным. В частности, как представители одной трехкомпонентной ЛСМ могли бы быть проанализированы тютчевские сочетания *как бы повеяло весною* и *обдаст как бы весною*. Устойчивые лексические составляющие модели – существительное *весна* и частица *как бы*, реализующая семантику неопределенности – сочетаются здесь с разными, но выражающими сходный смысл глаголами *обдать* и *повеять* (один из оттенков значения глагола *обдать*, согласно МАС, – это «обвеять, охватить (запахом, теплым, дыханием и т. п.)» [МАС 1999: Т. 2, 523]).

Число текстов, в которых употреблена та или иная ЛСМ, может быть различным, и эти тексты могут принадлежать как одному автору, так и нескольким. В случае, когда достаточно сложная по своему составу ЛСМ повторяется в значительном числе стихотворений ряда авторов, как правило, следует говорить о ее традиционно-поэтическом характере (одна из подобных моделей будет рассмотрена в третьей главе, а именно модель «полдень + зной + укрытие от зноя + сон / отдых»). Возможное число компонентов модели также строго не ограничено (минимальное их число – два), однако обычно оно невелико. При этом многокомпонентная модель может быть проанализирована как объединение более простых моделей.

Семантическая структура многокомпонентной ЛСМ не всегда в полном объеме эксплицируется в конкретном тексте: явное лексическое выражение какого-либо из компонентов модели может отсутствовать. Однако если остальные компоненты ЛСМ в тексте представлены, а также если данная ЛСМ имеет традиционно-поэтический характер или же регулярно встречается в творчестве исследуемого автора, то на этом основании можно постулировать наличие в тексте и пропущенного компонента. Так, в одной из частей тютчевского «Послания Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду» отсутствует слово *полдень* (как и *полуденный*, *полдневный* и т. д.), но на основе лексического анализа и обращения к этому стихотворению

в широком поэтическом контексте мы можем установить, что в ней изображен именно полдень (подробно этот пример разбирается во втором параграфе третьей главы).

Предлагаемое понимание традиционно-поэтической ЛСМ отчасти близко к тому, что Майкл Риффатерр называет *дескриптивной системой*. Согласно Риффатерру, в основе дескриптивной системы лежит ядерное слово, а сама система представляет собой ассоциативную сеть слов, устойчиво связанных с ядерным и реализующуюся во множестве текстов; дескриптивные системы – это «системы общих мест» [Риффатерр 1992: 21]. Например, к дескриптивной системе цыгана в поэзии относится набор лексических единиц, традиционно используемых при описании цыган и т. д.

Как отмечает Риффатерр, «...в силу существования подобных систем даже комплексные сходства могут оказаться недостаточными для доказательства филиации, т. е. генетической преемственности между двумя текстами <...> факт наличия в двух текстах одной и той же дескриптивной системы еще не доказывает, что первый текст повлиял на второй» [Риффатерр 1992: 22]. Эти слова Риффатерра так же справедливы и по отношению к традиционно-поэтической ЛСМ. В сущности, говоря о лексических средствах выражения ЛСМ «полдень + зной + укрытие от зноя + сон / отдых», мы, в терминах Риффатерра, будем говорить о дескриптивной системе *знойного полдня*.

Важна и идея Риффатерра о том, что отдельный компонент дескриптивной системы потенциально способен замещать всю систему в целом: «Эти системы так крепко сколочены, что достаточно бывает эксплицировать один их лексический или синтаксический компонент, чтобы оказался опознан весь ансамбль; фактически этот элемент может замещать собою ансамбль» [Риффатерр 1992: 21 – 22]. Выше уже было сказано, что при отсутствии лексической экспликации в тексте некоторых компонентов традиционно-поэтической ЛСМ эти компоненты тем не менее можно восстановить, опираясь на имеющиеся в тексте словесные маркеры.

Попытку представить творчество Тютчева в целом как глобальную ЛСМ (архисюжет) сделал Ю. И. Левин в статье «Инвариантный сюжет лирики Тютчева» [Левин 1990]. Архисюжет, по Левину, обладает основными названными выше чертами ЛСМ: это сочетание смыслов (у Левина – мотивов), повторяющихся в большинстве стихотворений Тютчева и выражаемых с помощью определенных наборов лексем. Кроме того, в конкретных текстах архисюжет может редуцироваться: составляющие его мотивы далеко не всегда в полном объеме актуализированы в каждом отдельно взятом стихотворении, но при этом сам архисюжет не теряет свой инвариантный характер.

Левин предлагает такую формулу архисюжета: $ST - R_1 - R_2 - SP - R - ST'$, где ST обозначает отрицательное состояние субъекта, SP – его положительное состояние, R_1 – предпосылки перехода из ST в SP , R_2 – путь этого перехода, R – обратный путь от SP к ST , ST' – конечное состояние. «Основной миф Тютчева <...> может быть описан в следующем виде. Существуют два мира, T и P , грубо говоря, земной и “иной”, противоположные друг другу и друг с другом в обычных условиях не связанные <...> Герой прикован к T и находится в состоянии ST , жалком и недолжном; но могут возникнуть (или иметься заранее) некие предпосылки его перехода в иной мир и, соответственно, в иное состояние. Развитие сюжета заключается в развитии этих предпосылок, в результате чего происходит переход из этого мира в мир иной <...> Но <...> герой слаб, отягощен наследием T <...> и происходит возврат к ST » [Левин 1990: 144].

Каждый компонент архисюжета имеет ряд типичных способов реализации. Например, для ST это *сон* («Земная жизнь кругом объята снами...»), *сон & мрак* («в сумраке глубоком ... полночь ... дремавших струн встревожит сон»), *мрак & холод* («север ... свинцовый небосклон ... холод царствует»), *разобщенность & неверие* («И нет в творении творца! И смысла нет в мольбе!»), *суета & страсти* («...в толпе людей затерян ... доступен их страстям») и еще несколько десятков других вариантов. Называемые Левиным сочетания семантических компонентов наподобие *сон & мрак*, *мрак & холод*

и т. д. – это, согласно нашему подходу, частные ЛСМ в рамках более крупной модели.

Желание исследователей рассматривать творчество Тютчева с точки зрения разного рода архисюжетов, повторяющихся моделей, комбинаций мотивов, ключевых оппозиций, устойчивых образов и т. п. в первую очередь предопределяется самой природой тютчевского идиостиля, общепризнанные черты которого – склонность к повторам и формульность. Совокупность лирических стихотворений Тютчева анализируется как единая система, смысл отдельного текста и отдельного слова в которой может быть адекватно описан только при обращении к этой системе в целом: «Тютчев <...> повторяет мотивы, многократно перекидывает мосты от одного стихотворения к другому <...> мы имеем основание рассматривать произведения Тютчева как некий единый глубинный текст, лежащий в сознании автора и читателя» [Лотман: Электронный ресурс]; «Мир тютчевской поэзии раскрывается только в комплексе многих стихотворений» [Скатов 1986: 105]; «...многие значения его [Тютчева – А. Б.] слов выявляются не на узком контексте одного стихотворения, а в контексте всего его творчества» [Голованевский 2004а: 542] (одна из последних диссертационных работ, где разделяется и обосновывается такой подход – [Орехов 2008]).

В научный обиход идею о том, что одной из главных черт идиостиля Тютчева является обилие повторов, ввел Л. В. Пумпянский в статье «Поэзия Ф. И. Тютчева» [Пумпянский 1928]. Поэтический метод Тютчева Пумпянский называет *интенсивным*, противопоставляя ему метод *экстенсивный*. Если экстенсивный метод направлен «на завоевание все новых областей – жанровых, тематических и стилистических» [Пумпянский 1928: 11], то интенсивный – на максимально глубокую проработку минимума тем. В качестве примеров такой проработки у Тютчева Пумпянский приводит тему *недоступных вершин* («Около десяти раз, по крайней мере, трактована любимая тема Тютчева: недоступные вершины» [Пумпянский 1928: 13]), *юга, севера, грозы, ночи, хаоса* и ряд других, в числе которых и особенно значимая в контексте нашей работы

тема *палящего* дня: «Кроме “железной зимы”, есть у Тютчева еще один метафизический враг: палящий день, интерпретируемый им с таким же настойчивым повторением главных лексикологических и фразеологических признаков темы» [Пумпянский 1928: 14]. К сожалению, ни сам Пумпянский, ни позднейшие исследователи, насколько нам известно, не дают развернутого анализа этой темы.

В. Н. Топоров в «Заметках о поэзии Тютчева» [Топоров 1990] говорит о тютчевских повторах в аспекте явления «инерционности», когда «в стихах, близких или даже смежных <...> по времени написания, повторяются одни и те же элементы (напр., слова и т. п.) при наличии разных заданий в каждом из стихотворений» [Топоров 1990: 64]. Например, в «Видении» и «Бессоннице» (оба написаны не позже 1829-го года) Топоров выделяет четыре таких повторяющихся элемента, приведенных в табл. 1.1.

Таблица 1.1.

Повторяющиеся элементы в «Видении» и «Бессоннице»

«ВИДЕНИЕ»	«БЕССОННИЦА»
в ночи всемирного молчанья	Среди всемирного молчанья
В пророческих...	пророчески...
густеет ночь & давит сушу	томительная ночи повесть (повторяется семантика <i>нагнетения</i> , <i>томительности</i> , <i>давления</i>)
колесница мирозданья / <i>Открыто</i> катится	Язык... / И <i>внятный</i> каждому... (повторяется семантика <i>открытости</i> , <i>явленности</i> , <i>очевидности</i>)

По мнению Топорова, ответ на вопрос о природе тютчевских повторов можно получить, обратившись к идеям шеллингианства: «Подобные пары “повторяющихся” стихов <...> не могут быть объяснены ни небрежностью или недостаточной селективностью, ни заданием написания диптихов или “двойчаток”, сходных с мандельштамовскими. Можно думать, что, по крайней

мере, отчасти такие пары могут трактоваться в свете некоторых идей шеллингианства» [Топоров 1990: 65]. Конкретная идея, которую имеет в виду Топоров, – это идея Klang, «звона», «отзвука».

В статье «Поэзия Тютчева на фоне салонной речи» А. Юнгрен во многом критикует работу Пумпянского и ставит под сомнение позицию Топорова: «Вопрос о том, насколько философия “отзвука” определяет поэтику Тютчева и объясняет тютчевские повторы, нуждается в дополнительных сопоставлениях в широком контексте романтизма» [Юнгрен: Электронный ресурс]. Юнгрен усматривает в тютчевских повторах «проявление устной литературности, для которой характерно оперирование заготовленными “смысловыми блоками”» [Там же] и которая, в то же время, напрямую связана с романтическим культом импровизации: «Между импровизацией и повторяемостью, подготовленностью “предречи” противоречия нет. Наоборот, одно подкрепляет и предполагает другое, и салонные речевые навыки, т.е. виртуозное владение устным жанром, воплощаются именно в импровизации» [Там же].

Высказывая разные точки зрения относительно генезиса и функционального предназначения повторов в поэзии Тютчева, все исследователи, однако, рассматривают их как одно из наиболее существенных свойств тютчевского идиостиля. Значение идеи повтора для изучения текстов Тютчева мы сможем оценить в ходе анализа ЛСП «Зной».

§3. Понятие лексико-семантического поля

Еще одно важнейшее теоретическое понятие в данной работе – понятие *лексико-семантического поля*.

Прежде всего отметим, что какого-либо общепринятого определения ЛСП нет («Field-theory has a long tradition in European linguistics <...> the terminology is extremely confusing» [Lipka 2002: 167]), см. список различных определений ЛСП в [Караулов 1976: 23 – 32]. Тем не менее можно назвать ряд базовых признаков ЛСП, которые выделяются большинством исследователей.

Во-первых, ЛСП представляет собою набор единиц, объединенных семантическими связями. Во-вторых, в основе ЛСП лежит ядерный компонент, с которым так или иначе соотносятся значения всех членов ЛСП. В-третьих, ЛСП – это полевая структура, обладающая ядром и периферией: по мере удаления от ядра связь между ядерным компонентом и семантикой единиц поля ослабевает.

И. М. Кобозева также указывает на следующие свойства *семантического поля* (термины ЛСП, *семантическое поле* и *лексическое поле* часто употребляются в лингвистической литературе как синонимичные; об иных подходах – предполагающих их дифференциацию – еще будет сказано далее):

- системный характер отношений между единицами поля;
- взаимозависимость и взаимоопределяемость этих единиц;
- относительная автономность поля;
- непрерывность обозначения его смыслового пространства;
- взаимосвязь полей в пределах всей лексической системы [Кобозева 2000: 99]

Расхождения в трактовках ЛСП, нередко обусловленные целями и задачами конкретных исследований, могут объясняться, в частности, разными представлениями о характере единиц, образующих ЛСП, и о типе семантических связей между этими единицами.

В качестве единиц, образующих ЛСП, рассматриваются лексемы, лексико-семантические варианты, значения слов или словосочетания. В отдельных работах можно встретить и некоторые дополнения к этому инвентарю единиц: например, в [Плахина 2004] функцию конституента полевой структуры выполняет образ («В качестве центрального конституента полевой структуры поэтического текста мы рассматриваем образ» [Плахина 2004: 11]). В Тюбингенской школе семантики (Э. Косериу, Х. Геккелер) элементами лексического поля признаются лексема, архилексема и сема [Geckeler 1981: 392]. Архилексема, по Косериу, – это единица, в обобщенном виде отражающая содержание всего лексического поля. Понятию архилексемы близко понятие

гиперонима; так, Леонард Липка отказывается от термина гипероним, используя вместо него термин архилексема: «The subordinate term (or *hyponym*) necessarily implies the superordinate one <...> The latter is called *hyperonym* by some linguists. I shall avoid this term <...> Following Coseriu's, Kastovsky's, and my own usage I shall prefer the <...> term *archilexeme*» [Lipka 2002: 161].

Наиболее традиционные единицы в составе ЛСП среди перечисленных – лексемы и лексико-семантические варианты; как пишет М. А. Кронгауз, «хотя понятие семантического поля может в принципе включать и другие языковые единицы (например, словосочетания), классическое семантическое поле объединяет именно лексемы или лексико-семантические варианты» [Кронгауз 2005: 130]. В данной работе мы, в целом, придерживаемся классического подхода и говорим прежде всего о лексемах, формирующих ЛСП «Зной».

В качестве единственного термина для обозначения поля в настоящем исследовании используется термин ЛСП. Однако некоторые исследователи дифференцируют, например, понятия лексического и семантического поля. Сама идея о различении лексического и семантического (или понятийного) полей имеет в лингвистической теории поля достаточно глубокие исторические корни. Термины *лексическое поле* и *семантическое поле* впервые были совместно употреблены Йостом Триром в 1930-х гг. Как указывают Э. Косериу и Х. Геккелер, Трир не формулировал отличия между этими типами полей явно, но, по всей видимости, под *понятийным полем* он подразумевал содержательную сторону *лексического поля*: «Trier does not make explicit distinctions between 'Wortfeld' (lexical field), 'sprachliches Zeichenfeld', 'Begriffsfeld' (conceptual field) and others. It seems that by 'Begriffsfeld' he means simply the content-side of the 'Wortfeld'» [Coseriu, Geckeler 1981: 22]. В современных работах по семантике, говоря о разграничении лексического и семантического полей, исследователи ссылаются, в частности, на труды Джона Лайонза (в первую очередь на «Semantics» [Lyons 1977]). Ср., «Lyons discerned "lexical fields" and "semantic fields" <...> Whereas "lexical field" or "Wortfeld" in the strict sense is seen as structure formed by lexemes, "semantic field" or

“Bedeutungsfeld” is to be understood as the underlying meaning which finds expression in lexemes» [Wyler 1992: 30]. Термины *semantic field* и *lexical field* Лайонз дифференцирует как, с одной стороны, совокупность любых семантически связанных языковых единиц (семантическое поле), и, с другой стороны, совокупность семантически связанных лексем (лексическое поле): «Lexemes and other units that are semantically related <...> can be said to belong to, or to be the members of, the same (semantic) field; and a field those members are lexemes is lexical field» [Lyons 1977: 268]. Таким образом, лексическое поле, по Лайонзу, – это фактически одна из разновидностей семантических полей. Что же касается семантического поля в том смысле, в каком его трактует Вайлер в приведенной выше цитате, то в «Семантике» Лайонза такое поле названо понятийным (*conceptual field*): «The sense of a lexeme is <...> a conceptual area within a conceptual field» [Lyons 1977: 254].

В качестве еще одного примера работы, где бы проводилось различие между лексическими и понятийными полями, можно привести статью Юргена Штрауса «Concepts, fields, and ‘non-basic’ lexical items» [Strauss 1986]. В данной статье Штраус ссылается на определение семантического поля, предложенное одним из наиболее цитируемых специалистов в области лингвистической теории поля Адриенной Лерер: «A semantic field is a set of lexemes which cover a certain conceptual domain and which bear certain specifiable relations to each other» [Leher 1985: 283]. Опираясь в том числе на эту дефиницию, Штраус выделяет в структуре семантического поля, во-первых, лексическое поле, в определении Лерер соответствующее *набору лексем* («set of lexemes»), и, во-вторых, понятийное поле, соответствующее *понятийной области* («conceptual domain»): «...we have to distinguish the ‘lexical field’ (the Lehrer’s ‘set of lexemes’) from the ‘conceptual field’ (Lehrer’s ‘conceptual domain’)» [Strauss 1986: 135].

Среди отечественных лингвистов теорию понятийных полей развивал С. Д. Кацнельсон. В работе «Содержание слова, значение и обозначение» понятийное поле определяется как «противоположение понятий, ищущее выражения в языке» [Кацнельсон 1965: 77]. Согласно Кацнельсону, понятийное

поле – это ментальная сущность, которая может по-разному реализовываться в разных языках: «Многообразие формальных средств выражения и структурные различия понятийных полей обуславливают возможность различных способов обозначения, из которых тот или иной язык утилизирует в каждом конкретном случае, как правило, только один» [Там же]. В своем исследовании Кацнельсон показал пример использования полевого подхода для контрастивного анализа языков; отметим, что его использование возможно и для контрастивного анализа идиостилей.

Здесь следует особо подчеркнуть, что в современной лингвистике ЛСП рассматривается в двух аспектах: в общеязыковом (изучение ЛСП x в языке y) и текстовом (изучение ЛСП x в творчестве y). В первом случае основным инструментом исследования становится анализ языковых значений единиц ЛСП, а во втором – анализ смыслов, выражаемых ими в текстах того или иного автора. Отталкиваясь от специфики этих видов лингвистического анализа, И. В. Арнольд, в частности, противопоставляет ЛСП как объединение лексики в языке (ЛСП, взятое в первом аспекте) *тематической сетке* как объединению элементов текста [Арнольд 1984]. В работах по ЛСП практически всегда на первый план выдвигается какой-то один из указанных аспектов, однако, в целом, эти аспекты гармонично дополняют друг друга. Так, в [Куликова 2006] основной объект исследования – семантическое поле флоризмов в текстах русской литературы, но вместе с тем его описание неизбежно предваряется и дополняется описанием языкового поля флоризмов. При этом языковое и текстовое поля далеко не тождественны по своему составу и своей структуре; как отмечает И. С. Куликова, языковое поле «проецируется на тексты избирательно» [Куликова 2006: 77], а единицы текстового поля, в свою очередь, получают дополнительные семантические оттенки. В нашей работе основным предметом исследования является ЛСП «Зной» у Тютчева (текстовое поле), но отдельная глава в ней посвящена и семантике лексем, входящих в ядро языкового поля «Зной».

Помимо разных представлений о характере языковых единиц, образующих поле, и терминологии, служащей для его описания, исследователи расходятся во мнениях и относительно того, какие семантические отношения могут объединять единицы поля. В этом вопросе существуют три основных позиции:

1. Языковые единицы могут объединяться в поля исключительно на основе парадигматических связей (синонимии, антонимии, гипонимии и т. д.). Это наиболее распространенный и наиболее традиционный подход, начало которому было положено прежде всего в работах Трира.
2. Языковые единицы могут объединяться в поля исключительно на основе синтагматических связей. Это наименее распространенный подход. Теорию синтагматических полей первым начал разрабатывать в 1930-х гг. Вальтер Порциг.
3. Языковые единицы могут объединяться в поля одновременно как на основе парадигматических связей, так и на основе синтагматических связей.

В данной работе мы опираемся на последний из обозначенных подходов. С одной стороны, внутри ЛСП «Зной» рассмотрены парадигматические связи слов: например, синонимические (*зной – жар*) или антонимические (*зной – прохлада*). С другой стороны, мы выстраиваем модели синтагматических отношений, в которые вступают основные компоненты ЛСП (лексема *зной* регулярно сочетается у Тютчева с *полднем* и *летом* и т. д.).

В числе известных сторонников такого взгляда на устройство ЛСП – Джон Лайонз, который поддерживал в своей «Семантике» идею о необходимости объединения парадигматического подхода Трира с синтагматическим подходом Порцига: «There can no longer be any doubt that both Trier's paradigmatic relations and Porzig's syntagmatic relations must be incorporated in any satisfactory theory of lexical structure» [Lyons 1977: 261]. То, что в составе ЛСП должны учитываться оба типа языковых связей, Лайонз

подчеркивает в дефиниции поля как парадигматически и синтагматически структурированной области лексикона: «...lexical field is a paradigmatically and syntagmatically structured subset of the vocabulary (or lexicon)» [Lyons 1977: 268]. В «Языке и лингвистике» Лайонз отказывается от термина *парадигматические отношения*, называя такие отношения *замещающими* (substitutional): «Since ‘paradigmatic’ though historically explicable and widely employed, is potentially misleading, I will use the term ‘substitutional’ instead» [Lyons 1981: 96]. Именно сочетание замещающих и синтагматических отношений формирует, по словам Лайонза, семантическую структуру лексического поля: «Taken together, the substitutional and syntagmatic sense-relations (of various kinds) give to particular **lexical fields** their particular semantic structure» [Lyons 1981: 155].

Еще раз возвращаясь к вопросу о терминологии, обратим внимание, что в некоторых исследовательских работах анализируются не парадигматические и синтагматические отношения в рамках единого поля, но относительно самостоятельные парадигматические и синтагматические поля (например, парадигматическое поле «Сад» и синтагматическое поле «Сад», но не парадигматические и синтагматические отношения внутри ЛСП «Сад»). При этом термины *лексическое поле* и *семантическое поле* могут получать еще одно наполнение, ср. «I use “lexical field” for paradigmatic and “syntagmatic field” for syntagmatic convention, and I take “semantic field” to name the totality» [Stordalen 2000: 36]. В нашей работе такой подход не применяется.

Вопрос о характере отношений между единицами поля может быть рассмотрен и в аспекте того, каким образом единицы поля связаны с ядерным компонентом. Согласно одному из вариантов решения данного вопроса, все образующие поле единицы должны иметь общую сему – сему, повторяющуюся в значениях каждой из них; ср.: «Семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент» [Апресян 1974: 251]. Согласно другому подходу, каждая единица поля также должна быть семантически связана с ядерным компонентом, но при этом все единицы поля в целом не обязаны иметь общих сем. К такому подходу

прибегает, например, Ю. Н. Караулов: «Необходимым условием построения поля было наличие у всех слов, входящих в его состав, обязательной семантической связи с именем. При этом наличие – отсутствие связи слов друг с другом не принималось во внимание» [Караулов 1976: 209]. Далее в работе используется комбинированный подход: с одной стороны, слова, входящие в ЛСП «Зной», не имеют какой-либо одной общей семы, с другой стороны, внутри ЛСП «Зной» выделяется ряд субполей, компоненты которых связаны друг с другом в том числе и общностью сем (например, компоненты темпорального субполя имеют общую сему «время»).

Исследователи поэтического мира Тютчева достаточно редко прибегают к понятию лексико-семантического или семантического поля, тем не менее можно назвать несколько тютчеведческих работ, где бы это понятие использовалось.

Так, Ю. М. Лотман в «Заметках по поэтике Тютчева» говорит, пусть не вполне терминологично, о семантических полях реального и аллегорического пейзажа: «...две последние строки [стихотворения «Памяти Жуковского» – А. Б.] колеблются в семантических полях реального и аллегорического пейзажа, подсвеченного также романтическим космизмом» [Лотман 1996б: 564]. Р. Лейбов упоминает о семантическом поле «жизни», с которым в стихотворении «Небо бледно-голубое» устойчиво связаны «исключительно значимые в тютчевском мире образы и мотивы <...> – дыхание, тепло, улыбка, сочувствие, любовь» [Лейбов: Электронный ресурс]. Б. Орехов, сопоставляя семантическое поле «язык» в русско- и франкоязычных текстах Тютчева, делает наблюдение, что «среди слов, вошедших в семантическое поле “язык”, во франкоязычных стихотворениях отсутствуют слова, обозначающие ‘молчание’», хотя «в стихах на русском языке у Тютчева понятие молчания занимает центральное место» [Орехов 2007: 51 – 52].

Работ о поэзии Тютчева, где бы давался развернутый анализ того или иного ЛСП, практически нет. Как одно из исключений можно привести статью [Голованевский, Атаманова, Чернявская 2004], в которой описано

семантическое поле «Горение», охватывающее «круг лексем, обозначающих сам процесс горения, его результат и следствия» [Голованевский, Атаманова, Чернявская 2004: 9]. Обобщим основные изложенные авторами сведения о лексическом составе поля в табл. 1.2.

Таблица 1.2.

Состав ЛСП «Горение» в поэтических текстах Ф. И. Тютчева

ЛЕКСЕМА	ЧАСТОТА *	ЗНАЧЕНИЯ	ПРИМЕРЫ
Огонь (доминанта ЛСП)	12	«Раскаленные светящиеся газы, выделяемые при горении»	«Костра огонь предательски сквозит»
		«Внезапно появляющееся или исчезающее пламя»	«Пробираясь меж кустами, / Пробежит огонь живой»
		«Свет от чего-либо горящего»	«Ночью тихой пламенеют / Разноцветные огни»
		«Внутреннее горение, страсть»	«Угрюмый, тусклый огонь желанья»
Костер	9	«Горящая куча дров, сучьев, хвороста»	«Угли гаснут на костре»
		«Угасающая жизнь человека»	«И скоро улетит – во мраке незаметный – / Последний, скудный дым с потухшего костра»
Искра	6	«Светящаяся, сверкающая частица, отблеск»	«Нет искр в небесной синеве, / Все стихло в бледном обаянье»

* Число употреблений лексемы в поэзии Тютчева.

		«Свет, условие жизни человека»	«Нет боле искр на голос твой приветный – / Во мне глухая ночь, и нет для ней утра»
		«Божественный свет музыки»	«От лиры искры побежали»
Пламя, пламень	7, 9	«Горящий раскаленный газ, огонь»	«Пламя рдеет, пламя пышет, / Искры брызжут и летят»
		«Поэтическое обозначение страсти, пылкости»	«Что, бледнея, замирает / Пламя девственных ланит?»
		«Женский взор, очи»	«Видал я сей пламень в знакомых очах»
		«Человек»	«Душа живая, он необоримо / Всегда себе был верен и везде – / Живое пламя, часто не без дыма / Горевшее в удушливой среде»
Дым	25	«Жизнь»	«И жизнь твоя пройдет незрима, / В краю безлюдном, безымянном... / Как исчезает облак дыма / На небе тусклом и туманном»
		«Смерть»	«И скоро улетит – во мраке незаметный – / Последний, скудный дым с потухшего костра»
		«Поднимающиеся вверх серые клубы –	«На пожарище печальном / Нет ни искры, дым один»

		летучие продукты горения»	
		«Испарения воды»	«Смотри, как облаком живым / Фонтан сияющий клубится; / Как пламенеет, как дробится / Его на солнце влажный дым»

Подводя итог своему анализу, авторы указывают, что в большинстве случаев семантика лексем, входящих в поле «Горение», «связана непосредственно с обозначением комплекса “живое”» [Голованевский, Атаманова, Чернявская 2004: 11] (базовые понятия этого смыслового комплекса: человек, жизнь, смерть).

Единственная на сегодняшний день диссертационная работа, посвященная изучению ЛСП на материале поэзии Тютчева, – кандидатская диссертация Н. А. Гуриненко «Взаимодействие компонентов лексико-семантических полей “Человек” и “Природа” в метафоре Ф. И. Тютчева». Следует отметить, однако, что автора работы в первую очередь интересуют не состав и структура ЛСП как таковые, но элементы ЛСП, выступающие в роли средств создания поэтических метафор. Одна из практических задач, поставленных в данном исследовании, – «типологизировать метафоры, в создании которых принимают участие элементы лексико-семантических полей “Человек” и “Природа”, построив определенные семантические модели» [Гуриненко 2005: 5]. Общая цель работы сформулирована следующим образом: «Выявить и описать лексико-семантические способы и средства, которые выводят метафоры Тютчева за пределы общеязыковых и делают их концептуально важным компонентом поэтики “космизма”» [Там же].

Рассматривая ЛСП в теоретическом аспекте, Гуриненко также говорит о существовании множества противоречащих друг другу подходов к определению терминов понятийное / семантическое / лексическое поле и

выбирает в качестве рабочей дефиницию, предложенную в [Солодуб 2003]: «...нам представляется более целесообразным говорить о **лексико-семантическом поле** [а не о понятийном, семантическом и. т. д. – А. Б.] – объединении слов как билатеральных единиц, относящихся к разным частям речи и характеризующихся на уровне их лексических значений наличием хотя бы одной общей (интегральной) семы» [Гуриненко 2005: 41 – 42].

В диссертации проанализированы два основных направления метафоризации в поэзии Тютчева: «1) неживое проявляет себя как живое; 2) живое проявляет себя как неживое» [Гуриненко 2005: 47]. Как пишет Гуриненко, «означаемое» и «означающее» подобных метафор – «единицы разных лексико-семантических полей» [Гуриненко 2005: 42]; под «означаемым» здесь имеется в виду та метафорическая семантика, которую лексема приобретает в поэтическом тексте. Лексические средства выражения компонента «неживое» относятся, по мысли автора, к ЛСП «Природа» (лексемы *мир, природа, море, река, ключ, поле, сад, небо, лазурь, воздух, солнце, гроза, буря* и т. д.), а лексические средства выражения компонента «живое» – к ЛСП «Человек» (*дыхание, сон*, глаголы со значением зрительного восприятия; лексемы, обозначающие эмоциональные или ментальные состояния, речевую деятельность и т. д.). Среди метафор, репрезентирующих первую модель («неживое проявляет себя как живое»): *лазурь смеется, ключ говорит, озеро дышит, чело скал, главы звезд, Север-чародей* и др.; метафоры, репрезентирующие вторую модель («живое проявляет себя как неживое»): *рассвет чувств, свет любви, во мне ... ночь, розы ланит, ты ... был листом, ночь очей* и др.

В заключение параграфа, опираясь на высказанные выше идеи, предложим дефиницию ЛСП, которой будем пользоваться далее:

Лексико-семантическое поле – это совокупность лексем, объединенных парадигматическими и синтагматическими отношениями и связанных с одним ядерным компонентом.

- Стихотворение – это «сложно построенный смысл» [Лотман 1994: 88], в нем нет незначимых деталей, которыми можно было бы пренебречь. Даже при анализе частных языковых явлений исследователь должен стремиться реконструировать «возможный мир» поэтического текста. В поэзии происходит глобальное взаимодействие смыслов, семантику отдельного поэтического слова в сколько-нибудь полной степени можно описать, только учитывая его контекст (прежде всего контекст данного стихотворения, но также и интертекстуальный). Кроме того, поэтическое слово неоднозначно, потенциально способно одновременно выражать несколько разных значений.
- Одно из теоретических понятий, используемых при реконструировании «возможного мира» текстов Тютчева и помогающих определить состав и структуру ЛСП, – понятие лексико-семантической модели. ЛСМ – это относительно устойчивый образец, который реализует повторяющийся в ряде поэтических текстов смысл, выражается посредством определенного набора лексем и характеризуется вариативностью неядерных компонентов. Стремление рассматривать творчество Тютчева с точки зрения разного рода повторяющихся моделей или ключевых оппозиций предопределяется самими свойствами тютчевского идиостиля, его склонностью к повторам и формульности. Лирические стихотворения Тютчева анализируются как единая система, смысл отдельного текста и отдельного слова в которой может быть адекватно описан только при обращении к этой системе в целом.
- Еще одно важнейшее теоретическое понятие – понятие ЛСП. Общепринятого определения ЛСП нет, в работе предложена следующая его дефиниция: лексико-семантическое поле – это совокупность лексем, объединенных парадигматическими и синтагматическими отношениями и связанных с одним ядерным компонентом.

Глава 2.

Общезыковая семантика лексемы «зной» и ее парадигматических коррелятов

§1. Лексема «зной» и ее парадигматические корреляты

По своим общим морфологическим свойствам *зной* – абстрактное имя существительное. Лексема *зной* служит для выражения непредметной семантики *качества* и *состояния*. В «Национальном корпусе русского языка» [Национальный корпус: Электронный ресурс] *зной* отнесен к разряду непредметных имен существительных (в нотации корпуса – r:abstr), а среди непредметных – к тематическим классам «природное явление» (t) и «температура» (t).

В этой главе будут рассмотрены общезыковые семантические и отчасти морфологические особенности *зноя*, а также ряда других лексем, образующих ядро языкового ЛСП «Зной» (в некоторых случаях с параллельным обращением и к тютчевским текстам), проанализированы варианты лексикографического описания данных лексем в словарях (в том числе в словарях разного типа), определен набор их устойчивых значений.

Прежде всего очертим круг лексем, максимально близких *зною* с парадигматической точки зрения, т. е. абстрактных имен существительных, принадлежащих к тематическим классам «природное явление» и «температура». В «Национальном корпусе русского языка» к числу таких слов, помимо *зноя*, отнесены *холод*, *жар* и *жара*. Кроме того, приведенный ряд парадигматически близких единиц можно дополнить лексемами *тепло*, *мороз*, *стужа* и др.

Заранее определить состав того базового парадигматического ряда, к которому относится *зной*, важно потому, что существенная часть языковых особенностей *зноя* может быть в должной степени раскрыта только через его сопоставление с близкими по семантике словами. Такое сопоставление будет

постоянно использоваться в работе (при этом, однако, здесь не ставится задача описать все парадигматические связи *зноя* – в центре внимания будут лишь наиболее значимые из них).

Парадигматический ряд *холод, мороз, стужа, жар, жара, зной, тепло* и т. д. может быть поделен на три части в зависимости от реализации морфологической категории числа отдельными его компонентами. Так, лексемы *холод, мороз* и *стужа* свободно принимают формы и единственного, и множественного числа: *холод – холода, мороз – морозы, стужа – стужи*. И хотя, например, словарь Ушакова отказывает *стуже* в наличии у нее множественного числа («СТУЖА, и, мн. нет» [Ушаков 1996: Т. 4., 570]), это, на наш взгляд, неоправданно и опровергается фактами узуса. Ср. и замечание в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» (НОССРЯ): «Существительное **стужа** употребляется обычно в форме ЕД, хотя форма МН от него возможна; <...> Что значит в мартовские **стужи**, / Когда отчаянье берет, / Все ждать и ждать, как неуклюже / Зашевелится грузный лед (И. Эренбург, Дети юга)» [НОССРЯ 2004: 1245]. Безусловно, у формы множественного числа *стужи* есть некоторый стилистический оттенок архаичности, однако сама по себе эта форма не ощущается в современном русском языке как необычная или неправильная.

Во вторую группу войдут лексемы *жар* и *жара*, формы множественного числа которых употребляются редко, но тем не менее встречаются в текстах, ср. «хотели заехать посмотреть Афины, но стояли жары +46» [Летели аэропланом: Электронный ресурс]. В данном случае (и вообще – в современном словоупотреблении) нельзя определенно сказать, от какой именно лексемы произведена форма множественного числа – от *жара* или от *жары*. По всей видимости, есть лишь одна форма множественного числа, в которой, действительно, можно провести различие между *жаром* и *жарой* – форма родительного падежа (ср. *жаров* и *жар*: «У нас в России вследствие сильных июльских жаров князь Мещерский пишет записки, читаемые на провинциальных сценах Андреевым-Бурлаком» [Чехов 1975: 192];

«Открываются остывающие после августовских жар степи и пустыни» [Михайлов: Электронный ресурс]). На объективную сложность однозначного решения этого вопроса указывают и существующие в словарях разногласия. Например, в БАС форма множественного числа *жары* с пометой «разг.» дается при первом значении лексемы *жар*: «1. Сильно нагретый, горячий воздух || Жары́, ов. разг. Все посохло от жаров» [БАС 1956: Т. 4, 30]; в словаре Ушакова прямо отмечено, что у лексемы *жара* множественное число отсутствует («ЖАРА, ы, мн. нет, ж.» [Ушаков 1996: Т. 1., 846]), а *жары* интерпретируется как устаревшая и разговорная форма, выражающая особое значение *жара*: «ЖАР, <...>, мн. бы́, м. <...> 2. только мн. Жаркое время, знойные, жаркие дни (разг. устар.). Стоят настоящие июльские жары» [Ушаков 1996: Т. 1., 846]; в МАС, напротив, форма *жары* считается принадлежащей только слову *жара*: «ЖАРА́, -ы́, мн. жары́, ж.» [МАС 1999: Т. 1, 472] (в статье *жар* уточнения «мн. жары́» нет). Интересно также отметить, что выражение «установились жары» приводит в качестве иллюстративного (нормативного) примера А. Н. Гвоздев в своих «Очерках по стилистике русского языка» (прижизненные издания – 1952 и 1955 гг.). Гвоздев ставит *жары* в один ряд с *морозами* и *холодами* – в сущности, подчеркивая тем самым языковое равноправие этих трех форм: «Множественное число, обычно у существительных с отвлеченным значением, употребляется для обозначения длительности, повторяемости, например: холода, морозы, жары, ветры, дожди, времена. Например: Установились жары; Морозы продолжались весь январь; Прошли обильные дожди» [Гвоздев 1965: 124].

Наконец, к третьей группе относятся слова *зной* и *тепло*, которые принципиально не имеют форм множественного числа в современном русском литературном языке.

Как видно, несмотря на общекатегориальную близость слов, принадлежащих к парадигматическому ряду «природно-температурных» существительных, в морфологических характеристиках этих слов возможны существенные отличия. Заметим, что среди перечисленных лексем трудности с

образованием форм множественного числа в большей степени проявляются у группы «теплых» существительных (*жар, жара, зной, тепло*). Таким образом, эти лексемы, помимо объединяющей их «теплой» семантики, оказываются дополнительно связанными в рамках данного парадигматического ряда благодаря близости своих морфологических показателей (на уровне дериватов базовых температурных лексем эта морфологическая особенность проявляется, однако, менее заметно: например, *холодок* или *холодина*, в отличие от *холода*, уже не имеют форм множественного числа). Подчеркнем, что и в стихотворениях Тютчева *зной* и *жар* во всех случаях употреблены как раз в единственном числе (важное для рассматриваемого парадигматического ряда слово *жара* не упоминаем просто потому, что в тютчевских текстах оно не встречается).

В. А. Калугина, анализируя структуру концепта «температура» в своем диссертационном исследовании «Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках)», также отмечает, что концепт «температура» объективируется лексико-семантическим полем, состоящим из двух четко дифференцированных парцелл – парцелл с ядерными компонентами *холод* и *тепло*: «...объективируемая ментальная сущность как в русской, так и в английской концептосфере представляет собой композитный концепт (термин О. Фисенко), состоящий из двух сегментов: “температура со знаком +” и “температура со знаком –“» [Калугина 2006: 4]. Вопрос о когнитивных коррелятах температурных лексем остается за рамками нашей работы, однако сам принцип деления ЛСП «Температура» на субполя, или парцеллы, значим и в ней. Далее в главе прежде всего рассматривается субполе лексических единиц, связанных с выражением семантики *зноя*, при этом основное внимание уделяется собственно лексеме *зной* и другим уже названным выше именам существительным – *теплу, жару* и *жаре* (эти же лексемы как одни из наиболее важных в структуре субполя *тепло*, главным образом, исследует в своей работе и В. А. Калугина).

§2. Описание базовых значений лексем «зной», «жар» и «жара»

в толковых словарях

Обратимся к лексикографическому описанию лексемы *зной* в ряде словарей – начиная с наиболее важных в контексте данной работы словарей 18-19-го вв. («Словарь Академии Российской», «Словарь церковно-славянского и русского языка», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля) и заканчивая современными словарями, в том числе изданными уже в текущем столетии. В целом, обзор будет охватывать все основные существующие толковые словари русского языка (согласно, например, «Сводному словарю русской лексики» под ред. Р. П. Рогожниковой [Сводный словарь 1991]). Анализ дефиниций, представленных в толковых словарях, необходим, так как он позволяет получить достаточно полное представление об общеязыковых семантических свойствах изучаемой лексемы. Лишь опираясь на такое представление, мы можем, в частности, определить, какие характеристики *зноя* в поэзии Тютчева являются индивидуально авторскими (или, возможно, унаследованными из предшествующей литературной традиции), а какие присущи *зною* как единице языка.

Словарь Даля (использовалось второе его издание, 1880 – 1882-го гг.) дает следующее определение *зноя*: «Жар от солнца, солнечная припека; удушливая жара среди лета, на солнце» [Даль 1989: Т. 1, 690] (для удобства все словари цитируются в современной орфографии). Отметим несколько ключевых моментов в этом определении. Прежде всего следует указать на то, что *зной* определяется с помощью синонимичных ему понятий – *жара* и *жары*. Такое определение *зноя* – через посредство названных синонимов – характерно для всех основных толковых словарей русского языка.

Толкование с использованием синонимов приводит к необходимости разграничения семантики описываемых синонимических единиц за счет дополнительных средств – введения в словарную статью большего числа пояснений, наглядного иллюстративного материала, информации о типичных

контекстах употребления и др. Т. е. простые определения наподобие «зной – это жар / жара», в любом случае, недопустимы и в словарях не встречаются (иначе говоря, авторы словарей прибегают не к чисто синонимическому, но к описательно-синонимическому способу толкования, см. [Арбатский 1970]). Разумеется, полное и абсолютно строгое разграничение значений синонимических единиц возможно лишь в редких случаях (из-за естественного пересечения семантики синонимов), однако это ни в коей мере не умаляет его значимости.

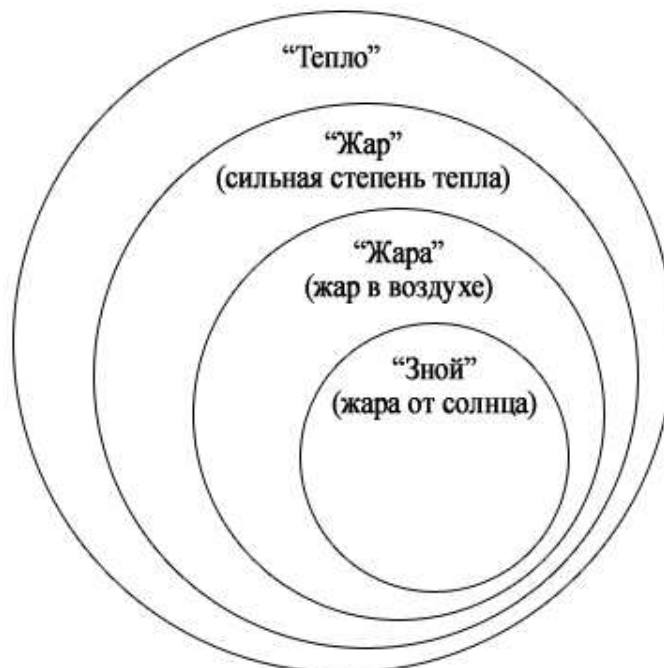
Попытка такого разграничения сделана и в словаре Даля, где под *зноем* понимается не всякий *жар*, но «жар от солнца, солнечная припека». При этом собственно *жар* в первом своем значении определяется у Даля как «сильная степень тепла, от солнца, от огня, от раскаленной вещи, от пара, от химических явлений и пр.» [Даль 1989: Т. 1, 526]. Следовательно, *зной* здесь выступает как одна из разновидностей *жара*, отличающаяся от прочих его разновидностей своим источником – «солнцем»: *зной* – «сильная степень тепла, от солнца».

В словарной статье «Припекать» дается и самостоятельное определение «солнопека [т. е. «солнцепека» – А. Б.], припека солнца» («солнечной припеки»): «...место, с которого солнце во весь день не сходит, жарит, печет, зноит» [Даль 1989: Т. 1, 432]. Таким образом, в контексте данного определения *зной* получает некоторую пространственную локализацию (*зной* – «место», обладающее рядом названных выше признаков). Реализация указанной семантики может осуществляться, например, в рамках предложно-падежного сочетания «на зное» (=«на солнцепеке»), анализ которого предложен в четвертом параграфе третьей главы.

Помимо соотнесения и дифференциации семантик *зноя* и *жара*, в словаре Даля проводится и соотнесение значений *зноя* и *жары* (и шире – *зноя*, *жа́ра* и *жары*). Если *жар*, по определению Даля, – «сильная степень тепла», то *жара* – это «жар, в знач. возвышенной теплоты воздуха» [Даль 1989: Т. 1, 526], т. е. «сильная степень тепла», имеющая определенный материальный носитель – воздух. При этом Даль дополнительно выделяет три возможных вида *жары*,

одним из которых как раз является *зной*: «Жара от солнца, *зной*; летняя жара в тени и по ночам, *духота*; жара в выгоревшей печи, *вольный дух*» [Даль 1989: Т. 1, 526].

Если графически – с помощью эйлеровых кругов – изобразить объемы понятий *зной*, *жарá*, *жар* и *тепло* согласно словарю Даля, то получится следующая картина:

Таким образом, семный состав *зноя* в общем виде можно записать как сочетание сем «тепло» + «высокая степень проявления признака (тепла)» («сильная степень» у Даля) + «в воздухе» + «от солнца». Здесь необходимо пояснить, каким образом в словаре Даля трактуется *тепло*. В интересующих нас сейчас значениях *тепло*, по Далю, – это, во-первых, «мера, при которой вода не мерзнет, лед начинает таять, или, по градуснику, степень выше нуля» [Даль 1989: Т. 4, 399] (определение с физической точки зрения, ср. похожее в этом смысле определение *тепла*, предлагаемое В. А. Калугиной: «относительно высокая температура, но не превышающая или в невысокой степени превышающая норму человеческого тела» [Калугина 2006: 16]) и, во-вторых, «меньшая степень жара, угодная чувствам нашим» [Даль 1989: Т. 4, 399]

(фактически определение от противного, ср. «жар – сильная степень тепла» и «тепло – меньшая степень жара»). Следовательно, *тепло* у Даля противопоставляется *холоду* и *морозу*, но не противопоставляется *жару* – *жар* сам входит в понятийную сферу *тепла*, представляя собой, как говорит Даль, «высшую и тягостную для человека» его степень.

Дифференциальный признак лексем *зно́й* и *жара*, выделенный нами на основе дефиниций Даля (*зно́й* – «жара от солнца»), приводится, в частности, и в НОССРЯ. *Зно́й* и *жара* определяются в НОССРЯ как «такая высокая температура воздуха, что человеку и животным трудно ее переносить» [НОССРЯ 2004: 332] (и это вновь отсылает к дефиниции *жа́ра* как «высшей и тягостной для человека степени тепла», по Далю; сама лексема *жар*, однако, характеризуется в НОССРЯ лишь как «устаревающий синоним» [НОССРЯ 2004: 333] *жары* и *зно́я* и специально не рассматривается). Согласно НОССРЯ (и согласно словарю Даля), слово *жара* «имеет более широкое значение», чем *зно́й*, и «может заменять синоним **зно́й** почти во всех контекстах, но само имеет много таких употреблений, в которых не может быть заменено на **зно́й**» [НОССРЯ 2004: 332]. В НОССРЯ сформулированы пять основных смысловых признаков, дифференцирующих значения лексем *зно́й* и *жара*, и первый из этих признаков связан как раз с вопросом о том, «обязательно ли тепло исходит от солнца» [НОССРЯ 2004: 332]: хотя источником *жары* чаще всего является солнце, «о **жаре** можно говорить и тогда, когда солнце не светит» [НОССРЯ 2004: 332], *зно́й* же – это всегда «сочетание сильной жары с палящими солнечными лучами» [НОССРЯ 2004: 333]. Так, в НОССРЯ утверждается невозможность замены *жары* на *зно́й* в контексте «даже ночью жара не спадает». Тем не менее существуют и исключения из этого правила (в целом, справедливого и по отношению к языку 19-го века), одно из таких исключений – тютчевское стихотворение «Не остывшая от зно́ю...» (1851), где реализуется именно семантика *ночного зно́я* (и главный источник зно́я – солнце – здесь отсутствует): «Не остывшая от зно́ю, / Ночь июльская блистала» [179].

Остальные четыре дифференциальных признака *зноя* и *жары*, по НОССРЯ, таковы (некоторые из них более подробно рассмотрены далее):

- «насколько объективна оценка температуры воздуха (может быть более субъективна в случае **жары**);
- указывает ли слово лишь на температуру воздуха или подразумевает еще какие-то особенности состояния природы (**зной** предполагает солнце, сухой неподвижный воздух и т. п.);
- имеется ли в виду состояние природы в конкретный момент или погода на протяжении какого-то времени (последнее возможно для **жары**);
- как воспринимается воздух – как осязаемая или как видимая субстанция (в случае **жары** это субстанция скорее осязаемая, в случае *зноя* – зрительно воспринимаемая)» [НОССРЯ 2004: 332].

Дефиниции *зноя*, предлагаемые другими словарями, более лаконичны, чем определение Даля, и, в целом, строятся по одинаковой схеме (а некоторые и просто дублируют друг друга, ср. первые значения *зноя* в БАС и словаре Т. Ф. Ефремовой). Согласно данным определениям, *зной* в основном своем (т. е. температурном) значении – это:

- «Великий жар от солнца в воздухе» [САР 2001: Т. 3, 111].
- «Великий от солнца жар в воздухе» [СЦСИРЯ 1847: Т. 2, 94].
- «Сильный жар от раскаленного солнцем воздуха» [Ушаков 1996: Т. 1., 1112].
- «1. Сильный жар в воздухе, нагретом солнцем <...> 2. Устар. Жар, пыл [здесь возможна и не только температурная интерпретация, что подтверждается приводимым в словаре иллюстративным материалом: ср. «от смуглых щек так и веяло зноем и здоровьем» [БАС 1956: Т. 4, 1307] – А. Б.]» [БАС 1956: Т. 4, 1306 – 1307].
- «Сильный жар в воздухе от солнца <...> || Жар от огня» [МАС 1999: Т. 1, 619].
- «Сильная жара от нагретого солнцем воздуха» [Ожегов 1996: 227].

- «Сильная летняя или южная жара от нагретого солнцем воздуха» [РСС: Электронный ресурс].
- «1. Сильный жар в воздухе, нагретом солнцем <...> 2. устар. Жар от огня, печи» [Ефремова: Электронный ресурс].

Все процитированные дефиниции содержат четыре базовых общих семантических компонента – ровно те же четыре семы, которые были вычленены при анализе статей в словаре Даля: «тепло» + «высокая степень проявления признака (тепла)» + «в воздухе» + «от солнца». Можно, впрочем, найти и некоторые нюансы, отличающие в этом плане одни дефиниции от других. К числу таких, практически неощутимых, нюансов относится, например, указание на ближайший источник *зноя*: в одних случаях *зной* – это «*жар в воздухе от солнца*», а в других – «*жар от нагретого солнцем воздуха*». Кроме того, в БАС и МАС, а также в словаре Т. Ф. Ефремовой в качестве дополнительных значений *зноя* даются отсутствующие у Даля «жар, пыл», «жар от огня» и «жар от огня, печи» соответственно (причем в двух словарях – в БАС и словаре Т. Ф. Ефремовой – эти значения помечены как устаревшие). Определение же *зноя* в «Русском семантическом словаре» (РСС), отталкиваясь от дефиниции, предложенной в словаре под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, конкретизирует возможные темпоральные и локативные характеристики *зноя*: *зной* – это прежде всего *летняя* или *южная жара* (о преимуществах по отношению к словарю С. И. Ожегова прямо говорится в предисловии к РСС: «Основным источником словаря послужила картотека словозначений, составленная на основе полного извлечения материалов из однотомного “Словаря русского языка” С. И. Ожегова (изд. 1-23, 1949-1989) и из “Толкового словаря русского языка” С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (изд. 1-4, 1993-1997)» [РСС: Электронный ресурс]).

Следует обратить внимание, что, в действительности, несмотря на полное единодушие основных толковых словарей (за исключением БАС) в том, что *зной* – это обязательно «*жар от солнца*» либо «*от огня, печи*», тип источника *зноя* иногда может варьироваться и более широко. Данное обстоятельство

отражено, например, в словаре синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, где *зно́й* трактуется как «высокая температура сухого сильно нагретого солнцем воздуха *и реже – воздуха, нагретого каким-либо сильным источником тепла* [т. е. конкретный источник *тепла* не уточняется; курсив наш – А. Б.>]» [Словарь синонимов 1970: 331]. «Словарь языка Пушкина» также, помимо значения «сильный жар в воздухе, раскаленном солнцем» [СЯП 1957: 156], выделяет у *зно́я* и значение «исходящее от чего-нибудь очень сильное тепло, жар» [СЯП 1957: 156] (значение это иллюстрируется в словаре выражением «нестерпимый зной пожара» из пушкинской «Истории Пугачева», однако сама формулировка значения не ограничивает число возможных источников *зно́я* одним лишь «огнем»). В качестве примера словосочетания, где бы использовался альтернативный источник *зно́я*, можно привести редкое, но все же встречающееся «зной софитов», ср. «многочасовая фотосессия под палящим зноем софитов» [180 и выше: Электронный ресурс]. И тем не менее нельзя оспорить тот факт, что подобное словоупотребление в значительной степени окказионально, нерегулярно: наиболее характерна для *зно́я* все же реализация значения «жара от солнца» и – в меньшей степени – «жара от огня». Отметим, что в НОССРЯ все значения *зно́я*, кроме «жар от солнца», считаются устаревшими: «Источником жары может быть искусственное тепло, идущее от камина, печки, батареи и т. п. <...> Слово **зно́й** такие употребления в современном русском языке не свойственны; ср. устар. <...> *Его томил недуг. Тяжелый зной печей, / Казалось, каждый вздох оспаривал у груди* (Фет) <...> Слово **зно́й** применяется только для описания природного явления» [НОССРЯ 2004: 332 – 333]. Так или иначе с солнцем связаны и источники *зно́я* в большинстве стихотворений Тютчева (вопрос об основных источниках *зно́я* в поэзии Тютчева освещен в первом параграфе третьей главы).

Кроме несомненного сходства дефиниций *зно́я*, в большей части рассматриваемых словарей (об исключениях скажем ниже) наблюдается и полное согласие в определении базового значения *жара* (курсивом,

подчеркиванием и полужирным шрифтом выделены общие семантические компоненты словарных описаний):

- «Зной; сильная теплота, происходящая от солнца, от огня, или от раскаленных вещей» [САР 2001: Т. 2, 1048].
- «Сильная теплота от солнца, от огня или от раскаленных вещей, зной» [СЦСИРЯ 1847: Т. 1, 599].
- «*Сильная степень нагретости, раскаленности воздуха, зной* || *горячий, раскаленный воздух* || знойное, жаркое время дня || **место, где особенно высокая температура, где жарко**» [Ушаков 1996: Т. 1, 846].
- «*Сильно нагретый, горячий воздух* || *зной* || тепло» [БАС 1956: Т. 4, 30].
- «Сильная степень тепла, присущая чему-л. нагретому или горящему и излучаемая им || *жара, зной* || **место, где особенно высокая температура, где жарко**» [МАС 1999: Т. 1, 472].
- «1. *Горячий, сильно нагретый воздух, зной* <...> 2. **Место, где очень жарко**» [Ожегов 1996: 185].
- «1. *Горячий, сильно нагретый воздух* <...> 2. *То же, что зной* (устар.). <...> 3. **Место, где очень жарко**» [РСС: Электронный ресурс].
- «*Сильная степень нагретости, раскаленности воздуха; зной* || *горячий, раскаленный воздух* || знойное, жаркое время дня || **место, где особенно высокая температура**» [Ефремова: Электронный ресурс].
- «Жаром называют *сильно нагретый, горячий воздух*» [Дмитриев 2003: 324].

Таким образом, в словарях чаще всего выделяются два базовых значения *жара*: *жар* как «сильно нагретый воздух, зной» (примерно то же, что *жара*, по Далю) и *жар* как «место, где жарко» (ср. «...когда завалился потолок в избе, он полез в самый жар, ухватил обгорелое бревно и потащил его из огня. Л. Толстой, Упустишь огонь – не потушишь» [МАС 1999: Т. 1, 472]). При лексикографическом описании они, как правило, включаются в состав первого словарного значения (как основное значение и его оттенок), но возможны и варианты: например, в словаре под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой они

разведены как первое и второе словарные значения, а в БАС значение *жара* как «места, где жарко» отсутствует. Еще большее дробление дефиниции, по сравнению со словарем под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, осуществлено в РСС: значение «горячий сильно нагретый воздух, зной» здесь разбито на два – «горячий, сильно нагретый воздух» и «то же, что зной (устар.)». В качестве иллюстрации к первому из этих значений в РСС приводится, например, «из печи обдаёт жаром» (*жар* тут можно заменить на *горячий воздух*), а в качестве иллюстрации ко второму – «шли полем в самый жар» [РСС: Электронный ресурс].

Обращает на себя внимание то, что базовое значение *жара*, которое было выделено в САР и СЦСИРЯ, а затем развито в словаре Даля, представлено лишь в одном из современных словарей – в МАС. При этом дефиниция МАС прямо отсылает к дефиниции Даля, ср. «сильная степень тепла, присущая чему-л. нагретому или горящему и излучаемая им» [МАС 1999: Т. 1, 472] и «сильная степень тепла, от солнца, от огня, от раскаленной вещи, от пара, от химических явлений и пр.» [Даль 1989: Т. 1, 526] (наименования конкретных источников тепла – «солнца», «огня», «раскаленной вещи» и т. д. – заменяются в МАС на более обобщенное выражение – «что-либо нагретое или горящее»). На наш взгляд, именно такое лексикографическое описание базового значения *жара* является наиболее адекватным. Например, потому, что семантика *жара*, в самом деле, довольно часто содержит важную пресуппозицию «сильной степени нагретости источника жара», т. е. значение *жара* в этом случае относится не только (а иногда и не в первую очередь) к «воздуху». Так, говоря о «жаре от печки», «жаре от асфальта» и т. д., мы подразумеваем, что сильно нагрет не один только «воздух», но и сами «печка», «асфальт» и т. д., причем семантика «высокой степени нагретости источника жара» подчас оказывается куда более значимой, чем семантика «нагретого воздуха» (ср. словосочетание «жар процессора» в предложении «Если кулер не будет справляться с жаром процессора, ты легко можешь демонтировать стандартный вентилятор и заменить на более производительный» [Шуваев 2007: 126]; здесь под *жаром*

прежде всего имеется в виду как раз «высокая степень нагретости процессора», которая может потребовать замены стандартного устройства для его – собственно процессора, а не воздуха – охлаждения).

Предлагаемые словарями дефиниции *жары* практически не позволяют семантически дифференцировать ее и *зной* / *жар* (в базовом значении), но тем не менее компонентный анализ, основанный на совокупности таких дефиниций, дает возможность найти некоторые достаточно тонкие отличия в семантике данных лексем. Согласно словарям, *жара* – это:

- «В просторечии употребляемое для обозначения весьма жаркого летнего времени» [САР 2001: Т. 2, 1049] (как просторечное слово *жара* маркирована и в «Словаре русского языка XVIII века» [Словарь 1992: 96]).
- «Жаркое летнее время» [СЦСИРЯ 1847: Т. 1, 599].
- «Высокая температура воздуха, нагретого солнцем, печью; зной» [Ушаков 1996: Т. 1, 846].
- «1. Высокая температура в сильно натопленном помещении, в знойный день и т. п. <...> 2. Жаркое летнее время; зной» [БАС 1956: Т. 4, 31].
- «Высокая температура воздуха, нагретого солнцем; зной <...> || Горячий, сильно нагретый воздух где-л.» [МАС 1999: Т. 1, 472].
- «Жаркая погода; жар (в 1 знач.)» [Ожегов 1996: 185].
- «1. Жаркая погода; жар <...> 2. То же, что жар [в значении «горячий воздух» – А. Б.]» [РСС: Электронный ресурс].
- «1. Высокая температура воздуха, нагретого солнцем или печью. 2. Горячий, сильно нагретый солнцем воздух; зной» [Ефремова: Электронный ресурс].
- «Жарой называют высокую температуру воздуха на улице или в помещении» [Дмитриев 2003: 325].

Два базовых значения *жары* (либо два оттенка ее базового значения), выделяемые рядом словарей: а) *жара* как *жаркое летнее время*, *жаркая погода* и б) *жара* как *горячий воздух*. Принципы дифференциации этих значений не

очевидны, *жара* в первом значении может противопоставляться *жаре* во втором как *тепло от солнца – теплу от огня, печи; тепло на улице – теплу в помещении; более абстрактное, протяженное во времени явление* («летом обычно бывает жара») – *конкретному* («тут сейчас такая жара»), однако строгое разграничение данных значений вряд ли возможно. В этом плане вполне адекватной кажется дефиниция *жары*, предложенная в словаре Даля («жар, в знач. возвышенной теплоты воздуха» [Даль 1989: Т. 1, 526]). Отметим, что, в отличие от определения *жа́ра*, определение *жары* в словаре Даля уже не опирается на материал САР и СЦСИРЯ, где *жара* – это *жаркое летнее время*.

Общими для *жары*, *жара* и *зноя* по данным большинства словарей являются семы «высокая степень тепла» и «воздух». Отличительная особенность дефиниций *жара* – то, что практически ни в одной из них не содержится указания на конкретный источник *тепла*, либо же ряд таких источников неопределенно велик. В дефинициях же *зноя* и *жары*, напротив, подобные указания почти всегда присутствуют. К числу источников как *зноя*, так и *жары* словари относят «солнце» и – реже – «печь». Но здесь обнаруживается и важное отличие: среди источников *жары* не назван второй по значимости источник *зноя* – *огонь*. В этой связи можно привести ряд языковых наблюдений, подтверждающих сложность сочетания *жары* с *огнем* там, где *огонь* в сочетании со *зным* (и с *жаром*) употребляются относительно свободно: ср. «от огня исходил жар», «от огня исходил зной» и звучащее необычно «от огня исходила жара»; еще один пример: «жар пожара», «зной пожара» и, вероятно, совсем никем не используемое «жара́ пожара». Однако дело тут не собственно в *огне* – сочетания с *огнем* выступают лишь как один из ярких примеров более обширного семантического расхождения *зноя* и *жары*. Это расхождение, на наш взгляд, связано с разным отношением *зноя* и *жары* к своему источнику. Если семантика *зноя* может включать в себя имплицитное указание на направление распространения *зноя* в пространстве (а главное, на то, что он в принципе способен иметь такую направленность: от источника тепла – вовне), то в семантике *жары* подобного указания обычно нет (по отношению к

своему источнику *жара* как бы более автономна). Именно по этой причине не кажутся неправильными выражения «от огня исходил зной» (т. е., условно говоря, «зной распространялся по направлению от огня») и «зной пожара» («зной, распространяющийся по направлению от пожара»), в отличие от выражений «от огня исходила жара» и «жарá пожара».

Таким образом, хотя словарные статьи и не содержат явных формулировок некоторых семантических отличий, комплексный анализ дефиниций позволяет нам эти отличия обнаружить (комплексность анализа заключается, во-первых, в сопоставлении дефиниций ряда близких по семантике слов, а во-вторых, в использовании группы дефиниций, представленных в разных толковых словарях). В целом, нам наиболее близок подход к разграничению базовых значений лексем *зной*, *жар* и *жара*, изначально предложенный в словаре Даля, а именно толкование *жара* как «сильной степени тепла», *жары* – как «сильной степени тепла в воздухе», и *зноя* – как «сильной степени тепла в воздухе от солнца».

§3. К вопросу о соотношении объемов понятий лексем «тепло», «жар», «жара», «зной» и частотностей их употребления в речи

Интересен вопрос о том, в какой степени соотносятся объемы понятий лексем *тепло*, *жар*, *жара*, *зной* и частотности их употребления в речи. Можно предположить, что лексема с наиболее узким основным значением и, в целом, с меньшим набором значений, а именно *зной* (см. также пятый параграф этой главы), будет несколько менее употребительной, чем лексемы с более широким основным значением и большим набором значений. Для подтверждения либо опровержения этой гипотезы обратимся к современному частотному словарю русского языка, подготовленному С. А. Шаровым [Частотный словарь: Электронный ресурс].

Данный частотный словарь, как отмечает его автор, «построен на основе представительного корпуса современного русского языка. Он включает в себя

подборку современной прозы, политических мемуаров, современных газет и научно-популярной литературы (около 40 миллионов слов, проза составляет примерно чуть больше половины объема). Все тексты корпуса были написаны на русском в промежутке между 1970 и 2002; большинство между 1980 и 1995, газетный корпус 1997–1999». Используемая в словаре единица измерения частоты – *ipm* (*instances per million words*), число вхождений на миллион слов. В общей сложности словарь «содержит примерно 35000 слов с частотой большей 1 *ipm*» [Частотный словарь: Электронный ресурс].

Информация о частотностях рассматриваемых лексем, по словарю С. А. Шарова, приведена в табл. 2.1.

Таблица 2.1.

Частотности температурных лексем
(согласно словарю С. А. Шарова)

<i>IPM</i>	<i>ЛЕКСЕМА</i>	<i>IPM</i>	<i>ЛЕКСЕМА</i>
79,57	Тепло	149,48	Теплый
51,66	Жар	35,81	Жаркий
16,04	Жара	5,63	Знойный
8,26	Зной		

Разумеется, здесь необходимо сделать поправку на то, что данные цифры были получены путем *автоматической* обработки массива текстов и, следовательно, они могут быть до определенной степени неточны: например, из-за сложности различения средствами машинной морфологии *теплом* и *тёплом* или *жа́ра* и *жары* (т. к. практически все падежные окончания слов *жар* и *жара* формально совпадают). Тем не менее общая тенденция, подтверждающая выдвинутую гипотезу, прослеживается на этом примере вполне отчетливо. Причем прослеживается она не только на материале имен существительных, но и на материале однокоренных имен прилагательных (в случае с которыми влияние ошибок машинной морфологии на качество полученных результатов менее весомо).

Такая же тенденция обнаруживается и при обращении к данным «Национального корпуса русского языка»: по запросу «тепло + S (имя существительное)» на подкорпусе со снятой омонимией выдаются 114 документов, по запросу «жар + S» – 74, «жара + S» – 73, «зной + S» – 28. Аналогичные запросы на полном корпусе (с неснятой омонимией) приводят к следующим результатам: 3185, 2220 и 531 документ для *тепла*, *жара* / *жары* и *зноя* соответственно (по отдельности оценивать частоты *жара* и *жары* на корпусе с неснятой омонимией нецелесообразно; также следует иметь в виду, что частотность *тепла* в корпусе с неснятой омонимией – это частотность не только соответствующего имени существительного, но и всех его омонимичных форм).

Таким образом, на основании рассмотренного языкового материала можно сделать, в целом, очевидный, но тем не менее нуждавшийся в дополнительной аргументации вывод о том, что в парадигматическом ряду *тепло*, *жар*, *жара*, *зной* наиболее «маргинальной» единицей с общезыковой точки зрения является *зной*. «Маргинальность» *зноя* выражается, во-первых, в ограниченной сфере его употребления по сравнению с другими единицами данного ряда, а во-вторых – в относительной узости его семантики (и здесь, как уже было сказано, имеется в виду не только относительная узость его основного значения, но и вообще – меньший набор значений).

Что особенно важно, меньшая употребительность *зноя* подтверждается и текстами подкорпуса языка 19-го века. Однако при этом в подкорпусе поэтических текстов 19-го века (оба названных подкорпуса входят в состав «Национального корпуса русского языка») *зной*, уступая *жару* и *жаре*, по своей частотности значительно опережает *тепло* (поиск производился только на подкорпусах с неснятой омонимией, ввиду их и без того небольшого объема; частотность существительного *тепло* в предложенных корпусом выборках по запросу «тепло + S» была подсчитана вручную), см. табл. 2.2.

Частотности температурных лексем
(согласно «Национальному корпусу русского языка»)

<i>ПОДКОРПУС ЯЗЫКА 19-ГО ВЕКА</i>		<i>ПОЭТИЧЕСКИЙ КОРПУС</i>	
<i>Число документов</i>	<i>Лексемы</i>	<i>Число документов</i>	<i>Лексемы</i>
408	Жар жара	304	Жар жара
149	Тепло	73	Зной
122	Зной	13	Тепло

Судя по всему, причина, по которой частотность *зноя* в поэтическом корпусе оказывается выше, чем частотность *тепла* – практически та же самая, по которой частотность *тепла* оказывается выше в общезыковом корпусе, а именно: большая семантическая нейтральность *тепла* по сравнению со *зноем* (отсутствие у *тепла* семы «высокой степени проявления признака»). По этой причине *тепло* воспринимается как менее экспрессивная и оттого «менее поэтичная» лексическая единица. Стоит отметить, что в НОССРЯ *зноя* снабжен и особой стилистической пометой «наррат.» [НОССРЯ 2004: 332]: «Помета “наррат.” (нарративное) приписывается лексемам, которые в большей или меньшей степени закреплены за повествовательным стилем речи и в нейтральной разговорной речи избегаются» [НОССРЯ 2004: 12]. Нельзя не учитывать здесь и тот факт, что основной объем текстов в поэтическом подкорпусе «Национального корпуса русского языка» составляют тексты, написанные в первой половине 19-го века, т. е. на распределении частот в данном случае вполне может сказываться и влияние романтической парадигмы – с ее интересом к крайним проявлениям чего бы то ни было (хотя определить, насколько это влияние велико, довольно сложно – сам по себе образ *зноя* появился и активно использовался в русской поэзии задолго до наступления эпохи романтизма).

Теперь, если обратиться к частотностям *тепла*, *жара* и *зноя* в поэтических текстах Тютчева, то можно обнаружить принципиальную деталь –

у Тютчева среди существительных приведенного ряда наиболее употребителен *зной*. Частотности данных лексем в поэзии Тютчева отражены в табл. 2.3.

Таблица 2.3.

Частотности температурных лексем в поэтических текстах Ф. И. Тютчева

<i>ЧИСЛО УПОТРЕБЛЕНИЙ</i>	<i>ЛЕКСЕМЫ</i>	<i>ЧИСЛО УПОТРЕБЛЕНИЙ¹</i>	<i>ЛЕКСЕМЫ</i>
13	Зной	14	Теплый
6	Жар	8	Жаркий
1	Тепло	6	Знойный

Как видно, частотность *зноя* в тютчевских стихотворениях превышает частотность *жара* в два раза, при том, что в поэтическом подкорпусе, напротив, совместная частотность *жара* и *жары* превышает частотность *зноя* более, чем в четыре раза (слова *жарá* у Тютчева, как уже было отмечено, нет вообще); в отношении же *тепла* наблюдается полное тождество – его частотность как в текстах Тютчева, так и в поэтическом подкорпусе предельно мала. Кроме того, обратим внимание, что совокупная частотность пары «зной + знойный» (19) также заметно выше, чем совокупные частотности пар «жар + жаркий» (14) и «тепло + теплый» (15).

В стихотворениях Тютчева, таким образом, особая роль *зноя* в парадигматическом ряду максимально близких ему по семантике слов подтверждается – с рассмотренной формально-статистической точки зрения – двумя фактами: во-первых, большей частотностью лексемы *зной* по сравнению с другими единицами данного ряда и, во-вторых, нестандартным характером этой частотности (единица, менее прочих распространенная в языке в целом и уступающая *жáру* / *жаре* в корпусе поэтических текстов, у Тютчева оказывается наиболее востребованной).

¹ Учтено число употреблений однокоренных имен прилагательных, наречий и слов категории состояния.

Подчеркнем, тем не менее, что формально-статистические показатели важности *зноя* являются, конечно, куда менее значимыми, чем семантические показатели, реализованные в конкретных текстах. Стоит учесть, что *зной* и *знойный* не входят и в топ-50 частотных тютчевских лексем, однако посредством своих обширных семантических связей они вовлекают в ЛСП «Зной» значительную часть тютчевской лексики (в том числе и лексики, уже входящей в топ-50, – например, слово «луч»). При этом ЛСП «Зной» не становится полицентричным или чересчур диффузным образованием – все входящие в него лексемы подчинены одному смысловому центру и так или иначе служат для реализации семантики *зноя*.

В качестве интересного примера здесь можно привести то единственное употребление существительного *тепло*, которое встречается у Тютчева – в стихотворении «Небо бледно-голубое...» (1866). Если в общеязыковом плане *зной* выступает как частная разновидность *тепла* (в его семный состав входят семы «тепло» + «высокая степень проявления признака (тепла)»), то в данном тексте, скорее, *тепло* предстает как «слабая степень зноя» (в этой связи можно напомнить и определение *тепла* как «меньшей степени жара» в словаре Даля [Даль 1989: Т. 4, 399]). В «Небо бледно-голубое...» дается картина необычно теплого сентября: «Небо бледно-голубое / Дышит светом и теплом / И приветствует Петрополь / Небывалым сентябрем» [227] (прилагательное *небывалый* в этих строках отчасти как бы восполняет отсутствующую сему «высокой степени проявления признака», однако производимый им эффект во многом нивелируется *бледно-голубым*, т. е. не в полной мере ясным и солнечным, небом, образ которого вводится в инициальной, сильной позиции стихотворения).

На то, что *тепло* в «Небо бледно-голубое...» – фактически производная от *зноя*, указывает третья строфа, где *югом блещет* и *солнце сеет горячий блеск*: «Блеск горячий солнце сеет / Вдоль по невской глубине – / Югом блещет, югом веет, / И живет как во сне» [228]. Семантика *солнечного блеска* (тем более *горячего*) напрямую связана с семантикой *зноя*; также связана с ней

и семантика *юга*, который регулярно противопоставляется у Тютчева *морозу*, *холоду*, *северу*. Ср. примечательный фрагмент из стихотворения «Вновь твои я вижу очи...» (1849), написанного тем же четырехстопным хореем, что и «Небо бледно-голубое...»: «Вновь твои я вижу очи – / И один твой *южный* взгляд / Киммерийской грустной ночи / Вдруг *рассеял* сонный *хлад*... / <...> / *Сновиденьем безобразным* / *Скрылся север* роковой, / *Сводом* легким и *прекрасным* / *Светит небо* надо мной. / <...> / Лавров стройных колыханье / Зыблет воздух голубой, / Моря тихое дыханье / Провевавет *летний зной* <...> [курсив наш – А. Б.]» [157].

Зной в последней из процитированных строк «Вновь твои я вижу очи...», в сущности, синонимичен *теплу* из «Небо бледно-голубое...». Это не палящий, иссушающий *зной*, но *зной* как примета *золотого, светлого Юга* [143] («Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...», 1837), *теплого Юга*, куда жаждет перенестись лирический субъект: «О, если б мимолетный дух, / Во мгле вечерней тихо вея, / Меня унес скорей, скорее / Туда, туда, на теплый Юг...» [150] («Глядел я, стоя над Невой...», 1844). Значительная часть положительных коннотаций тут реализуется именно за счет тех оппозиций, которые упоминались выше: *зной* оказывается не столь страшен и, более того, весьма приятен (в том числе трансформируясь в *тепло*) по сравнению с холодным «царством вьюги» [143] («Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...»).

§4. Проблема смысловой дифференциации лексем «зной», «жар» и «жара» с точки зрения обозначаемой ими меры тепла

Еще одна проблема, связанная с описанием семантики *зноя* и парадигматически близких ему единиц – проблема того, в какой степени отличаются и, главное, отличаются ли вообще *жар*, *жара* и *зной* с точки зрения обозначаемой ими меры тепла (если контекстуально близкими в этом отношении могут быть даже *зной* и *тепло*).

Лексикографические источники, решая эту проблему, как правило, особо маркируют *зной*. Так, в САР и СЦСИРЯ *зной* – это «великий жар» [САР 2001: Т. 3, 111], [СЦСИРЯ 1847: Т. 2, 94], в словаре В. И. Даля – «удушливая жара» [Даль 1989: Т. 1, 690], в словаре С. Ожегова и в РСС – «сильная жара» [Ожегов 1996: 227], [РСС: Электронный ресурс], в словаре Д. Н. Ушакова, в БАС и в МАС, а также в словаре Т. Ф. Ефремовой – «сильный жар» [Ушаков 1996: Т. 1., 1112], [БАС 1956: Т. 4, 1306 – 1307], [МАС 1999: Т. 1, 619], [Ефремова: Электронный ресурс]. Вместе с тем, при толковании базового значения *жара* практически все словари упоминают и *зной*, что приводит к возникновению некоторого противоречия в лексикографическом описании (обусловленного, однако, объективными факторами – противоречивостью самого предмета).

В. А. Калугина, разграничивая «существительные, репрезентирующие сегмент “температура со знаком +”» [Калугина 2006: 16] по дифференциальному признаку «величина температуры», выделяет две их группы. К первой из групп отнесены лексемы *тепло* и *теплота*, а ко второй – *жар*, *жара* и *зной*, обозначающие, по мнению исследовательницы, «очень высокую температуру от нагретого солнцем воздуха, значительно превышающую норму человеческого тела» [Калугина 2006: 16]. Таким образом, В. А. Калугина не дифференцирует лексемы *жар*, *жара* и *зной* в зависимости от обозначаемой ими меры тепла.

Любопытно, однако, что в работе В. А. Калугиной *зной* наделяется особой семой, отличающей его от *жары* и *жара* – семой «сухость» (квалифицированной в исследовании как «национально-специфичная сема» – по мнению В. А. Калугиной, в семном составе английских температурных существительных данная сема не представлена) [Калугина 2006: 17]. Этот же семантический компонент можно найти и в уже приводившемся определении *зноя*, которое дано в словаре синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой: «...зной – высокая температура *сухого* сильно нагретого солнцем воздуха и реже – воздуха, нагретого каким-либо сильным источником тепла [курсив наш – А. Б.]» [Словарь синонимов 1970: 331]. Сема «сухости» в

словаре под ред. А. П. Евгеньевой также трактуется как дифференциальная – в дефинициях *жа́ра* и *жары* ее нет. Ту же сему «сухости» в качестве дифференциального признака *зноя* называет НОССРЯ: «...особенность слова **зной** состоит в том, что оно <...> предполагает, что воздух сухой и обычно неподвижный. При большой влажности или ветре не говорят о **зное**, хотя можно говорить о **жаре** <...> Для слова **зной** <...> определение *влажный* невозможно» [НОССРЯ 2004: 333 – 334]. Тем не менее если мы обратимся к контекстам употребления лексемы *зной*, то обнаружим, что *зной* и *влажный воздух* вовсе не исключают друг друга, ср. «в сезон жары – с марта по май, устанавливается сильный *зной* и высокая влажность воздуха» [Таиланд: Электронный ресурс], «Как распознать, достаточно ли поддано воды в печь? Есть довольно простой способ. Заберитесь на полоч, и если уши сильно обжигает банным *зноем*, значит, цель достигнута» [С легким паром!: Электронный ресурс] (сила воздействия *зноя* во втором примере напрямую связана со степенью влажности). Более того, нельзя назвать особенно редким, например, и выражение *влажный зной*, ср. «зимы в Индии не бывает, даже в январе люди томятся от влажного *зноя*» [Литвинова: Электронный ресурс], «а нельзя ли и от сухого, и от влажного *зноя* взять только хорошее?» [Знойная красавица: Электронный ресурс], «Миндаль цветет на дне долины, / И влажным *зноем* дышит степь» [Блок 1971: 161] (важно, что семантический оттенок оксюморонности, который должен был бы проявиться при наличии у *зноя* семы «сухость», как кажется, в этих примерах полностью отсутствует). Таким образом, на наш взгляд, тезис об облигаторном наличии в семном составе слова *зной* семы «сухость» является спорным, хотя и нельзя исключать того, что данная сема может выступать здесь в качестве факультативной. Интересно отметить, что толкование *зноя*, предложенное в «Словаре русского языка XVIII века» также содержит сему «сухость» («1. Высокая температура воздуха при большой сухости» [Словарь 1995: 218]), а дефиниция «Словаря русского языка XI – XVII вв.», напротив, включает в себя определение «влажный»: «1. Зной,

жара <...> || Духота, жаркий, *влажный* воздух [курсив наш – А. Б.]» [Словарь 1979: 53].

Полезный лингвистический материал, позволяющий уточнить ряд семантических отличий *зноя*, *жа́ра* и *жары* (прежде всего в контексте современного русского языка), предоставляет «Русский ассоциативный словарь». С помощью томов «Прямого словаря: от стимула к реакции» попробуем сопоставить и проанализировать наборы тех реакций (слов либо выражений), которые были даны информантами в ответ на слова-стимулы *зной*, *жар* и *жара* (приведены в табл. 2.4.).

Таблица 2.4.

Наборы реакций в ответ на слова-стимулы *зной*, *жар* и *жара*

ЗНОЙ	ЖАР	ЖАРА
«жара 19, летний 10; пустыня, холод 6; лето, летом 4; жарко, ужасный 3; жаркий, палящий, полуденный, солнце 2; Африка, был, в июле, в пустыне, в ЮАР, вода, время, гной, дневной, душно, жажда, жар, жгучий, желтый, зима, зола, и в дождь, изнурительный, мокро, море, надоел, невыносимый, нестерпимый, от болезни, очень жарко, песок, пить, пляж, погода, поляна, пот, Саудовская	«птица 8; пар 7; сильный, холод 5; болезнь, огонь 4; больной, в печи, печь, пыл, тепло 3; горячий, горячо, души, пламя, пожар 2; аспирин, банный, баня, большой, в груди, во сне, вода, душно, и жаркое, иссушал, кровать, лоб, любви, милость, невыносимый, ночь, озноб, остудить, от печки, перед родиной, печка, пироги, пожара, почта, пустыня, пышет, разговор, солнце, спал, темой, у человека,	«холод 10, красная 8, солнце 7; невыносимая 6, лето, пот 4; в Акапулько, зной, пустыня, тропическая, ужасная 3; летом, на улице, песок, плохо, пляж, сильнее, страшная, юг 2; баня, в Африке стоит, в пустыне, вода, голый, днем, душно, жуткая, загар, задыхаться, изматывающая, июльская, когда человек чувствует себя подло, красный, летняя; лето, солнце, река; море, на юге, невероятная, невоз-

Аравия, сильный, стоит, струится, стужа, тропики, тяжелый, тяжесть, усталость» [РАС1 1998: 64].	уголь, чисел, шерсть» [РАС1 1998: 50].	можная, невыносимо, необходимая, пиво, пить, полночная, полуденная, пришла, река, стоит, сухо, хорошо, шляпа» [РАС1 1998: 56].
---	--	--

В первую очередь отметим то, что набор реакций на стимул *жар*, более разнообразен с семантической точки зрения, чем наборы реакций на стимулы *зной* и *жарá*. Главным образом это связано с наличием у *жáра* существенно большего числа значений, чем у *зноя* и *жары*. Например, слова *больной*, *аспирин*, *лоб*, *озноб* и др. выступают как ассоциации на *жар* в значении «высокая температура тела при болезни» (у *зноя* также есть аналогичная ассоциация – «от болезни», но лишь одна), а слова *души*, *любви*, *разговор* – как ассоциации на *жар* в значении «порыв, страсть, пыл». При этом в большинстве остальных случаев нельзя точно определить, какое из ряда значений послужило стимулом для возникновения данной реакции: *невыносимый* и *спал* могут относиться как к *жару* в базовом температурном значении, так и к *жару* в значении «высокой температуры тела при болезни»; *в груди* и *у человека* могут относиться как к *жару* в значении «высокой температуры тела при болезни», так и к *жару* в значении «порыв, страсть, пыл» и т. д.

Если выделить из всех ассоциаций *жара* те, которые могут быть произведены от его первого значения, то в их число войдут: пар, сильный, холод (реакция-антоним), огонь, в печи, печь, пыл, тепло, горячий, горячо, пламя, пожар, банный, баня, большой, вода (вероятно, как средство борьбы с *жаром*), душно, и жаркое, иссушал, невыносимый, ночь, остудить, от печки, печка, пироги (ср. *пироги с пылу, с жару*), пожара, пустыня, пышет, солнце, спал, уголь (однако в большей степени, судя по всему, связана с особым значением *жáра*: *жар* – «горячие угли без пламени» [БАС 1956: Т. 4, 31]), шерсть (как теплый материал). Как видно, среди названных реакций

практически отсутствуют такие, семантика которых содержала бы ярко выраженные негативные коннотации (а преобладание подобных коннотаций косвенно указывало бы на то, что *жар* обозначает относительно более высокую меру тепла, ср. *сильный жар* и *нестерпимый жар*, где *нестерпимый жар* объективно сильнее). К числу лексем, обладающих в достаточной степени заметными негативными коннотациями, на наш взгляд, здесь следует отнести лишь *душно*, *иссушал* и *невыносимый* (*большой*, *сильный* и др. в сочетании с *жаром*, безусловно, тоже часто несут негативную оценку, однако она менее велика и все-таки проявляется реже).

Иная картина наблюдается при обращении к ассоциациям *зноя* и *жары*. Количество реакций, наделенных негативными коннотациями (связанными с базовыми температурными значениями слов-стимулов), тут гораздо выше, чем в случае *жара*: в ответ на стимул *зной* в ассоциативном словаре представлено, по меньшей мере, шестнадцать разных слов-реакций такого рода (совокупная их частотность – 19), а в ответ на стимул *жара* – по меньшей мере, двенадцать слов-реакций (совокупная частотность – 24); см. табл. 2.5. Уточним, что общее число реакций, описанных в статьях *зной*, *жар* и *жара* «Русского ассоциативного словаря», примерно одинаково – это и позволяет нам прибегать к прямому сопоставлению материалов данных статей (ср. *зной*: «103 + 52» [РАС1 1998: 64], *жара*: «102 + 51» [РАС1 1998: 56], *жар*: «93 + 50» [РАС1 1998: 50]; первая цифра обозначает общее число реакций на слово-стимул, вторая – число разных реакций).

Таблица 2.5.

Слова-реакции, наделенные негативными коннотациями

<i>ЗНОЙ</i>	<i>ЖАРА</i>
<i>ужасный</i> 3, <i>палящий</i> 2, <i>душно</i> , <i>жажда</i> , <i>жгучий</i> , <i>изнурительный</i> , <i>надоел</i> , <i>невыносимый</i> , <i>нестерпимый</i> , <i>очень жарко</i> , <i>пот</i> , <i>струится</i> [вероятно, как	<i>невыносимая</i> 6, <i>пот</i> 4, <i>ужасная</i> 3; <i>плохо</i> , <i>страшная</i> 2; <i>душно</i> , <i>жуткая</i> , <i>задышаться</i> , <i>изматывающая</i> , <i>невероятная</i> , <i>невозможная</i> , <i>невыносимо</i>

компонент устойчивого сочетания «струится пот» – А. Б.], тяжелый, тяжесть, усталость	
--	--

Любопытно, что две реакции являются общими сразу у всех слов-стимулов: *душно* и *невыносимый* (при том, что у *жара* мы в общей сложности выделили лишь три слова-реакции с яркими негативными коннотациями, т. е., в сущности, две трети из них оказываются не уникальны). Помимо *душно* и *невыносимый*, у *зноя* и *жары* к общим реакциям также относятся *ужасный* и *пот* (в таблице общие реакции отмечены курсивом).

Рассматривая, наконец, реакции, встретившиеся только в ответ на стимул *зной*, можно обнаружить две семантические особенности, которые в том числе и непосредственно связаны с дифференциацией значений лексем *зной*, *жар* и *жара*. Первая из этих особенностей находит свое отражение в словах-реакциях *палящий* и *жгучий* – это тесное пересечение семантики *зноя* с семантикой *солнца*, о котором уже было сказано выше. Оттого *палящий зной* (где мы видим прямой перенос свойств *солнца* на *зной*) – куда более привычное и распространенное выражение, чем *палящая жара* или *палящий жар* (например, «Национальный корпус русского языка» [Национальный корпус: Электронный ресурс] по запросу «палящий зной» выдает 28 документов, а по запросам «палящий жар» и «палящая жара» – 6 и 2 соответственно). Вторая особенность – способность *зноя*, причем, судя по всему, в большей степени, чем *жара* или *жары*, изнурять, вызывать усталость, ср. ассоциации *изнурительный*, *надоел*, *тяжелый*, *тяжесть*, *усталость* (у *жары* также есть однотипная реакция – *изматывающая*, но только одна). Возможно, этой особенностью обусловлена и характеристика *зноя* в словаре Даля как «удушливой жары» [Даль 1989: Т. 1, 690], т. е. «тяжелой» жары, не дающей свободно дышать (вместе с тем, реакция *задышаться* приведена в ассоциативном словаре, напротив, у собственно *жары*).

Таким образом, результаты анализа использованных источников говорят о том, что вопрос о соотношении *зноя*, *жары* и *жара* с точки зрения обозначаемой ими меры *тепла* не имеет какого-либо однозначного решения.

С одной стороны, нельзя не заметить определенной маркированности *зноя* в данном аспекте. Например, *зной* в несколько большей степени, чем *жар* или *жара*, реализует семантику «действия», т. е. *зной*, на наш взгляд, чаще *жара* и *жары* выступает как активная сила (а не просто как состояние), что, в свою очередь, может сказываться и на восприятии *зноя* в его температурном аспекте (как более интенсивного источника тепла). Интересен встретившийся нам пример метаязыковой рефлексии по поводу возможной смысловой дифференциации *зноя* и *жары* – сообщение в блоге, с примечательным заголовком «Что жарче: жара или зной?». Автор сообщения полагает, что жарче все-таки *зной*: «До вчерашнего дня было жарко. Просто жарко. Хотя, кому-то могло быть и очень жарко. А вчера – наступил зной. Солнце не просто жарит, а печёт» [Что жарче?: Электронный ресурс]. *Зной* номинирует здесь самую крайнюю степень тепла (жарче, чем «очень жарко»), при этом момент наступления *зноя* напрямую связывается с изменением интенсивности «солнечного жара» («солнце просто жарит» трансформируется в «солнце печет»).

С другой стороны, маркированность *зноя* тут не является абсолютной: значение крайней степени тепла может выражаться и *жаром*, и *жарой* (например, в зависимости от контекстных условий, стилистических установок или общей речевой манеры говорящего и др.). Согласно НОССРЯ лексемы *зной* и *жара* обладают одинаковым базовым значением «высокой температуры воздуха, которую трудно переносить», однако сама оценка температуры воздуха говорящим может быть более субъективна в случае *жары*: «Представление о **жаре** бывает достаточно субъективным. Человек может сказать *Ну и жара сегодня!*, когда в действительности погода не жаркая, но температура повысилась неожиданно – особенно если он одет не по погоде. Синоним **зной** в подобных контекстах неприменим» [НОССРЯ 2004: 332].

Подобная неоднозначность приводит, как уже было отмечено, и к возникновению объективных противоречий в лексикографических описаниях. Как ни парадоксально, справедливым одновременно оказывается и особое маркирование *зноя* как «*сильного жара*», и включение в состав словарной статьи *жар* понятия *зной* (поскольку *жар*, действительно, может служить для реализации данного понятия в речи).

§5. О номенклатуре значений лексем «*зной*» и «*жар*»
(на материале толковых словарей русского языка)

Еще один вопрос, к которому следует обратиться (и который уже неоднократно так или иначе был затронут) – это вопрос о номенклатуре значений *зноя* и *жара*, или, иначе говоря, о том, какие значения развиваются у данных лексем в языке на основе их первого, базового значения (рассмотренного во втором параграфе).

Если сопоставлять лексемы *зной* и *жар* по числу их значений, то, безусловно, по этому показателю *жар* оказывается далеко впереди: выделяемое словарями число значений *зноя* ограничивается одним-двумя, тогда как число значений *жара* обычно достигает пяти-шести. Столь существенная разница обусловлена прежде всего тем, что базовое значение *жара* является гораздо более широким и абстрактным, чем базовое значение *зноя* (и, соответственно, на его основе может быть произведено большее число второстепенных значений).

Основной набор значений *жара* был выделен уже в САР (первые и иногда вторые значения здесь и далее будут опускаться, ввиду того, что они уже приводились выше):

2. «В сем и в следующих наименованиях во множ. числе не употребляется. Раскаленные уголья <...>

3. Горячий пар <...>

4. Воспаление крови [т. е. болезненное, лихорадочное состояние – А. Б.]<...>

5. Сильное стремление или действие какой-либо страсти: как-то сильное желание, усердие, сильный гнев, сильная любовь и проч. <...>» [САР 2001: Т. 2, 1048 – 1049].

Все приведенные значения, за исключением значения «горячий пар», в полном составе повторяются практически во всех более поздних толковых словарях. Значение же «горячий пар» встречается лишь в еще одном словаре – в СЦСИРЯ:

2. «Раскаленные угли <...>

3. Горячий пар <...>

4. Воспаление крови <...>

5. Сильное стремление или действие страсти <...>

6. Бурый уголь, лигнит, горючий минерал <...>» [СЦСИРЯ 1847: Т. 1, 599].

Под «горячим паром» в САР и СЦСИРЯ понимается прежде всего *пар в бане*, ср. иллюстративный пример к этому значению: «В бане был такой жар, что нельзя было париться» [СЦСИРЯ 1847: Т. 1, 599]. В целом, набор, последовательность и формулировка значений в СЦСИРЯ воспроизводят такую же в САР. Единственное существенное отличие – введение в словарную статью нового значения: «Бурый уголь, лигнит, горючий минерал». Как и значение «горячий пар», значение «бурый уголь...» обнаруживается, кроме СЦСИРЯ, всего в одном словаре – в словаре Даля (значения в словаре Даля даются линейно, отделяясь друг от друга двумя вертикальными чертами, но здесь они для удобства представлены в виде списка):

2. Горящий или тлеющий уголь, перегоревшие в раскаленный уголь дрова, огонь без пламени.

3. Бурый каменный уголь, лигнит.

4. Воспалительное, лихорадочное состояние крови, когда человек чувствует в себе жар, горячку, огневицу.

5. Пора течки, расходки животных.

6. Рвенье, ретивость; горячность, сильное стремление, страстный порыв к чему [Даль 1989: Т. 1, 526].

Одно из значений, отмеченных в словаре Даля, не встречается более ни в каком другом толковом словаре – значение «пора течки, расходки животных». По всей видимости, это значение было диалектным либо жаргонным. Стоит обратить внимание, что значение «период течки», отсутствующее у лексемы *жар* в современном русском языке, имеется, например, у современного английского *heat* (ближайший эквивалент *жара* в английском языке).

Если говорить о тех способах семантической деривации, посредством которых образованы значения *жара*, повторяющиеся в САР, СЦСИРЯ и словаре Даля, то в случае значения «раскаленный уголь» – это метонимический перенос («уголь, от которого исходит жар» начинает именоваться *жаром*), а в случае значений «лихорадочное состояние» и «сильное стремление» – это перенос метафорический (*жару* уподобляются «высокая температура тела человека» и «высокая степень эмоционального напряжения» соответственно; ср. также словосочетания *накал страстей, горячая кровь, жаркий спор*, где температурные лексемы выражают близкую «рвению, сильному стремлению» семантику, и, с другой стороны, *холодный взгляд, ледяное спокойствие, прохладные отношения*, где температурные лексемы связаны со значением «бесстрастности, равнодушия», т. е. реализация *жаром* значения «рвение, сильное стремление» вполне закономерна, и *жар* выступает здесь как член регулярной общезыковой оппозиции «горячности» и «холодности», проявляющейся и в собственно температурном, и в метафорическом – эмотивном – значении).

Словарь под ред. Д. Н. Ушакова выделяет шесть значений *жара*:

3. *только ед.* Горячие уголья, яркие, но без пламени (разг.). <...>

4. *только ед.* Повышенная температура тела. <...> || Разгоряченное, лихорадочное состояние, вызванное каким-н. возбуждением, волнением. <...> || *перен.* Румянец, выдающий разгоряченное состояние. <...>

5. *перен., только ед.* Сильное внутреннее возбуждение, пыл, страстный порыв, рвение. <...>

6. *только ед.* Нагоняй, встрепка, наводящая страх (разг. фам.)» [Ушаков 1996: Т. 1., 1112].

Новым, по сравнению с САР, СЦСИРЯ и словарем Даля, здесь является значение «нагоняй, встрепка, наводящая страх» – это значение *жара*, реализуемое обычно в выражении *дать жару* или *задать жару*. Поскольку данное значение, с одной стороны, тесно связано с конкретным устойчивым выражением, а с другой стороны, во многом пересекается со значением «рвение, пыл, горячность», то во всех остальных словарях, за исключением словаря Т. Ф. Ефремовой и словаря под ред. Д. В. Дмитриева, оно не выделяется (не выделяется именно как самостоятельное значение слова *жар*, но при этом оно может приводиться при пояснении семантики сочетания *задать жару*, ср. фрагмент из словарной статьи «Задать» в МАС: «Задать жару (или пару) – 1) сделать выговор, наказать; 2) замучить множеством спешных и беспокойных поручений» [МАС 1999: Т. 1, 514]).

Также следует отметить, что в качестве оттенков значения «повышенная температура тела» в словаре Ушакова приводятся «разгоряченное, лихорадочное состояние, вызванное каким-н. возбуждением, волнением» (ср. «его бросило в жар от этих слов» [Ушаков 1996: Т. 1., 1112]) и – уже как переносное значение по отношению к «разгоряченному, лихорадочному состоянию» – «румянец, выдающий разгоряченное состояние» (ср. «легким жаром пышет лицо» [Ушаков 1996: Т. 1., 1112]). Таким образом, значение «воспалительного, лихорадочного состояния» здесь распадается на три компонента. Все более поздние словари так или иначе выделяют, вслед за словарем Ушакова, значение *жара* как «румянца», и почти все (кроме БАС) – значение *жара* как «разгоряченного состояния, напоминающего болезненное».

Согласно БАС, номенклатура значений *жара* такова:

2. «Повышенная температура тела при нездоровье. <...>

3. *перен.* Рвение, порыв, пыл. <...>

4. перен. Напряжение, разгар, пыл. <...>

5. Горячие угли без пламени. <...>

6. Румянец на лице <...>» [БАС 1956: Т. 4, 30 – 31].

Новое значение, выделяемое в БАС (но при этом совсем не новое исторически, т. е. с точки зрения времени своего появления), – значение жара как «напряжения, разгара, пыла» (ср. «сраженья жар»). Значение это в существенной мере пересекается со значением *жара* как «рвения, порыва, пыла», также номинируя высокую степень интенсивности некоторого явления или процесса. Тем не менее выделение обоих этих значений, на наш взгляд, оправданно: так, если *жар* в значении «рвения, порыва, пыла» номинирует явления и процессы, связанные с внутренним миром человека, то *жар* в значении «напряжения, разгара, пыла» номинирует обычно явления и процессы, связанные с внешним, окружающим миром.

Интересно также, что среди всех рассматриваемых словарей лишь БАС и словарь под ред. Д. В. Дмитриева описывают значение «румянца на лице» как отдельное значение *жара*, а не как оттенок значения «разгоряченное, лихорадочное состояние» (которое, как уже было сказано, в БАС, напротив, не представлено вообще).

Словарная статья *жар* в МАС объединяет в себе черты как дефиниции словаря Ушакова, так и дефиниции БАС:

2. «Разг. Горячие угли, яркие, но без пламени. <...>

3. Повышенная температура тела при болезни. <...> || Разгоряченное, лихорадочное состояние (от волнения, страха и т. п.), а также вызванный им румянец. <...>

4. перен.; чего или какой. Горячность, страстность, душевный подъем. <...>

5. перен.; чего. Разгар, пыл» [МАС 1999: Т. 1, 472].

Так же, как и в словаре Ушакова, значение «разгоряченного, лихорадочного состояния» в МАС трактуется как семантический оттенок значения «повышенная температура тела при болезни» (значение «румянца на

лице» в МАС, однако, не выделено особо, но включено в состав значения «разгоряченное, лихорадочное состояние»). Вслед же за БАС в числе значений *жара* здесь названо значение «разгар, пыл» (иллюстративный пример: «в жару спора»).

В дефиниции, предлагаемой словарем под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, не встречаются какие-либо уникальные, не отмеченные ранее значения, но в самой структуре словарной статьи здесь также имеет место некоторая оригинальность:

3. «Горячие угли без пламени. <...>
4. Высокая температура тела. <...>
5. Разгоряченное, лихорадочное состояние, а также румянец от него. <...>
6. Рвение, страстность, горячность» [Ожегов 1996: 185].

Только в этом словаре, а также в РСС и словаре под ред. Д. В. Дмитриева, значения *жара* как «высокой температуры тела» и как «разгоряченного, лихорадочного состояния» приводятся по отдельности, т. е. второе не рассматривается лишь в качестве семантического оттенка первого (хотя в словаре Дмитриева они и отнесены к одному смысловому блоку, а в РСС – к одному лексико-семантическому множеству). Кроме того, словарь Ожегова и Шведовой не выделяет отмеченное в БАС и МАС значение «напряжения разгара, пыла».

«Русский семантический словарь» практически полностью дублирует определения, приведенные в словаре под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, отличаясь лишь формулировкой значения «раскаленные угли» и пометой «ед.» у значения «высокая температура тела»:

4. «Раскаленные докрасна древесные угли. <...>
5. ед. Высокая температура тела. <...>
6. Разгоряченное, лихорадочное состояние, а также румянец от него. <...>
7. Рвение, страстность, горячность» [РСС: Электронный ресурс].

Новизна РСС заключается в организации материала: значения многозначного слова представлены здесь не в составе единой словарной статьи

(как в обычных толковых словарях), а в составе тех лексико-семантических множеств, к которым они относятся. Так, *жар* в значении «горячий, сильно нагретый воздух» отнесен в РСС к семантическому подмножеству «Туман. Мгла. Горячий воздух» (который, в свою очередь, входит в более крупные классы: «Слои, потоки воздуха» -> «Атмосфера земли, воздушное пространство. Небесное свечение» -> «Земля, ее строение. Природные пояса, географические зоны. Атмосфера Земли, воздушное пространство» -> «Земля, ее строение. Природные образования» -> «Космос. Земля. Природные образования» -> «Слова, именующие природные образования и продукты деятельности человека (космос; земля; продукты хозяйственной, технической и социальной деятельности)» -> «Слова, именующие конкретный предмет: все живое, вещь» -> «Слова, именующие предмет: все живое, вещь, явление (имена существительные)» -> «Слова именующие (имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, предикативы, глаголы)»). К подмножеству «Туман. Мгла. Горячий воздух» отнесено, например, и второе значение *жары* («то же, что жар»).

Словарь Т. Ф. Ефремовой просто повторяет значения *жара*, приведенные в словаре Ушакова, не привнося в них ничего нового (за исключением немного измененных формулировок, практически не влияющих на содержательную сторону словарной статьи):

2. «разг. Раскаленные, но без пламени угли.
3. Повышенная температура тела при болезни. // Лихорадочное состояние, разгоряченность, вызванные каким-л. возбуждением, волнением. // перен. Румянец, выдающий такое состояние.
4. перен. Сильное внутреннее возбуждение, страстный порыв, рвение.
5. перен. разг. Нагоняй, наводящий страх» [Ефремова: Электронный ресурс].

Наибольшее, по сравнению с другими толковыми словарями, число значений *жара* – одиннадцать – выделено в словаре под ред. Д. В. Дмитриева. Следует сказать, что сам подход к толкованию значений в этом словаре,

«языковом справочнике **активного** типа» [Дмитриев 2003: 8], отличается от традиционного: «Пользователи словаря <...> могут найти в нем не абстрактные и чересчур общие толкования, под которые можно подвести практически любое употребление слова, а надежные объяснения, основанные на проверенных *моделях* языкового употребления» [Дмитриев 2003: 8]. Понятие *значения слова* фактически заменяется в словаре понятием *типового контекста*, при этом несколько таких значений-контекстов могут дополнительно объединяться в более крупные смысловые блоки: «...в больших статьях на многозначные слова отдельные значения слова (вернее, его типовые контексты) группируются в блоки» [Дмитриев 2003: 13]; так, в статье «Жар» значения 7 – 10 образуют блок «о физическом или эмоциональном состоянии человека». Одно из следствий принципа контекстного анализа семантики, постулируемого в словаре, состоит в том, что непосредственно в список значений слова в качестве самостоятельных включаются и те значения, которые данное слово приобретает в составе фразеологических сочетаний («поддать жару», «чужими руками жар загребать») и т. д.:

«2. Если о каком-то месте говорят **самый жар**, значит, это наиболее горячее место <...>

3. **Жаром** называют раскаленные угли без пламени <...>

4. Если в бане кто-то хочет **поддать жару**, то это означает, что он собирается плеснуть воды на раскаленные камни <...>

5. Если о ком-то говорят, что он **чужими руками жар загребает**, имеется в виду, что он недобросовестно использует чужой труд в своих интересах <...>

6. Если о каком-то блюде или продукте говорят **с пылу, с жару**, значит, это блюдо только что приготовлено, еще горячее <...>

о физическом или эмоциональном состоянии человека

7. Если говорят, что у кого-то **жар**, значит, он болен и у него высокая температура тела <...>

8. Если о ком-то говорят, что его **бросает (кидает) в жар**, значит, он находится в разгоряченном, лихорадочном состоянии от волнения или страха, у него выступает румянец на лице <...>

9. **Жаром** можно назвать сильный румянец на лице (от болезни, волнения и т. п.) <...>

10. Если вы делаете что-то **с жаром**, значит, вы делаете это с увлечением, страстно <...>

11. **Задать жару** кому-нибудь, означает отругать его, сделать выговор или же замучить множеством сложных поручений» [Дмитриев 2003: 324].

Обобщим приведенные выше сведения о наличии тех или иных значений в конкретных толковых словарях в виде сводной таблицы – табл. 2.6. (в таблицу не включен только словарь под ред. Д. В. Дмитриева, ввиду специфичности его подхода к формулировке значений).

Таблица 2.6.

Номенклатура значений *жара* в разных толковых словарях

	САР	СЦСИРЯ	ДАЛЬ	УШ., ЕФР.	БАС	МАС	ОЖЕГ., РСС
Раскаленные угли	+	+	+	+	+	+	+
Высокая температура тела				+	+	+	+
Лихорадочное состояние	+	+	+	+		+	+
Румянец				+	+	+	+
Рвение, порыв	+	+	+	+	+	+	+
Разгар, пыл					+	+	
Нагоняй				+			
Горячий пар	+	+					
Бурый уголь		+	+				

Период течи			+				
-------------	--	--	---	--	--	--	--

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать два вывода: с одной стороны, вывод о том, что в основных толковых словарях русского языка выделяется примерно одна и та же номенклатура значений *жара*, но с другой – о том, что ни в одном из толковых словарей эта номенклатура не совпадает полностью (кроме словаря Т. Ф. Ефремовой, в котором повторяется дефиниция словаря Д. Н. Ушакова, и РСС, основывающегося на материалах словаря под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой). Три значения *жара* выделены во всех словарях, в том числе в словарях 18 – 19 вв.: «раскаленные угли», «лихорадочное состояние» и «рвение, порыв» (единственное исключение – БАС, в котором значения «лихорадочное состояние» нет). Во всех современных словарях также выделены значения жара как «высокой температуры тела» и «румянца». Именно эти значения, по всей видимости, можно считать наиболее типичными языковыми значениями *жара* (наряду с его базовым значением «сильной степени тепла»).

Если номенклатура значений *жара* достаточно велика и разнообразна, то номенклатура значений *зноя* сводится всего к двум значениям, которые, к тому же, представлены далеко не во всех словарях: САР, СЦСИРЯ, словари Даля и Ушакова, а также словарь под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и РСС ограничиваются выделением базового температурного значения *зноя*, не отмечая у *зноя* каких-либо второстепенных значений.

Между тем, как было сказано выше, одним из характерных признаков температурных лексем является их способность вступать в общезыковую оппозицию, условно обозначенную как «горячность» – «холодность». Причем температурные лексеммы не просто вступают в эту оппозицию своими базовыми значениями, но и развивают на их основе значения метафорические, связанные с номинацией определенных эмоциональных состояний (и, что важно, такие значения не окказиональны, но имеют свое регулярное языковое выражение).

Исходя из этого наблюдения, естественно было бы ожидать, что и лексема *зной* также обладает подобным метафорическим значением. И такое значение, действительно, отражено в некоторых словарях – это значение «пыл, страсть».

«Пыл, страсть» [МАС 1959: Т. 1, 850] как оттенок базового значения *зной* выделяет МАС, ср. «зной страсти», «зной любви» («а он мечтал о страсти, о ее бесконечно разнообразных видах, о всех сверкающих молниях, о всем зное сильной, пылкой, ревнивой любви» [МАС 1959: Т. 1, 850], И. А. Гончаров, «Обрыв»). Опираясь на дефиницию МАС, аналогичный семантический оттенок вводит в свое определение *зной* и словарь Т. Ф. Ефремовой («пылкость, страстность» [Ефремова: Электронный ресурс]).

БАС как особое – второе – значение *зной* приводит «устар. Жар, пыл» [БАС 1956: Т. 4, 1307], которое может интерпретироваться и в собственно температурном, и в метафорическом аспекте. В самом словаре для иллюстрации этого значения приводится, в частности, такой пример (в сокращенном виде он уже цитировался выше): «Но что за лицо было у итальянки! От смуглых щек так и веяло зноем и здоровьем, роскошью молодости и женской силы» [БАС 1956: Т. 4, 1307] (И. С. Тургенев, «Фауст»). Безотносительно к данному значению *зной* обратим здесь внимание на важную деталь – *зноем веет* от лица *итальянки*: *зной* и *Италия* / *Юг* (а именно Италия прежде всего подразумевается под *Югом* и у Тютчева) – устойчивая ассоциация в отечественной литературе 19-го века.

Судя по всему, под влиянием дефиниции БАС (а в большей степени даже под влиянием иллюстративного примера из нее) словарь Т. Ф. Ефремовой отмечает у первого значения *зной* семантический оттенок «перен. Ощущение жара, исходящего от загорелого, румяного лица» [Ефремова: Электронный ресурс] (отчасти напоминающий семантический оттенок *жара* – «румянец»).

Примечательно также то, что в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» в качестве второго значения *зной* называется «жар (о повышенной температуре тела или воспаленного участка тела» [Словарь 1979: 53]. Можно предположить, что исторически *зной* обладал большим набором значений, схожим с набором

значений современного *жара*, однако со временем его семантика все более сужалась и на сегодняшний день базовым значением *зноя* является «сильный жар в воздухе от солнца».

Тем не менее вполне обоснованно, на наш взгляд, и предлагаемое МАС выделение у лексики *зноя* оттенка значения «пыл, страсть», наличие которого подтверждается языковым материалом. В речи *зноя* может выступать и в других близких *жару* значениях, однако происходит это нерегулярно и потому не фиксируется в словарях (исключением тут можно считать лишь БАС со значением «жар, пыл»). Вопрос о том, какую семантику приобретают *зноя* и *жар* в поэтических текстах Тютчева, будет рассмотрен в следующей главе.

Выводы по главе

- Исследование языковых особенностей лексики становится более продуктивным при сопоставлении ее с близкими по семантике единицами – словами, входящими в тот же парадигматический ряд (в случае лексики *зноя* – это имена существительные, принадлежащие к тематическим классам «природное явление» и «температура»).
- Парадигматический ряд температурных существительных может быть поделен на три части в зависимости от реализации морфологической категории числа отдельными его компонентами: так, 1) *холод* и *мороз* не испытывают сложностей с образованием формы множественного числа; 2) формы множественного числа слов *жар* и *жара* имеют ограниченное употребление; 3) *зноя* и *тепло* не обладают формами множественного числа.
- Обычный способ толкования температурных лексем в словарях – с помощью синонимов (*зноя* – «сильный жар»). Это приводит к необходимости разграничения семантики описываемых синонимических единиц за счет дополнительных средств (наглядного иллюстративного материала, информации о контекстах употребления и др.).

- В словаре Даля проводится достаточно четкая дифференциация базовых значений лексем *зной*, *жар* и *жара*. Если *жар*, по определению Даля, – «сильная степень тепла», *жара* – «жар, в знач. возвышенной теплоты воздуха», то *зной* – «жара от солнца». Таким образом, семный состав *зноя*, согласно словарю Даля, в общем виде можно записать как сочетание сем «тепло» + «высокая степень проявления признака (тепла)» + «в воздухе» + «от солнца».
- Определения базового значения *зноя*, представленные в других толковых словарях, содержат те же семы, которые были вычленены при анализе статей в словаре Даля. Но, кроме того, в БАС и в МАС, а также в словаре Т. Ф. Ефремовой в качестве дополнительных значений *зноя* даются отсутствующие у Даля «жар, пыл», «жар от огня» и «жар от огня, печи» соответственно.
- В словарях чаще всего выделяются два базовых значения *жара*: *жар* как «сильно нагретый воздух, зной» и *жар* как «место, где жарко». При этом базовое значение *жара*, которое было выделено в САР и СЦСИРЯ, а затем развито в словаре Даля, представлено лишь в одном из современных словарей – в МАС. Тем не менее, на наш взгляд, именно такое лексикографическое описание базового значения *жара* (как «сильной степени тепла») является наиболее адекватным. Например, потому, что семантика *жара* довольно часто содержит важную пресуппозицию «сильной степени нагретости источника жара», и значение *жара* в этом случае относится не только к воздуху.
- Предлагаемые толковыми словарями дефиниции *жары* практически не позволяют семантически дифференцировать ее и *зной* (ср. стандартное определение *зноя*: «сильный жар в воздухе от солнца», и распространенное определение *жары*: «высокая температура воздуха, нагретого солнцем»). Однако комплексный анализ, основанный на совокупности дефиниций, дает возможность найти некоторые важные отличия в семантике этих лексем. К числу таких отличий относится,

например, то, что семантика *зноя* может включать в себя имплицитное указание на направление распространения *зноя* в пространстве, в то время как в семантике *жары* подобного указания обычно нет.

- На основании материала толковых словарей, «Национального корпуса русского языка», а также данных о частотности употребления лексем, представленных в словаре С. А. Шарова, можно сделать вывод о том, что в парадигматическом ряду *тепло, жар, жара, зной* наиболее «маргинальной» единицей с общезыковой точки зрения является *зной*. «Маргинальность» *зноя* выражается, во-первых, в ограниченной сфере его употребления по сравнению с другими единицами данного ряда, а во-вторых – в относительной узости его семантики (здесь имеется в виду не только относительная узость его основного значения, но и вообще – меньший набор значений). Но если обратиться к частотностям *тепла, жара* и *зноя* в поэтических текстах Тютчева, то можно обнаружить, что у Тютчева среди существительных приведенного ряда наиболее употребителен именно *зной*. Таким образом, единица, менее востребованная в языке в целом, оказывается наиболее актуальной в поэтических текстах. При этом, однако, важность *зноя* в них подтверждается прежде всего не формально-статистическими, но семантическими показателями.
- Вопрос о соотношении *зноя, жары* и *жара* с точки зрения обозначаемой ими меры *тепла* не имеет однозначного решения. С одной стороны, нельзя не заметить определенной маркированности *зноя* в этом плане (например, в словарях *зной* чаще всего трактуется как «*сильный жар*»). С другой стороны, маркированность *зноя* не является абсолютной: значение крайней степени тепла может выражаться и *жаром*, и *жарой*.
- Рассмотрение полной номенклатуры значений лексем *зной* и *жар* позволяет в еще большей степени подчеркнуть относительно «маргинальное» положение *зноя* в общезыковом поле температурных лексем. Если выделяемое словарями число языковых значений *жара*

обычно достигает пяти-шести, то число значений *зноя* ограничивается одним-двумя (чаще – одним). Помимо базового значения *зноя* как «сильного жара в воздухе от солнца», уместно также выделение у *зноя* значения «пыл, страсть» (в формулировке МАС), ср. «зной страсти».

Глава 3.

Реализация семантики «зноя» в поэзии Ф. И. Тютчева

Рассмотрев свойства лексем, входящих в ядро языкового ЛСП «Зной», теперь мы можем перейти к анализу ЛСП «Зной» непосредственно в стихотворениях Ф. И. Тютчева. При этом мы будем исходить из тех аспектов семантического описания, которые были отмечены нами при работе с лексикографическими данными во второй главе.

Все словарные дефиниции *зноя* обращают внимание, во-первых, на его источник, в качестве которого обычно называется солнце. *Зной* в словарях – это либо жар от солнца, либо жар от нагретого солнцем воздуха (и иногда – жар от огня). Вопрос о семантике *источника зноя* у Тютчева мы исследуем в первом параграфе.

Во-вторых, *зной* в дефинициях характеризуется с точки зрения тех свойств, которые присущи ему как природному температурному явлению: *зной* – это *сильный жар*, *зной* – это жар *в воздухе*. К данному аспекту мы будем обращаться на протяжении всей главы, а во втором ее параграфе подробно остановимся на темпоральной характеристике *зноя*, которая теснейшим образом связана с реализацией названных свойств.

Наконец, третий аспект (раскрываемый в дефинициях менее всего и главным образом через иллюстративный материал) – аспект, связанный с возможным влиянием *зноя* на окружающий мир и потенциальным результатом этого влияния. Этот аспект нас прежде всего будет интересовать в третьем и четвертом параграфах, посвященных семантике лексемы *зной* в контексте оппозитивных отношений и актуализации неявных смыслов *зноя* в предложно-падежных сочетаниях.

Разумеется, все эти аспекты напрямую связаны друг с другом, и не всегда их следует строго дифференцировать. Специфика *источника зноя* во многом предопределяет имманентные свойства *зноя*, которые, в свою очередь, уже обуславливают то, каким образом *зной* взаимодействует с окружающим миром.

Поэтому в работе практически всегда так или иначе совмещаются указанные аспекты анализа.

*§1. Семантический компонент «источник зноя»
и его реализация в стихотворениях Ф. И. Тютчева*

Ни в лингвистическом, ни в экстралингвистическом плане зной не может существовать без своего источника. Наиболее часто в роли источника зноя – как в языке в целом, так и у Тютчева – выступает солнце, однако тут возможен и целый ряд дополнительных вариантов. Например, в случае, когда образ солнца в тексте не выражен явно, в качестве источника зноя могут называться либо пламенные небеса, либо раскаленный воздух и т. д. К анализу подобных примеров мы обратимся во второй части параграфа, в первой же рассмотрим образ *знойного солнца* и в том числе некоторые его не вполне стандартные реализации.

§1.1. Солнце как источник зноя

В общей сложности лексема *солнце* встречается в стихотворениях Тютчева 56 раз (согласно данным Частотного словаря-конкорданса словоформ языка Ф. И. Тютчева [Частотный словарь-конкорданс: Электронный ресурс]). Однако далеко не во всех случаях солнце оказывается источником зноя, его функции значительно более разнообразны. Можно выделить несколько основных семантических ролей солнца в тютчевских текстах.

Прежде всего солнце – источник света. Отметим, что световая семантика в образе солнца вовсе не обязательно должна явно сочетаться с тепловой, они могут существовать и до некоторой степени изолированно друг от друга. Ср. примеры тютчевских текстов, где *солнце светит*: «Пускай орел за облаками / <...> / В себя вливает *солнца свет*» [144] («Лебедь», между 1838 и серединой 1839), «*Солнце* раз еще взглянуло / Исподлобья на поля – / И в сиянье потонула

/ Вся смятенная земля» [154] («Неохотно и несмело...», 1849), «Солнце светит золотое, / Блещут озера струи» [226] («Тихо в озере струится...», 1866).

Последний пример примечателен тем, что в нем сочетаются световая семантика солнца и производная от нее световая семантика воды – «блещут озера струи». Мы называем эту семантику производной, так как первоисточником блеска воды здесь является свет солнца: вода блещет на солнце, отражая солнечные лучи. Необходимо обратить особое внимание на данный пример потому, что он очень типичен для Тютчева, сочетание образов солнца и блещущей на солнце воды используется Тютчевым во множестве текстов. Причем вода может выступать в совершенно разных ипостасях: в виде речных струй, фонтана, дождя, морской волны и т. д.: «Как *пламенеет*, как *дробится* / Его [фонтана – А. Б.] *на солнце* влажный дым» [134] («Фонтан», <1836>), «Повисли перлы дождевые, / И *солнце нити золотит*» [77] («Весенняя гроза», <1828>, начало 1850-х годов), «Ты [волна – А. Б.] *на солнце* ли *смеешься*, / Отражая неба свод» [183] («Ты волна моя морская...», 1852). В последнем тексте нет прямого упоминания о том, что вода блещет на солнце, однако семантика блеска здесь, на наш взгляд, имплицирована в метафорически употребленном глаголе *смеяться*: отражающая солнечный свет волна интерпретируется автором как смеющаяся. Ср. похожее использование глагола *смеяться* и в стихотворении «Что ты клонишь над водами...» (<1835>), где обе характеристики воды (блещет и смеется) даны уже эксплицитно: «...струя бежит и плещет, / И, *на солнце* нежась, *блещет*, / И *смеется* над тобой» [123].

Вторая семантическая роль солнца, также часто встречающаяся в тютчевских текстах, – источник жизненной силы. Солнце в подобной роли находим уже в самом раннем из известных исследователям стихотворений Тютчева – «Любезному папеньке» (1813 или 1814): «...солнце с горней высоты / С улыбкой смотрит на цветы, / Его лучами оживленны» [267]. В «Русской женщине» (1848 или 1849) солнце названо первым в ряду живительных, необходимых человеку явлений: «Вдали от *солнца* и природы, / Вдали от света и искусства, / Вдали от жизни и любви / Мелькнут твои молодые годы» [153].

«Солнце – источник жизненной силы» так же, как и «солнце – источник света», наделяется у Тютчева положительными коннотациями. Такое солнце и выполняет фундаментальную функцию перводвигателя всех природных процессов («Проходя свой путь по своду, / Солнце знает ли о том, / Что оно-то жизнь в природу / Льет в сиянье золотом» [252], «Н. С. Акинфьевой», 1860-е), и утешает человека в часы печали («В часы, когда бывает / Так тяжко на груди / <...> / Вдруг солнца луч приветный / Войдет украдкой к нам / И брызнет огнецветной / Струею по стенам» [197], «В часы, когда бывает...», 1858).

Наконец, третья основная роль солнца в поэтических текстах Тютчева – источник тепла. Мера тепла, источаемого солнцем, может быть различна – как не слишком значительна, так и весьма высока (во втором случае мы говорим о солнце как об источнике зноя). Относительно невелика степень теплоты, например, в текстах, где дается изображение осени: «Небо бледно-голубое / Дышит светом и теплом / И приветствует Петрополь / Небывалым сентябрем / <...> / Блеск горячий солнце сеет / Вдоль по невской глубине» [227 – 228] («Небо бледно-голубое...», 1866), «Весь день, как летом, *солнце греет*» [213] («Утихла биза... Легче дышит...», стихотворение датируется октябрём 1864-го года). Но чаще всего в роли источника тепла у Тютчева выступает знойное, палящее солнце. Андрей Белый, стараясь представить обобщенный образ тютчевского солнца, описывает его так: «...солнце Тютчева действительно, “пламенно” – страстно и раскаленно-багрово (все слова Тютчева); оно “пламенный”, “блистающий” “шар” в “молниевидных” лучах; очень страшное солнце; не чистейший “хрусталь”, а скорей молниеносное чудовище, сеющее искры, розы и воздвигающее дуги радуг (слова Тютчева)» [Белый 2001: 483].

В поэзии Тютчева нет какого-либо устойчивого образа знойного солнца, который бы повторялся от текста к тексту. Повторение отдельных черт возможно, и далее о нем еще будет сказано, но в целом знойное солнце в каждом стихотворении уникально.

Так, в «Летнем вечере» (<1828>) солнце – это раскаленный шар, который земля вечером скатывает со своей главы: «Уж солнца раскаленный шар / С

главы своей земля скатила» [78]. Следует отметить, что в «Летнем вечере» мы видим не собственно картину зноя, но процесс постепенного избавления природы от зноя, в том числе от зноя в образе солнца (семантику «Летнего вечера» в данном аспекте мы еще будем разбирать в следующих параграфах).

В «Как птичка, с раннею зарей...» (<1835>, далее – КПСРЗ) наиболее активным (и даже будет уместно назвать его *агрессивным*) источником зноя оказываются багровые лучи: «О, как лучи его багровы, / Как жгут они мои глаза!» [125] Однако лучи здесь не относятся непосредственно к солнцу – это лучи *младого, пламенного дня*. В данном случае наблюдается метонимический перенос «пламенное солнце -> пламенный день» (пламенный день – такой день, на протяжении которого светит пламенное солнце). Ср. аналогичный перенос и в «Снежных горах» (<1829>), где солнце замещает *полдневная пора*: «Уже полдневная пора / Палит отвесными лучами» [81]. Образ самого солнца в КПСРЗ возникает в последних строках: «Как грустно полусонной тенью, / С изнеможением в кости, / Навстречу солнцу и движенью / За новым племенем брести!..» Интересна тут его амбивалентность: с одной стороны, знойное солнце выполняет называвшуюся нами функцию источника жизненной силы, движенья – для *нового племени*, а с другой – оно как бы отнимает жизнь у *старых поколений*. В целом, КПСРЗ по своему содержанию очень напоминает другое тютчевское стихотворение – «Бессоницу» (<1829>); напоминает, в частности, и ролью солнца во возвращении *младого племени*: «И новое, младое племя / Меж тем на солнце расцвело, / А нас, друзья, и наше время / Давно забвеньем занесло!» [80] Однако в «Бессонице» нет той насыщенной картины зноя, которая столь ярко представлена в КПСРЗ.

В ряде текстов знойное солнце у Тютчева – это южное солнце, т. е. оно получает определенную географическую локализацию. В числе таких текстов, например, «Глядел я, стоя над Невой...» (1844, ГЯСН) и «Вновь твои я вижу очи...» (1849, ВТЯВ). И в ГЯСН, и во ВТЯВ солнце предстает одним из компонентов глобальной и характерной для творчества Тютчева в целом

оппозиции *север – юг*. В обоих стихотворениях лирический субъект мысленно переносится на прекрасный юг с сурового и грустного севера.

В ГЯСН образ солнца вводится в третьей строфе: «Я вспомнил, грустно-молчалив, / Как в тех странах, где солнце греет, / Теперь на солнце пламенеет / Роскошный Генуи залив...» [150] Любопытно, что, сказав сначала об абстрактных *тех странах*, в последней строке автор все-таки уточняет локализацию: «Генуи залив». Связь солнца и водной стихии (залива), как мы уже отмечали, типична для Тютчева и обычно выражается в образе блещущей на солнце воды. В ГЯСН этот блеск фактически приобретает свою максимально возможную интенсивность: залив *пламенеет* на солнце (использование данного глагола с аналогичной функцией мы видели и в «Фонтане»). Таким образом, солнце в ГЯСН одновременно служит для реализации как тепловой («солнце греет»), так и световой семантики («на солнце пламенеет»).

Во ВТЯВ лексемы *зной* и *солнце* употребляются в смежных строках: «Моря тихое дыханье / Провевавет летний *зной*, / Целый день на *солнце* зреет / Золотистый виноград» [158]. Несколько забегаая вперед, укажем здесь на два темпоральных маркера. Во-первых, на определение *летний*, в сочетании с которым *зной* у Тютчева встречается неоднократно, на нем мы еще остановимся в следующем параграфе. *Летний* во ВТЯВ вступает в оппозицию к северу, ассоциирующемуся с *зимним*. А во-вторых, и это для нас сейчас более важно, укажем на маркер *целый день*, который подчеркивает длительность теплового воздействия солнца: солнце источает *зной* на протяжении всего дня (хотя наиболее часто *зной* в тютчевских стихотворениях – полуденный, т. е. не охватывающий день в целом).

И в ГЯСН, и во ВТЯВ *знойное* солнце, помимо прочего, выполняет также функцию источника жизненной силы (как один из главнейших компонентов благодатного юга). Отличие между текстами здесь, однако, в том, что в ГЯСН оно эту функцию выполняет лишь потенциально: лирический субъект вспоминает юг, но эти воспоминания не в силах освободить его от власти *севера-чародея*. Во ВТЯВ же *сонный хлад* севера рассеивается, и лирический

субъект в полной мере погружается в *волшебный край*: «Снова жадными очами / Свет живительный я пью / И под чистыми лучами / Край волшебный узнаю» (солнце тут напрямую не номинировано, но присутствует в виде *живительного света* и *чистых лучей*). Особо подчеркнем, что тем самым и зной в обоих этих текстах приобретает положительные коннотации, а не отрицательные, как, скажем, в «Летнем вечере».

К числу знойных тютчевских текстов уместно относить и такие, где нет явного упоминания *зноя* или *жара*. При их отборе могут учитываться самые разнообразные факторы. Например, в ГЯСН это:

- географическая локализация (юг, Италия);
- четкая оппозиция морозу, зиме (на наш взгляд, тут противопоставляются два полярных по своим свойствам явления: мертвящий северный холод и живительный южный зной);
- высокая интенсивность проявления световой семантики солнца (*пламенеющий* на солнце залив).

Еще один пример текста, в котором не упоминается *зной* или *жар*, но который тем не менее относится к «знойным» – «Сияет солнце, воды блещут...» (1852, ССВБ). Непосредственно в самом тексте здесь нет вообще ни одной лексемы с температурным значением, а солнце предстает прежде всего как источник света: солнце *сияет*, и воды *блещут* (вновь обратим внимание на эту характерную для Тютчева связку). Тот факт, что в ССВБ, по всей видимости, изображена именно картина знойного дня, раскрывается при обращении к двум строфам другого стихотворения Тютчева – «В душном воздуха молчанье...» (<1835>, ВДВМ). Эти строфы очень близки к ССВБ по заданной в них теме *преизбытка жизни*, однако в ВДВМ этот преизбыток также тесно ассоциирован со зноем. Ср.:

а) ССВБ

Сияет солнце, воды блещут,

На всем улыбка, жизнь во всем,

Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен. <...> [185]

б) ВДВМ

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы... <...>

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит! <...> [124]

Ассоциация зноя с *преизбытком жизни* во втором стихотворении, как нам кажется, позволяет говорить о том, что и в первом, где семантика *избытка жизни* задействована не в меньшей степени, перед нами – картина знойного дня. Зной и в ВДВМ, и в ССВБ выступает как бы катализатором всех природных процессов, заставляя их проявляться с большей силой. В сущности, он выполняет здесь функцию источника жизненной силы, наследуя эту функцию от солнца; причем в ВДВМ, например, он выполняет такую функцию и при отсутствии в тексте образа самого солнца. Это тем более интересно потому, что чаще знойю в стихотворениях Тютчева присуща прямо противоположная роль – замедлителя всех природных процессов, примеры чего мы приведем в следующих параграфах.

Особого внимания заслуживает реализация семантики солнца как источника зноя в том тексте, где Тютчев впервые использует саму лексему *зной* – в «Послании Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду» (<1819>, ПГКМ). ПГКМ представляет собою вольное переложение 29 оды из третьей книги «Од» Горация (тема связи тютчевского «Послания...» с горацанским оригиналом достаточно подробно раскрыта в статье П. Н. Толстогузова «Тютчев – переводчик Carm. III 29 Горация» [Толстогузов 1998б: 20 – 41]). Интересующий нас фрагмент ПГКМ – переложение шестой строфы оды (приведем сначала тютчевский, а затем горацанский текст в оригинале и переводе Н. С. Гинцбурга):

Уже небесный лев тяжелою стопою
В пределах зноя стал – и пламенной стезею
Течет по светлым небесам!..

Iam clarus occultum Andromedae pater
ostendit ignem, iam Procyon furit
et stella vesani Leonis
sole dies referente siccos; <...>

Уж Андромеды светлый отец Кефей
Огнем блистает: Малый бушует Пес
И Льва безумного созвездье;

Знойные дни возвращает Солнце. [Оригинал и перевод:
Электронный ресурс]

Обращение к первоисточнику тютчевского стихотворения в данном случае крайне важно: только так мы сможем адекватно описать семантику *солнца* в ПГКМ.

Шестая строфа оды Горация подсказывает нам, в каком месяце происходит действие стихотворения: по всей видимости, это первая декада августа либо третья декада июля, когда солнце вступало в созвездие Льва (*stella Leonis* в оригинальном латинском тексте)². «Солнце в созвездии Льва» – образ, традиционно связываемый в римской литературе с наступлением самых знойных дней лета. Ср. у Сенеки: «Солнце в созвездии Льва раскаляется и иссушает землю зноем» [Сенека: Электронный ресурс]; у Марцеллина: «...солнце, которое, пройдя созвездие Льва, передвигалось в обиталище небесной Девы, палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия» [Марцеллин: Электронный ресурс].

Гораций упоминает и другие созвездия, появление которых на небосклоне предваряет приход знойных дней (ср. «Малый бушует Пес»), но Тютчев оставляет в своем стихотворении только *небесного Льва*, по всей видимости, как наиболее характерный и колоритный образ, устойчиво связанный с семантикой зноя.

Однако от собственно *созвездия* Льва в этих строках остается лишь название и ассоциативная связь со зноем и временем года, в целом же *небесный лев* здесь, если судить по его поведению и использованной автором лексике, – это не созвездие, но солнце (солнце, выполняющее функцию источника зноя). Т. е. фактически в *небесного льва* у Тютчева превращается античное «солнце в созвездии Льва», происходит контаминация двух образов – *солнца* и *созвездия Льва*.

Безусловно, этот тезис требует дополнительного подтверждения. Подтверждение необходимо, в частности, потому, что в комментариях к основным изданиям стихотворений Тютчева *небесный лев* однозначно трактуется как созвездие: «Имеется в виду созвездие *Льва*» [Тютчев 1966: Т. 2, 327], «*Небесный лев* – созвездье *Льва*» [Тютчев 1987: 369], «...*небесный лев тяжелою стопою*... – речь идет о созвездии *Льва*» [Тютчев 2002: Т. 1, 282].

² Восход Регула, альфы Льва, приходился на 30 июля (согласно [Paul Shorey. Commentary on Horace, Odes, Epodes, and Carmen Saeculare. New York: Benj. H. Sanborn and Co., 1910 (http://icarus.umkc.edu/sandbox/perseus/shore.hor_eng/page.0.a.php)]).

Возникает такая трактовка, по всей видимости, под влиянием гораціанского оригинала, а также, возможно, по аналогии с отдельными поэтическими текстами, где *лев* действительно обозначает созвездие, ср. строки из стихотворения Г. Р. Державина «О удовольствии»: «...лев, на свод несся звездный, / От гривы сыплет вокруг лучи» [Державин 1957: 269].

На то, что *небесный лев* в ПГКМ – это все-таки солнце, указывает целый ряд языковых маркеров, начиная с конструкции предложения: «уже + светило + развернутое описание действия светила». Во-первых, точно такая же конструкция встречается у самого Тютчева (и тоже в раннем стихотворении – «На новый 1816 год», 1816):

Уже великое небесное светило,
Лююще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! [45]

Кроме того, похоже, что эта конструкция вообще была довольно распространена в поэзии 18-го – начала 19-го веков, и Тютчев здесь не изобретает какой-то новый семантико-композиционный ход, но укладывает содержание гораціанских стихов в уже традиционную схему (изначально навеянную, возможно, как раз латинским синтаксисом). Приведем несколько примеров:

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли <...>

(Ломоносов М. В., «Утреннее размышление о божием величестве»,
1743 (?)) [Ломоносов 1986: 204]

Уже нам дневное светило
Свое пресветлое лице

Всерадостным очам явило <...>

(Ломоносов М. В., «Ода императрице Екатерине Алексеевне на ее восшествие на престол июня 28 дня 1762 года», 1762 (?)) [Ломоносов 1986: 172]

Уже прекрасное вселенная светило

Два раза небеса и землю озлатило <...>

(Херасков М. М., «Россиада», 1771 – 1779) [Херасков 1961: 207]

Характерно, что во всех приведенных примерах – в том числе и в «На новый 1816 год» Тютчева – эта конструкция находится в сильной позиции (либо в начале текста, либо в начале строфы), выступая в качестве удобного композиционного зачина. Функцию такого зачина она выполняет и в ПГКМ.

Обратим внимание и на то, что схожей конструкцией открываются два других знойных тютчевских текста: «Летний вечер», «Уж солнца раскаленный шар / С главы своей земля скатила» [78] (описание действия светила здесь преобразовано в описание действия земли), и «Снежные горы», «Уже полдневная пора / Палит отвесными лучами» [81] (*светило* метонимически заменяется на *полдневную пору*).

Несколько отвлекаясь от разговора о лексическом представлении солнца в ПГКМ, остановимся на особенностях употребления Тютчевым лексемы *светило* (присутствующей в ПГКМ, а также встретившейся нам в стихотворении «На новый 1816 год»). *Светило* интересно нам как своего рода «отрицательный языковой материал», в том плане, что оно ни разу не выступает у Тютчева в качестве источника зноя и, в целом, является маргинальной единицей в тютчевском словаре.

Во-первых, по сравнению с лексемой *солнце*, *светило*, как и можно ожидать, куда менее частотно: по данным словаря-конкорданса [Частотный словарь-конкорданс: Электронный ресурс] оно используется Тютчевым тринадцать раз (*солнце*, напомним, – 56). При этом, если *солнце* встречается в

разнообразных грамматических формах (все формы единственного числа + две формы именительного падежа множественного числа – *солнца* и *солнцы*), то *светило* – только в именительном (11 употреблений, из которых 8 – им. п. ед. ч.) и родительном (2 употребления) падежах.

Во-вторых, узка и сфера употребления *светила* в поэзии Тютчева. Основная причина этого понятна: *светило*, в отличие от *солнца*, маркировано стилистически – оно ощущается как принадлежащее к возвышенному стилю и отчасти архаизированное: «Светило дня несет животворенье...» [116] («Из «Фауста» Гёте», конец 1820-х – начало 1830-х годов), «И позднее бессмертия светило...» [99] («Байрон <Из Цедлица>», 1829 или 1830). Интересно, что из тринадцати случаев употребления *светила* восемь приходятся на переводные тексты. Укажем и на то, что, видимо, не случаен факт компактного распределения текстов с лексемой *светило* во времени: «Байрон <Из Цедлица>» – 1828 или 1829, <Из «Путевых картин» Гейне> – 1828 или 1829, «Из «Фауста» Гёте» – конец 1820-х – начало 1830-х, «Душа хотела б быть звездой» – <1830>, «Еще шумел веселый день...» – <1829> (ранняя редакция), 1851 (последняя редакция), «Два голоса» – 1850, «Поминки» – конец 1850 – начало 1851. Три первых текста с данной лексемой относятся к 1816-му («На новый 1816 год»), <1819>-му (ПГКМ, написанное не позже 1819-го года) и 1823-му («Песнь Радости») годам, т. е. принадлежат к раннему периоду творчества Тютчева, когда лексический состав его произведений, в целом, был более архаичен. Несколько выбивается из этого стройного ряда только стихотворение «Memento» (1860).

Возвращаясь к ПГКМ, отметим, что, помимо вышеописанной конструкции с «уже...», на солнечную природу *небесного льва* здесь указывают и выражения «в пределах зноя стал» и «пламенной стезею течет по светлым небесам». На самом деле, ведь именно солнце в своем движении «становится в пределы зноя» (в пределы созвездия Льва) и именно солнце, в отличие от созвездия, может «течь по светлым [дневным! – А. Б.] небесам», тем более *пламенной стезею*. *Пламенную стезею солнца*, кстати, находим также, например, у

Жуковского в стихотворении «Песнь араба над могилою коня» (1810): «Величествен, гордый, с бессмертной красою, / Ты пламенной солнца помчишься стезею...» [Жуковский 1959: Т. 1, 105]. Заметим, что *течь стезею* тоже, конечно, не оригинальное тютчевское выражение: оно было известно поэзии начала 19-го века (ср. и любопытный пример в словаре В. И. Даля: «Текут стезею, друг за другом, гусем, вереницей» [Даль 1989: Т. 4, 320]).

Образ *текущего солнца* встречается в самом ПГКМ и еще раз, в строках: «Воззревши на Вождя светил, / Текущего почить в Нептуновы владенья» [49]. Образ *солнца* как *предводителя светил* тоже восходит здесь к поэтической традиции: «Ведет своим довольство следом / Поспешно ясный вождь светил» [Ломоносов 1986: 96] (Ломоносов М. В. «Ода на день тезоименитства его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича 1743 года», 1743), «Как царь светил на западе пылает!» [Батюшков 1964: 217] (К. Н. Батюшков, «Умиравший Тасс», 1817). А далее образ *текущего солнца* находим в написанной лишь немногим позже «Урании» (<1820>): «Из ближних Солнце врат / Рожденья своего обителью надменно / Исходит и течет, царь томный и сомнительный...» [52] (*сомнительный*, т. е. взволнованный, противоречивый, близко к *смятенный*; еще одно архаичное выражение у молодого Тютчева); «И Солнце потекло вновь в путь свой даровитый!..» [53]. В более зрелых тютчевских текстах *текущего солнца* уже нет.

Помимо *течет*, обратим внимание и на первое действие – «тяжелую стопую... стал»: солнце олицетворяется, ему приписывается действие, характерное для льва (ср. в «Перчатке» М. Ю. Лермонтова: «И лев выходит степной / Тяжелой стопой» [Лермонтов 1989: 94]). *Стопою стал* – это иницирующее действие, небесный лев таким образом попадает в *предел зноя*, после чего уже он может *течь пламенной* (в т. ч. знойной) *стезею*. Любопытно некоторое несоответствие между первым и вторым действиями: сначала *стопую стал* (как лев), затем *течет* (как светило).

В целом, словосочетание *небесный лев* в ПГКМ можно определить как *сложную номинацию солнца*, объединяющую в себе признаки метафорической

и метонимической номинаций. Метафоричность здесь заключается в уподоблении солнца как *царя светил* льву как *царю зверей*: и солнце, и лев в этом отношении наделены такими коннотациями, как *величественность, мощь, главенство* и т. д. Метонимический же перенос основан на пространственно-временной смежности солнца и созвездия Льва, вследствие которой название созвездия начинает использоваться для обозначения солнца.

В связи с выражением *предел зноя* («небесный лев <...> / В пределах зноя стал») упомянем еще об одном примечательном тексте, первые стихи которого любопытным образом перекликается с ПГКМ, – о «Видении» М. Н. Муравьева, датированном 70-ми годами 18-го века. «Видение» начинается так:

В тот день, как солнцева горяща колесница,
Оставив область Льва, к тебе, небесна Жница,
Стремится перейти в прохладнейший предел <...> [Муравьев 1967: 189]

По своему содержанию эти строки не так уж близки к тютчевским: речь в них идет не о вступлении солнца в созвездие Льва, но о выходе из него, не о наступлении знойных дней, а, напротив, о конце лета (причем солнце и Лев здесь, как видим, не объединены в одном образе). Тем не менее важно отметить два лексических совпадения стихов Муравьева и Тютчева: во-первых, использование определения *небесный* в сочетании с именем созвездия (*небесна Жница – небесный лев*), что само по себе еще ни о чем не говорит, но может показаться интересным ввиду идущей далее и используемой в обоих текстах лексемы *предел* (*прохладнейший предел – предел зноя*). Т. е. если у Муравьева солнце стремится перейти в *прохладнейший предел небесной Жницы*, то у Тютчева солнце вступает в *знойный предел небесного льва*.

Подобное совпадение в структуре образов может объясняться либо языковым узусом (в случае, если говорить о вступлении солнца в *предел* некоего *небесного* Льва или, скажем, Рака, было общепринято), либо поэтическим узусом (в случае, если так было принято выражаться в стихах), либо

заимствованием Тютчевым структуры образа у Муравьева, либо, наконец, просто случайностью. Какого-либо строго определенного мнения по этому поводу у нас нет, детальное изучение данного вопроса уже выходит за рамки нашей работы. Отметим, однако, что в пользу версии интертекстуальной переключки могла бы также свидетельствовать, будь она доказана, связь «Видения» Муравьева с одноименным стихотворением Тютчева («Видение», <1829>): начало у Муравьева – «[в тот день], как [солнцева горяща колесница] <...> [к тебе, небесна Жница, стремится перейти]», начало у Тютчева – «[есть некий час], <когда> [живая колесница мирозданья] [открыто катится в святилище небес]» [79]. Квадратными скобками в текстах выделены сходные, на наш взгляд, смысловые компоненты.

Семантика солнца как источника зноя в тютчевской поэзии, таким образом, весьма разнопланова и ее анализ приводит нас, с одной стороны, к раскрытию смысловых закономерностей в пределах конкретных стихотворений Тютчева, а с другой – к изучению более широкой дистрибуции лексемы *зной* и других лексем, служащих для выражения семантики *зноя*.

§1.2. Небо как источник зноя

Во второй части параграфа мы обратимся к таким тютчевским текстам, где образ солнца отсутствует, а в качестве источника зноя выступают пламенные, жаркие небеса.

Отметим, что впервые определение *пламенный* применительно к небу было использовано Тютчевым в том же стихотворении «Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду» («Уже небесный лев тяжелою стопую / В пределах зноя стал – и *пламенной* стезею / Течет по светлым небесам!..» [48]). Вообще, на наш взгляд, не подлежит сомнению принципиальная важность этого раннего текста для понимания творчества Тютчева в целом – именно поэтому мы еще не раз к нему вернемся.

Пламенный в ПГКМ выступает фактически как субститут сразу нескольких выражений шестой строфы гораціанской оды (ее мы уже приводили выше) – выражений, которые характеризуют перечисляемые в данной строфе созвездия: *ostendit ignem* (являет огонь), *furit* (бушует, беснуется), *vesani* (безумный). Здесь для нас важно, что лексические средства, использованные для изображения неба в ПГКМ (например, сочетание определений *пламенный* и *светлый*, подробнее см. далее), встречаются затем и в более поздних текстах Тютчева. Кроме того, впоследствии у Тютчева проявляется и заявленная в оде Горация, но не реализованная в ПГКМ связь семантики *зноя* с семантикой *беснования*, *безумия*, *бреда* (особенно в «Безумии», <1829>).

В стихотворении «Полдень» (<1829>) мы видим образ «лазури пламенной и чистой» [82], который можно – пусть и с некоторыми оговорками – считать семантическим дублетом строк ПГКМ. Так, *пламенная стезя* из ПГКМ соотносится здесь с определением *лазури* как *пламенной*, а *светлые небеса* – с определением *лазури* как *чистой*. Укажем, что согласно одной из дефиниций прилагательное *чистый* в словаре В. И. Даля значит «ясный, светлый, блестящий, противополож. *мутный, тусклый*» [Даль 1989: Т. 4., 606].

В общей лексико-семантической структуре «Полдня» семантика *зноя* занимает центральное место. Можно сказать, что в «Полдне» *зной* имманентен изображаемой картине мира – она оказывается полностью им пронизана: «...всю природу, как туман, / Дремота жаркая объемлет». Жаркая дремота – результат воздействия, производимого зноем на природу; зной погружает природу в полдневный сон. Обратим внимание, что смысловой эффект всеохватывающего воздействия зноя создается в том числе и за счет использования в «Полдне» не образа *солнца* или *солнечных лучей*, т. е., условно говоря, «точечных» источников зноя, а именно образа *пламенной лазури*, т. е. такого источника зноя, который не может быть локализован в конкретной точке, но охватывает весь небесный свод.

С одной стороны, в «Полдне», по сравнению с ПГКМ, картина знойного неба дана в более сжатом виде: если в ПГКМ на первый план выдвинут образ солнца (небесного льва), текущего *пламенной стезею по светлым небесам*, то в «Полдне» образ солнца редуцирован и оставлена лишь *чистая и пламенная лазурь*. С другой стороны, в «Полдне» есть дополнительная деталь – облака, тающие в этой *пламенной лазури*: «В лазури пламенной и чистой / Лениво тают облака». Таким образом, семантика *чистоты*, заявленная в третьей строке стихотворения, получает свое развитие и в четвертой строке, где она связывается с семантикой *безоблачности* (в данных строках, на наш взгляд, более важен не факт наличия облаков, а, наоборот, их постепенное растворение в пламенной *лазури*).

Стоит упомянуть, что и в целом связь лексемы *лазурь* с семантикой *света* и *чистоты* – это одна из наиболее типичных связей данной лексемы у Тютчева (конечно, эта связь одновременно и общепозитическая, однако к текстам других авторов мы сейчас обращаться не будем). Укажем два стихотворения, где реализована семантика *света / блеска*: «И блещет всё в торжественном покое: / Лазурь небес, и море голубое» [77] («Могила Наполеона», <1829>), «Блестят и тают глыбы снега, / Блестит лазурь, играет кровь...» [137] («Еще земли печален вид...», <1836>). Неоднократно встречается у Тютчева и образ *безоблачной лазури*: из в общей сложности четырех употреблений самой лексемы *безоблачный* в трех она выступает в одном контексте с *лазурью*. Прочитруем любопытный пример, где *лазурь* и *безоблачный* получают метафорическое значение – свойства *чистой лазури* передаются *душе*: «Всё в ней так искренно и мило, / Так все движенья хороши; / Ничто лазури не смутило / Ее безоблачной души» [224] («Как ни бесилося злоречье...», 1865).

Тающие в знойном небе облака, кроме «Полдня», возникают еще в одном стихотворении Тютчева – «В небе тают облака...» (1868): «В небе тают облака, / И, лучистая на зное, / В искрах катится река, / Словно зеркало стальное» [239]; образ катящейся реки здесь отсылает к строке «Полдня» («Лениво катится река»). В стихотворении «В небе тают облака...» нет прямой характеристики

неба как знойного, пламенного и т. д., однако, во-первых, важная интертекстуальная переключка с «Полднем», а во-вторых, семантико-композиционная структура самого стихотворения позволяют рассматривать небо здесь как источник зноя.

Говоря о семантико-композиционной структуре, мы имеем в виду особую двухчастную организацию строф данного текста: первые части строф посвящены общему описанию и развитию картины знойного дня (в них вводится семантика *зноя*), а вторые – тем эффектам, которые вызывает *зной* в окружающем мире. Так, во второй строфе к первой части принадлежат строки «Час от часу жар сильней, / Тень ушла к немым дубровам», а ко второй – «И с белеющих полей / Веет запахом медовым». При подобной интерпретации *медовый запах* будет относиться к *жару* так же, как *лучистая на зное река* из первой строфы будет относиться к *небу*, в котором *тают облака*, т. е. как к источнику зноя. Любопытно, что, комментируя отдельные строки этого стихотворения, М. Л. Гаспаров и по поводу *жара* во второй строфе пишет: «...“жар”, по-видимому, означает знойное небо» [Гаспаров 1997а: 337].

В интересующем нас аспекте довольно примечательно стихотворение «С чужой стороны» (1823 или 1824), которое представляет собою перевод известного стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» («Сосна стоит одиноко...»). Примечательно оно в данном случае прежде всего теми деталями, которые отсутствуют в оригинальном произведении Гейне, но появляются в тексте Тютчева – в их числе и образ *пламенного неба* (на вольный характер тютчевского перевода указывает, например, Ю. Н. Тынянов в работе «Тютчев и Гейне» [Тынянов 1977: 350 – 394]. Приведем стихотворение Тютчева полностью:

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока... [67]

В оригинальном тексте Гейне последняя строфа выглядит так: «Er träumt von einer Palme, / Die, fern im Morgenland, / Einsam und schweigend trauert / Auf brennender Felsenwand» («Он мечтает о пальме, / Которая далеко на востоке / Одиноко и молча печалится / На пылающей скале» [Искусство художественного перевода 2000: 152]). Как видно, семантика *зноя* у Гейне задается в последней строке – «Auf brennender Felsenwand» («На пылающей скале»), и, в отличие от стихотворения Тютчева, она никак напрямую не связана с семантикой *неба*.

Пылающая скала преобразуется у Тютчева в два родственных образа – образ *пламенного неба* и образ *знойного холма*, каждый из которых наследует определенные черты гейневской *скалы*. С точки зрения пространственной организации текста функцию *скалы* выполняет *знойный холм*, на котором так же, как и на *скале* в стихотворении Гейне, *стоит* пальма. Определение же *brennend*, а заодно и функцию источника *зноя*, Тютчев передает второму образу – образу *пламенного неба*. Такое семантическое расчленение и расширение исходного материала в результате приводит к созданию более насыщенной, чем в оригинале, и характерной для Тютчева картины *зноя*.

На то, что в данном случае семантика *неба* как *источника зноя* является отражением именно поэтической картины мира самого Тютчева, косвенно указывает и отсутствие образа *неба* в других – по крайней мере, известных нам – переводах «Ein Fichtenbaum steht einsam...» (влияние других переводов на тютчевский исключено, поскольку «С чужой стороны» – это самый первый перевод данного стихотворения Гейне на русский язык [Пигарев 1962: 59]). Ср. вторые строфы ряда переводов (курсивом выделены аналоги «Auf brennender Felsenwand»):

- М. Ю. Лермонтов: «И снится ей все, что в пустыне далекой, / В том крае, где солнца восход, / Одна и грустна *на утесе горючем* / Прекрасная пальма растет».
- А. А. Фет: «Во сне ему видится пальма, / В далекой восточной стране, / В безмолвной, глубокой печали, / Одна, *на горячей скале*».
- И. П. Павлов: «И снится могучему кедру Она – / Прекрасная пальма Востока, / *На знойном утесе*, печали полна, / И так же, как он, одинока» [Переводы стихотворения Гейне: Электронный ресурс].

Стоит отметить, что в ранней редакции стихотворения «С чужой стороны», опубликованной в альманахе «Северная лира на 1827 год», хотя и была представлена *небесная* семантика, однако семантика *зноя* никак явно не выражалась; пальма в этом тексте цвела «под мирной лазурью, на светлом холму» [301]. *Пламенное небо* из поздней редакции куда более соответствует оригинальному тексту Гейне, в частности потому, что нейтральная лексема *небо* лишена положительных коннотаций, присущих *лазури*, как лишен их и образ *auf brennender Felsenwand*: «Гейне говорит о неприступной, накаляемой солнцем скале, и весь образ *Palme, die auf brennender Felsenwand trauert* выясняется, как образ удрученной женщины, находящейся в тяжелом заточении, в тяжелой неволе» [Щерба 1957: 104].

Подводя итог параграфу, скажем, что, в целом, указание на источник зноя – это необязательный компонент «знойных» тютчевских текстов, однако в тех случаях, когда такое указание есть, оно, как в рассмотренных нами примерах, дополняет общую картину зноя весьма важным в смысловом отношении планом и позволяет более полно и точно описать семантические особенности *зноя*. Представим выявленные в параграфе типы источников зноя и способы их номинации в табл. 3.1.

Типы источников зноя и способы их номинации

ТИПЫ ИСТОЧНИКОВ	СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ	ПРИМЕРЫ
Солнце	Прямая одиночная номинация	«Солнце»
	Перифрастическая номинация	«Раскаленный шар»
	Метонимическая номинация	«Полдневная пора»
	Сложная номинация	«Небесный лев»
Небеса	Прямая одиночная номинация	«Небо»
	Прямая номинация с атрибутом	«Пламенная лазурь»

§2. *Темпоральная характеристика «зноя»
в стихотворениях Ф. И. Тютчева*

Базовая темпоральная характеристика зноя у Тютчева – *лето*, но нередко эта характеристика уточняется, получает более конкретное наполнение. Степень конкретизации бывает различна: месяц, декада месяца, время суток, определенный час. При этом разные темпоральные показатели могут сочетаться друг с другом, например: «Не остывшая от зною, / *Ночь июльская* блистала» [179], где мы одновременно видим и название месяца, и указание на время суток («Не остывшая от зною...»). В данном параграфе рассматриваются наиболее значимые реализации темпоральной характеристики зноя в поэтических текстах Ф. И. Тютчева. Отметим, что в первую очередь нас будут

интересовать не грамматические глагольные средства выражения темпоральности, но лексические именные: темпоральные имена существительные и прилагательные как наиболее значимые носители временной семантики в рамках ЛСП «Зной» (если б мы говорили о функционально-семантическом поле темпоральности, то приоритеты были бы обратными).

Среди всех времен года зной прежде всего ассоциируется с летом. Свое языковое выражение связь лета и зноя находит, например, в устойчивом сочетании *летний зной*, схожем по своим семантическим свойствам с сочетаниями типа *зимняя стужа*, *зимние морозы* и т. д. Одна из особенностей подобных сочетаний в том, что они отчасти представляют собой плеоназмы: определения *летний* и *зимний* здесь несколько избыточны (так как зной редко бывает не летним, а морозы не зимними). Ср. в этой связи и словосочетания *зимний зной* и *летний мороз*, которые, напротив, воспринимаются фактически как оксюмороны.

В поэтических текстах Тютчева *летний зной* встречается трижды, причем один из примеров его употребления интересен, в частности, как раз с точки зрения той смысловой избыточности, которая в нем создается. В первой строфе стихотворения «Пошли, господь, свою отраду...» (1850, ПГСО) Тютчев использует не просто выражение *летний зной*, но *летний жар и зной*:

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в *летний жар и зной*
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой <...> [164]

Лексема *жар* здесь синонимична лексеме *зной*, она так же служит для реализации значения *сильная степень нагретости воздуха*. Сочетание двух подобных лексем в одной строке усиливает температурную семантику, показывает, насколько высока и невыносима для путника мера тепла. Кроме

того, такое сочетание вписывается в лексический контекст строфы, где автор еще, как минимум, дважды обращается к приему усиления базовых свойств изображаемых объектов посредством дополнительных лексем. Ср. определения *бедный* и *жесткий* в словосочетаниях *бедный нищий* и *жесткая мостовая*. *Бедный* и *жесткий*, в сущности, не добавляют каких-либо новых качеств к тем, что уже имеются в значениях слов *нищий* и *мостовая*, однако они усиливают в них те качества, которые наиболее важны в данном случае. С их помощью подчеркивается, что *мостовая* в первую очередь *жесткая*, неудобная для ходьбы, а *нищий* человек – это прежде всего *бедный*, несчастливый, «обездоленный материально и морально» [Голованевский 2005: 11]. Таким же образом и лексема *жар* подчеркивает и одновременно усиливает температурную семантику *зноя*.

Жар и зной – гораздо менее распространенное сочетание в поэзии, чем *летний зной*, однако оно, безусловно, не является индивидуально-авторским. Так, например, помимо ПГСО, поэтический подкорпус «Национального корпуса русского языка» [Национальный корпус: Электронный ресурс] выдает еще два текста с сочетанием *жар и зной*, оба значительно более ранние хронологически, чем тютчевское стихотворение:

- «Зимою стужу мы несносной называем, / А летом *жар и зной* и с солнцем проклинаяем, / И как на свете ни живем, / Век настоящим мы довольны не бываем» (Хемницер И. И. «Зимою стужу мы несносной называем...», 1782?).
- «Дым клубится, вихрем вьется, / *Жар и зной* уж все объемлют / И одно, одно мгновенье / В горне видишь огонь Геенны...» (Радищев А. Н., «Бова», 1798-1799?).

Таким образом, Тютчев как бы комбинирует два известных поэзии сочетания: *летний зной* и *жар и зной*, получая в результате уже оригинальное *летний жар и зной*.

В ПГСО *зной* противопоставляется тени, недоступной прохладе сада: путник «...смотрит вскользь через ограду / На тень деревьев, злак долин, / На

недоступную прохладу / Роскошных, светлых луговин». Интересно то, насколько, с одной стороны, по-разному, а с другой стороны, схоже раскрывается оппозиция прохлады и зноя в тютчевских текстах. Так, в ПГСО с прохладой связан образ тенистого сада, который от героя стихотворения отделяет непреодолимое для него препятствие – ограда. Сферы зноя и прохлады тем самым четко разграничены, и герой находится только в одной из них – сфере зноя.

Подобное разграничение имеет место и в другом тексте – «Пламя рдеет, пламя пышет...» (1855, ПРПП). Так же, как и в ПГСО, к сфере прохлады здесь относится тенистый сад, который отделен от сферы зноя препятствием – рекой: «...прохладой дышит / Из-за речки темный сад» [190]. На строгом разделении областей зноя и прохлады внимание акцентируется, например, в третьей строке, с помощью указательных местоимений *тут* и *там*: «Сумрак тут [в саду – А. Б.], там [на другом берегу – А. Б.] жар и крики». Однако, во-первых, сама природа зноя в ПРПП иная, речь в данном стихотворении идет о пожаре: «Пламя рдеет, пламя пышет / Искры брызжут и летят / <...> / Треск за треском, дым за дымом, / Трубы голые торчат». А во-вторых, местоположение лирического субъекта в ПРПП – не сфера зноя, но сфера прохлады: «А в покое нерушимом / Листья веют и шуршат. / Я, дыханьем их обвеян, / Страстный говор твой люблю».

С точки зрения локативной организации стихотворений и в ПГСО, и в ПРПП оппозиция прохлады и зноя выстраивается горизонтально: оба берега реки и пространство по обе стороны ограды находятся на одном уровне. Но есть у Тютчева и тексты, где эта оппозиция получает вертикальное измерение: например, «Хоть я и свил гнездо в долине...» (1860, ХЯГД). Ср. в этой связи слова Ю. М. Лотмана о том, что «...пространство Тютчева характеризуется направленностью, ориентированностью. Оно всегда направлено откуда-то и куда-то. Наиболее значимые ориентации – горизонтальная и вертикальная» [Лотман 1990: 125]. В ХЯГД удушливый зной отождествляется с земным, а прохлада с небесным («Как жаждет горних наша грудь, / Как всё удушливо-

земное / Она хотела б оттолкнуть!» [203]); препятствие, разделяющее зной и прохладу в ХЯГД, – недостижимая высота. Несмотря на это отличие, реализация рассматриваемой оппозиции в ХЯГД во многом напоминает ПГСО: лирический субъект ХЯГД принадлежит сфере зноя, сфера же прохлады для него недоступна («На недоступные громады / Смотрю по целым я часам»). Тем не менее в ХЯГД преграда между прохладой и зноем не столь абсолютна, как в ПГСО: если в ПГСО путник может лишь видеть тенистый сад («...смотрит вскользь через ограду / На тень деревьев» и т. д.), то в ХЯГД он все-таки иногда способен прохладу почувствовать: «...чувствую порой и я, / Как животворно на вершине / Бежит воздушная струя», «Какие росы и прохлады / Оттуда [с недоступных громад – А. Б.] с шумом льются к нам!».

Одна из важных особенностей ПГСО – использование кольцевой композиции. Последняя строфа ПГСО практически полностью дублирует первую, за исключением нескольких лексических единиц, в число которых входит и выражение *летний жар и зной*. Приведем текст пятой строфы, выделив курсивом лексемы, употребленные в первой строфе:

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Хотя *жара и зноя* в пятой строфе ПГСО нет, но семантика *зноя* эксплицитно (лексически) представлена и здесь: *жар и зной* заменяются на относящееся к *мостовой* определение *знойный*. Отметим принципиально иной характер определения *знойный* по сравнению с определением *жесткий*: *знойный* обозначает такое качество, которое не присуще мостовой по умолчанию. Также в пятой строфе пропадает указание на темпоральную отнесенность зноя к лету, сочетание *жизненной тропой* выводит действие стихотворения за рамки какого-либо конкретного времени года. Как часто

бывает у Тютчева, последняя строфа превращает стихотворение в целом в развернутую метафору.

Кроме ПГСО, сочетание *летний зной* встречается у Тютчева также в «К N. N.» (<1829>) и «Вновь твои я вижу очи...» (1849, ВТЯВ). В «К N. N.» оно вводится в последней строфе, где мы опять, как в ПГСО, видим использование приема метафоризации. Если в ПГСО путь по знойной мостовой мимо тенистого сада становился метафорой жизненного пути, то в «К N. N.» скрытая в тени от зноя кисть винограда становится метафорой, отражающей характер любовных отношений лирического субъекта и его возлюбленной – замужней женщины:

Но так и быть... В палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой [84].

Зной здесь олицетворяет те препятствия, которые стоят на пути влюбленных: толпу («...в толпе, украдкой от людей, / Моя нога касается твоей»), мужа («...твой муж, сей ненавистный страж / Любуется красой твоей послушной»), свет («Узнала свет... Он ставит нам в измену / Все радости...»). Лирический субъект «К N. N.» одновременно и досадует на такое положение дел, и, пусть с некоторым сожалением («Но так и быть...»), признает, что оно все же *лестней для чувств*: точно так же смотреть на сверкающую в тени кисть винограда приятнее в палящий летний зной. Таким образом, зной в «К N. N.», отчасти сохраняя свои негативные коннотации, раскрывается для лирического субъекта и в положительном аспекте. Он позволяет более ярко проявиться тем качествам окружающего мира, которые в противном случае оказались бы менее заметными либо не замеченными совсем. Кроме того, контраст между зноем и виноградной кистью, скрытой в тени, подчеркивает контраст между N. N. и окружающими ее толпой, мужем, светом и т. д.

Обратим внимание, что употребленное в «К N. N.» сочетание *ставит в измену* («...Он *ставит нам в измену / Все радости...*») – это, по всей видимости, один из тютчевских окказионализмов. Создан он по аналогии со *ставит в вину, в упрек, в укор*. При этом *ставит в измену*, на наш взгляд, аккумулирует в себе семантику *ставит в вину: ставит нам в вину радости* означало бы «обвиняет нас на том основании, что нам доступны радости», а *ставит нам в измену радости* означает «обвиняет нас в измене на том основании, что нам доступны радости» (к семантике первого выражения добавляется компонент *измена*). Помимо смысловой изоэтрности, нередко присущей окказионализмам, вывод об окказиональности данного сочетания позволяет сделать и то, что ни Национальный корпус русского языка [Национальный корпус: Электронный ресурс], ни поисковая система «Яндекс» (<http://yandex.ru/>) не находят других примеров его употребления, кроме как в «К N. N.». В связи с этим мы не можем согласиться с отнесением *ставит в измену* к книжным фразеологизмам, что предлагается, например, в [Голованевский, Атаманова 2004: 352].

О некоторых семантических свойствах летнего зноя во ВТЯВ мы уже сказали в первом параграфе. Зной в этом стихотворении выступает как один из базовых компонентов картины блаженного юга, противопоставленного безобразному северу («Сновиденьем безобразным / Скрылся север роковой» [157]). Юг у Тютчева изображается идиллически, во ВТЯВ он и *волшебный край* («...под чистыми лучами / Край волшебный узнаю»), и *рай* («Словно прадедов виною / Для сынов погибший рай»), небо в нем *светит сводом легким и прекрасным*. Как подчеркивает Бухштаб, «через все творчество Тютчева проходит устойчивый образ “блаженного мира”. Это, как правило, летний и южный мир» [Бухштаб 1970: 40].

Ключевая оппозиция *юг – север* реализуется в «южных» тютчевских текстах через ряд субоппозиций: лето – зима, тепло – холод, свет – сумрак, радость – грусть и др. *Летний зной* во ВТЯВ – одно из основных средств реализации этих субоппозиций, его семантика непосредственно связана и с

летом, и со светом, и с теплом. Описание знойного южного края приводится в последней (третьей) строфе ВТЯВ:

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провеваает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Данная строфа представляет собою перечисление ряда характерных поэтических примет средиземноморского юга: чистое небо, море, лавры, виноград, мраморные строения (или их руины) и, наконец, зной. Определение *летний*, как мы уже отмечали, – это не единственный темпоральный маркер зноя во ВТЯВ. Кроме него, здесь имеется указание на отнесенность зноя к *дню в целом*: «Целый день на солнце зреет / Золотистый виноград». Любопытно, что, входя в состав глобальной оппозиции *юг – север*, зной сохраняет и типичные для него оппозитивные отношения с тенью, прохладой и т. д. (эти оппозитивные отношения существуют, следовательно, внутри одного из компонентов более крупной оппозиции – *юга*). Во ВТЯВ наличие таких отношений можно усмотреть в образе *тихого дыхания моря*, которое *провеивает летний зной*. Согласно МАС, *провеивать* значит «вея, продувать, охлаждать» [МАС 1999: Т. 3, 468]; в качестве иллюстративного примера в словарной статье приведены как раз строки ВТЯВ. В последних двух стихах строфы находим еще один темпоральный маркер: определение *баснословный*. Словарь Ушакова трактует *баснословный*, в частности, как «относящийся к отдаленной древности, известный по преданиям» [Ушаков 1996: Т. 1., 94], приводя в качестве иллюстрации опять-таки текст ВТЯВ. Стих «Баснословной былью

веет...» косвенно говорит нам о том, что изображаемая картина юга сохраняется в таком виде неизменной веками, и, соответственно, темпоральная характеристика *зной* здесь тоже выходит за рамки конкретного летнего дня, приобретая универсальные черты.

Как среди времен года наиболее очевидна связь *зной* с летом, так среди времен суток очевидна его связь с днем. В тютчевских стихотворениях встречаются в том числе и эксплицитные указания на такую связь, одно из которых мы видели во ВТЯВ. Другой яркий пример – стихотворение «В небе тают облака...» (ВНТО), где дается развернутое описание *знойного* дня. *Знойный* день в ВНТО изображен в своем развитии. Динамика передается, во-первых, с помощью значительного числа глаголов, в особенности глаголов, обозначающих перемещение в пространстве или физическое видоизменение объекта: «*тают* облака», «*катится* река», «*тень ушла*», «*веет* запахом» [239]. А во-вторых, с помощью темпоральной конструкции *час от часу*: «Час от часу жар сильнее». *Час от часу* подчеркивает здесь протяженность описываемой картины во времени: то, что в стихотворении показан не мгновенный снимок пространства, но последовательная смена кадров. Прибегая к аналогии, можно сказать, что ВНТО – это не стихотворение-фотография, но стихотворение-кинофильм.

Как и во ВТЯВ, описывая конкретный *знойный* день, Тютчев в то же время создает в ВНТО образ универсального *знойного* дня, не имеющего определенной временной отнесенности – дня, который может принадлежать любому веку и любой эпохе: «Чудный день! Пройдут века – / Так же будут, в вечном строе, / Течь и искриться река / И поля дышать на *зное*». В этом аспекте темпоральная принадлежность *зной* вновь приобретает такой же вневременной характер, как и темпоральная принадлежность дня в целом. Отметим, что, в отличие от идиллического пейзажа во ВТЯВ, где временная ось в концовке текста обращается к прошлому («Баснословной былью веет...»), в ВНТО она, напротив, обращается к будущему («Чудный день! Пройдут века – / Так же будут...»).

Одна из наиболее устойчивых связей, в которую вступает семантика *зной* у Тютчева, – связь с семантикой *полдня*. *Знойный полдень* является ключевым образом нескольких тютчевских стихотворений, в числе которых «Полдень» (1829), «Снежные горы» (1829), «Как ни дышит полдень знойный...» (1850), «Смотри, как роща зеленеет...» (1857) и ряд других.

Прежде всего скажем, что лексическое выражение образа *полуденного зной* у Тютчева не формульно, оно не закреплено за какими-то конкретными лексемами, стоящими в строго определенных морфологических формах (например, у Тютчева встречается и *полуденный зной*, и *полдневный зной*, и *знойный полдень*). Это важно подчеркнуть, поскольку, вообще, формульность присуща тютчевскому творчеству; в качестве примера можно привести лексическую формулу *в душевной глубине*, которая в неизменной форме (и, более того, в неизменной позиции – конца стиха) повторяется в разных текстах Тютчева пять раз (самый известный пример – из «Silentium!»: «Пускай в душевной глубине / Встают и заходят оне <...>» [105]). В случае *полуденного зной* мы будем говорить не о лексической формуле, но о явлении более общего порядка: о лексико-семантической модели – «полдень + зной» (напомним, что модель мы записываем просто как сумму ее компонентов; подробно наше понимание этого термина рассмотрено в первой главе).

Для нас наиболее интересны случаи, когда одна лексико-семантическая модель существует в рамках другой модели, более крупного образования, включающего в себя не два, а большее число компонентов. При этом число компонентов модели, реализованных в конкретных текстах, может достаточно сильно варьироваться, не нарушая, однако, ее общего лексико-семантического каркаса.

Пример такой, более развернутой, модели находим в стихотворении «Послание Горация к Мecenату, в котором приглашает его к сельскому обеду» (ПГКМ). Как мы уже отмечали, именно в ПГКМ Тютчев впервые использует слово *зной*, и здесь же, по всей видимости, *зной* впервые предстает в контексте картины полдня. На самом деле ни лексемы *полдень*, ни ее дериватов в этом

тексте нет, однако обращение к разного рода контекстам позволяет довольно уверенно говорить о том, что в одной из частей ПГКМ изображен именно *знойный полдень*. Соответственно, сочетание *зноя* с *полднем* происходит здесь не на внешне лексическом, а на семантическом уровне, или, если быть более точными, на уровне общей лексико-семантической модели, сохраняющей свое семантическое тождество при частичном изменении лексического состава. В данном случае нас интересует фрагмент ПГКМ, представляющий собой переложение седьмой строфы горацианской оды (в первом параграфе мы анализировали переложение шестой ее строфы). Приведем латинский оригинал строфы и перевод Н. С. Гинцбурга:

iam pastor umbras cum grege languido
rivomque fessus quaerit et horridi
dumeta Silvani caretque
ripa vagis taciturna ventis.

С бредущим вяло стадом уж в тень спеша,
Пастух усталый ищет ручей в кустах
Косматого Сильвана; смолкнул
Брег, ветерок перелетный замер. [Оригинал и перевод:
Электронный ресурс]

Тютчевский текст в два раза длиннее оригинала:

В священной рощице Сильвана,
Где мгла таинственна с прохладой слиянна,
Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет,
Игривый ручеек едва-едва течет
И шепчет в сумраке с прибрежной осокою;

Здесь в знойные часы, пред рощею густою,
Спит стадо и пастух под сению прохлад,
И в розовых кустах зефиры легки спят. [48]

Тютчев сохраняет общую лексическую основу горацанской строфы (пастух, стадо, ручей, кустарник, Сильван, замерший ветер), но вписывает его в совершенно иной контекст. По мнению К. В. Пигарева, «Скупые строки Горация о пастухе, который вместе со своим стадом ищет убежища от зноя в роще “косматого Сильвана”, служат Тютчеву поводом для изображения типично сентиментального пейзажа» [Пигарев 1962: 15]. Мы более склонны называть этот пейзаж просто идиллическим, без отсылки к какому-либо конкретному литературному направлению или стилю. На наш взгляд, используемая Тютчевым лексика восходит в первую очередь к жанру идиллии в том виде, в каком он был воспринят Ломоносовым, Сумароковым, Богдановичем и другими из французской классицистической поэзии, и лишь во вторую – к производной от нее идиллии сентиментальной.

Выскажем возможные доводы в пользу того, что *знойные часы* в ПГКМ – это именно полуденные знойные часы. Обратим внимание, что само выражение *знойные часы* уже указывает на некоторое определенное время, т. е. не на день целиком, а на какую-то его часть. Следовательно, нам нужно обосновать то, что эта часть – полдень, а не, скажем, утро.

Прежде всего на ум приходят очевидные экстралингвистические аргументы, не требующие построения лексико-семантической модели: например, то, что полдень обычно – самое знойное время суток (и потому *знойные часы*, скорее всего, отсылают к нему). Кроме того, для культуры Средиземноморья (в том числе античной) характерно такое явление как полуденный отдых, сон, или сиеста, которое не в последнюю очередь связано с тем, что работа в это знойное время весьма затруднена; при желании отсюда можно вывести и образ спящего в знойные часы пастуха. Однако подобное экстралингвистическое обоснование не является полностью убедительным по

отношению к художественному тексту, внутренний мир которого может быть устроен по несколько иным законам, нежели мир внешний.

Более весомый аргумент здесь – примеры текстов, в которых реализована искомая лексико-семантическая модель («полдень + зной + укрытие от зноя + сон / отдых», а еще лучше, если она будет дополнена и компонентом «пастух / сельский житель»). В качестве *укрытия, средства спасения от зноя* могут выступать либо роща / тенистое дерево, либо водоем, либо грот, пещера. Причем такие тексты, разумеется, должны быть не единичны, образуя видимую поэтическую традицию, и, по возможности, иметься в творческом наследии изучаемого автора (последнее для нас наиболее весомо). И если удастся выявить устойчивость модели на значимом текстовом материале, тогда можно с большой долей вероятности восстановить пропущенный, но подразумеваемый компонент данной модели и в исследуемом стихотворении; в случае ПГКМ таким компонентом является *полдень*.

Назовем некоторые примеры текстов, в которых была обнаружена нужная нам модель:

Сумароков А. П., «Пойте, птички, вы свободу...», 1756

Полдень + жаркий + в тени + отдыхает + земледелец

Земледелец в жаркий полдень отдыхает

И в тени любезну сладко вспоминает. [Сумароков 1957: 153]

Карамзин Н. М., «Илья Муромец», 1794

*Полдень + жаркий + на берегу реки, роща древняя, дубовая <...> укроет от
лучей + отдыхал + дедушка (богатырь)*

Близ моей смиренной хижины,

на берегу реки прозрачная,

роща древняя, дубовая

нас укроет от лучей дневных.

Там мой дедушка на старости

в жаркий полдень отдыхал всегда <...> [Карамзин 1966: 150]

Батюшков К. Н., «Срубленное дерево (Подражание Мелендецу)», <1807>

Полуденный час + знойный + вяз + отрадный сон покойный + жнец

В полуденный час лета знойный

К тебе же [к вязу – А. Б.] приходил и загорелый жнец

(Имея на главе из васильков венец)

Вкушать отрадный сон покойный <...> [Батюшков 1934: 275 – 277]

Жуковский В. А., «Двенадцать спящих дев», 1810–1817

*Полдень + пылает небо знойно + у вод для холодка + отдыхает + пастух
со стадом*

Лишь полдень наступает;

Пастух у вод для холодка

Со стадом отдыхает;

Молчат поля; в долине сон;

Пылает небо знойно. [Жуковский 1959: Т. 2, 101]

Обилие подобных примеров (мы привели не все выявленные нами), а кроме того, текстов, где данная модель реализована не в полном объеме (как в ломоносовских строках: «Сладка плодам во время зною / Прохлада влажные росы, / И сон под тенью древ густою / Приятен в жаркие часы <...>», «Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1746 года» [Ломоносов 1986: 108]), позволяет сделать уверенный вывод о том, что здесь мы имеем дело с устойчивой моделью, функционирующей в рамках поэтической традиции. Помимо прочего, это важно, поскольку дает нам возможность говорить о ней как об источнике интересующей нас модели у Тютчева.

На традиционный, литературный характер представленной модели указывает и тот факт, что, по нашим наблюдениям, примерно со второй трети

19-го века она постепенно начинает исчезать из поэтических текстов. В качестве любопытного примера можно привести фрагмент из стихотворения Н. А. Некрасова «Родина» (1846), где эта модель сознательно перелицовывается:

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что **срублен** *темный бор* -
В томящий летний зной защита и прохлада, -
И нива выжжена, и праздно *дремлет стадо*,
Понутив голову над высохшим ручьем. [Некрасов 1979: Т. 1, 102]

Однако главное – наличие искомой модели в других текстах исследуемого автора. Вероятно, наиболее характерное в этом плане тютчевское стихотворение – «Полдень», где тема *полдня*, как видим, задана уже в самом названии:

Лениво дышит полдень мгlistый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет. [82]

Очевидно, что основные компоненты рассматриваемой модели в «Полдне» присутствуют: это и собственно «полдень», и «всеобъемлющий зной, жар» («...всю природу, как туман, / Дремота жаркая объемлет»), и «укрытие от зноя» в виде *пещеры нимф*, а также бог Пан, предающийся в этой пещере

полуденному сну. Античный колорит (Пан и пещера нимф) – еще одна черта, типичная для этой модели в ее классическом варианте.

Интересно отметить в «Полдне» необычное с точки зрения современного русского языка определение *мглистый (полдень мглистый)*. Л. В. Пумпянский называет этот эпитет парадоксальным: «...напомним <...> тютчевский полдень с парадоксальным эпитетом “мглистый”» [Пумпянский 1928: 15]. Лексема *мгла* регулярно используется Тютчевым при описании знойного полдня и в других текстах:

- «Снежные горы»: «Уже полдневная пора / Палит отвесными лучами / <...> / А между тем как полусонный / Наш дольний мир, лишенный сил, / Проникнут негой благовонной, / *Во мгле полуденной почил*» [81].
- «Как ни дышит полдень знойный...» (КНДПЗ): «Как ни дышит полдень знойный / В растворенное окно, / В этой храмине спокойной, / Где всё тихо и темно / <...> / В сладкий сумрак полусонья / Погрузись и отдохни. / Здесь фонтан неутомимый / День и ночь поет в углу / И кропит росой незримой / *Очарованную мглу*» [166].
- «Смотри, как роща зеленеет...» (СКРЗ): «Войдем и сядем над корнями / Дерев, поимых родником, – / Там, где, *обвеянный их мглами*, / Он шепчет в сумраке немом. / Над нами бредят их вершины, / В полдневный зной погружены <...>» [196].

Согласно словарю Даля, *мгла* – это «помрачение воздуха, испарения, сгущающие воздух, делающие его тусклым, мало прозрачным; сухой туман, дым и чад, нагоняемые в засухи от лесных паров» [Даль 1989: Т. 2, 311]. Такие свойства мглистого воздуха находят свое прямое отражение во второй строфе «Полдня», где *жаркая дремота* не случайно *объемлет природу*, как туман. Особенно важно для нас следующее замечание Даля в той же словарной статье: «В знойные дни, мгла *всегда* стоит в низших слоях воздуха и мешает зрению» [курсив наш – А. Б.]. Таким образом, по Далю, мгла – это неотъемлемый атрибут знойного дня. С определением Даля перекликается и следующее

замечание в НОССРЯ: «В представление о **зное** входит марево – зрительно воспринимаемое дрожание воздуха» [НОССРЯ 2004: 333].

В этом свете в значительной степени теряют свою силу предположения об оксюморонной или тем более чисто метафорической семантике полуденной мглы у Тютчева. Ср. одно из предположений такого рода: «...при <...> смысловой деформации слово может и совсем потерять обычное предметное значение, например: Во мгле полуденной почил или Лениво дышит полдень мглистый. Это вовсе не значит, что полдень бессолнечный, туманный <...> “Мгла”, “мглистый” означают здесь только душевное состояние, соответствующее этому миру, проникнутому “негой благовонной”» [Бухштаб 1970: 55].

В стихотворениях Тютчева *мгла* не является обязательным атрибутом знойного дня, однако, как мы уже сказали, она практически всегда возникает при описании знойного полдня, т. е. получает более конкретную временную отнесенность. В то же время, семантическое наполнение *полуденной мглы* в разных тютчевских текстах несколько отличается. Если в «Снежных горах» и «Полдне» характеристика *мглистый* относится к знойному полдню в целом, то в КНДПЗ и СКРЗ *мгла* ассоциируется только с противопоставляемыми зною тенью и прохладой. В СКРЗ укрытием от зноя служит роща, которую питает *обвеянный мглами* родник (об оппозиции зноя и подземных ключей мы подробнее скажем в следующем параграфе), а в КНДПЗ такое укрытие – дом, *храмина спокойная*, где *фонтан кропит росой очарованную мглу*. Вместе с тем, если обратиться, например, к ближайшему контексту полуденной мглы в «Снежных горах», то можно увидеть, что лексически он перекликается именно с описаниями рощи и храмины в СКРЗ и КНДПЗ: «Наш дольний мир, лишенный сил, / Проникнут негой благовонной, / Во мгле полуденной почил». Ср. «А в ней [в роще – А. Б.] – какою негой веет / От каждой ветки и листа» (СКРЗ), «В этой храмине спокойной, / Где всё тихо и темно, / Где живые благовонья / Бродят в сумрачной тени» (КНДПЗ).

Помимо уже названных факторов, «Полдень», «Снежные горы» и КНДПЗ объединяет еще один (причем входящий в обозначенную нами модель): семантика сна. Сон – это результат воздействия зноя и одновременно средство спасения от него. В знойный полдень в сон погружается весь *дольний мир*, влияние зноя в этом плане может распространяться как на собственно сферу зноя, так и на сферу прохлады. В КНДПЗ *сумрак полусонья* связан с конкретным местом – *храминой спокойной*, конкретную локализацию место сна имеет и в «Полдне»: «В *пещере нимф* покойно дремлет». Однако в том же «Полдне» *дремота жаркая* объемлет и *всю природу*, а в «Снежных горах» – *дольний мир*. Обратим внимание, что в «Снежных горах», так же, как в «Хоть я и свил гнездо в долине...», оппозиция зноя и прохлады приобретает вертикальное измерение. В то время как «дольний мир, лишенный сил» поживает в *полуденной мгле*, «Горé, как божества родные, / Над издыхающей землей, / Играют выси ледяные / С лазурью неба огневой».

Вновь возвращаясь к ПГКМ, подчеркнем, что все сказанное нами о семантике полуденного зноя, подтверждает общность лексико-семантической модели «полдень + зной» в ПГКМ и других рассмотренных стихотворениях Тютчева. Например, кроме выделенных выше компонентов модели (*полдня, зноя, сна* и т. д.), в ПГКМ находим и образ *мглы*: «В священной рощице Сильвана / Где *мгла таинственна* с прохладой слиянна...» (а образ Сильвана тут, в свою очередь, отсылает нас к образу Пана из «Полдня»: в римской мифологии Сильван отождествлялся с Паном). Таким образом, на основании полученных данных, как нам кажется, вполне допустимо восстановить в лексико-семантической модели ПГКМ пропущенный компонент *полдень* и, соответственно, интерпретировать этот текст как одну из реализаций модели «полдень + зной».

§3. Семантика лексики «зной» в контексте оппозиции

«свобода – несвобода»

Говоря о поэтических текстах Тютчева, мы уже не раз прибегали к анализу оппозитивных отношений. В область нашего внимания попадали такие оппозиции как *юг – север, зима – лето, свет – сумрак, зной – прохлада, земля – небо*. Подобные оппозиции играют ключевую роль в интерпретации тютчевских текстов, при этом они регулярно воспроизводятся Тютчевым, от одного текста к другому. В данном параграфе будет проанализирована еще одна концептуально богатая и регулярно воспроизводимая оппозиция, связанная с семантическим компонентом *зной*: оппозиция *свобода, легкость – несвобода, тяжесть*, где *зной*, как правило, ассоциируется с *несвободой* и *тяжестью*. В действительности, через призму *свободы – несвободы* могут быть рассмотрены все названные выше оппозиции (например, *сумрак* и *прохлада* характеризуют локусы, *свободные* от зноя), но далее нас прежде всего будут интересовать такие тексты, в которых семантические компоненты *свобода, легкость* и *несвобода, тяжесть* эксплицированы лексически. Кроме того, здесь же мы обратимся и к другой ранее не затронутой оппозиции *зной – подземные ключи, глубина* (в развернутом виде эту оппозицию можно представить как *несвобода, земля, зной, сушь – свобода, глубина, прохлада, вода*).

Семантика *несвободы* может реализовываться двояко: с одной стороны, через изображение собственно картины несвободы, а с другой – через изображение процесса освобождения. Процесс освобождения от зноя наблюдаем, например, в стихотворении «Летний вечер» (ЛВ), где *зной* выступает как удушающая, замедляющая протекание всех природных процессов сила (ср. «вечер в поэзии Тютчева – это прежде всего освобождение от томительного зноя, замирание резкого света и громкого звука, наступление блаженной тишины» [Бухштаб 1970: 41]). Освобождение от зноя в ЛВ происходит постепенно и раскрывается через несколько оппозиций: вода, влага

– огонь, пожар, солнце; прохлада – жар; *свобода, легкость – несвобода, тяжесть*. Зной в ЛВ связан со вторыми членами названных оппозиций, среди которых прежде всего интересна оппозиция *свобода, легкость – несвобода, тяжесть*. *Легкость* и *тяжесть* участвуют в этой оппозиции главным образом теми своими значениями, которые связаны с выражением эмоций и состояния человека в целом, хотя базовая физическая их семантика у Тютчева также обычно актуализируется.

В ЛВ семантика освобождения задается уже в первых двух строках: «...солнца раскаленный шар / С главы своей земля скатила» [78]. Подчеркнем, что в данном случае для интерпретации важен не температурный аспект, но то, что земля тут как бы освобождается от *тяжести* солнечного шара, скатывая его со своей главы. Семантика *несвободы, отягощения, замедления* и т. д. является производной от температурной семантики зноя, все перечисленные эффекты возникают непосредственно в результате влияния на природу зноя как *сильного жара*: чрезмерная жара вызывает ощущение тяжести, скованности действий. Однако, будучи производной, эта семантика тем не менее вполне самостоятельна. Так, она имеет и свой набор лексических средств выражения, которые лишь косвенно (и, по существу, только внутри поэтической системы Тютчева) могут служить для реализации температурной семантики.

Одно из таких средств – причастие *тяготеющий* – находим во второй строфе ЛВ: «Уж звезды светлые взошли / И *тяготеющий* над нами / Небесный свод приподняли / Своими влажными главами» [79]. *Тяготеть над*, согласно МАС, значит «тяжело нависать, возвышаться над окружающим <...> нависать как угроза, ощущаться как постоянный источник неприятностей» [МАС 1999: Т. 4, 436 – 437]. Тяготеющий над лирическим субъектом стихотворения небесный свод иначе можно охарактеризовать как тяжелый, давящий, гнетущий, нависающий низко над землей. И освобождение от гнета заключается в том, что звезды его *приподнимают* «своими влажными главами». В данном случае тяжелое небо, безусловно, это один из компонентов общей картины зноя, однако собственно температурная семантика во второй строфе

фактически не представлена. Основную роль в создании образа зноя здесь играет именно та семантика, которую мы условно обозначили как семантику несвободы.

Интересно, что глагол *тяготеть* один раз появляется у Тютчева и в более тесной связке со *зноем* – в качестве сказуемого к подлежащему *зной* в стихотворении «Как птичка, с раннею зарей...» (КПСРЗ): «Хоть свежесть утрення вьет / В моих всклокоченных власах, / На мне, я чую, *тяготееет* / Вчерашний *зной*, вчерашний прах!..» [125]. В КПСРЗ глагол *тяготеть* лишен значения «тяжело нависать над чем-либо», но, в целом, его семантика близка к семантике *тяготеть* в ЛВ. *Тяготеющий зной* здесь тоже можно охарактеризовать как давящий и гнетущий. А. Л. Голованевский говорит о двух значениях *тяготеть* в контексте КПСРЗ: «1) испытывать на себе тяжесть (зноя, праха); 2) страшить, грозить» [Голованевский 2006: 84].

КПСРЗ, достаточно близкое к ЛВ по времени написания (ЛВ – <1828>, КПСРЗ – <1835>), во многом перекликается с ним и с содержательной точки зрения. В ЛВ, как было показано, постепенное наступление ночи несет с собой освобождение от зноя, близка функция ночи и в КПСРЗ. В этом тексте ночь также потенциально способна принести избавление от зноя: «О, как лучи его [дня – А. Б.] багровы, / Как жгут они мои глаза!.. / О ночь, ночь, где твои покровы, / Твой тихий сумрак и роса!..» Однако, несмотря на то, что потенциально ночь может укрыть лирического субъекта от жгучих дневных лучей, на самом деле в КПСРЗ этого не происходит (в чем состоит принципиальное отличие от ЛВ). *Зной*, преодоленный в ЛВ, здесь продолжает *тяготеть* на персонаже стихотворения, что подчеркивается темпоральным определением *вчерашний*: оно указывает на то, что речь тут идет не о зное нового, *младого дня*, но именно о том зное, от которого не удалось освободиться за ночь. Глагол *тяготеть*, таким образом, оказывается одним из ключевых лексических средств выражения семантики несвободы сразу в двух тютчевских текстах.

Результат освобождения от зноя Тютчев изображает в третьей и четвертой строках ЛВ, которые в этом плане композиционно противостоят первой и второй, где описывается процесс освобождения. Наиболее любопытна для нас третья строфа: семантика зноя в ней сочетается с семантикой дыхания – зной предстает тут как сила, не дающая свободно дышать (ср. определение *зноя* как «удушливой жары» в словаре Даля [Даль 1989: Т. 1, 690]; *удушливый*, по Далю, – это «не дающий свободно дышать, спирающий дыхание» [Даль 1989: Т. 4, 475]). И хотя в третьей строфе нет прямой характеристики зноя как удушливого, затрудняющего дыхание и т. д., однако такая характеристика легко восстанавливается из текста: «Река воздушная полней / Течет меж небом и землею, / Грудь дышит легче и вольней, / Освобожденная от зною», от *зною*, который препятствовал, мешал дыханию. Отметим, что сема *свобода* содержится в значениях сразу нескольких лексем, присутствующих в данной строфе (даже если оставить за скобками очевидно содержащее эту сему причастие *освобожденный*). Во-первых, семантика свободы выражается тут посредством наречия в форме компаратива *полней* в сочетании с глаголом: *полней течет* в строках «Река воздушная полней / Течет меж небом и землею» синонимично *течет свободней, беспрепятственно* (что соответствует дефиниции наречия *полно* в МАС: «4. <...> Проявляющийся вполне, не частично, абсолютно <...> || Неограниченно, ничем не стесненно» [МАС 1999: Т. 3, 265]). Девятый и десятый стихи ЛВ служат смысловым зачином к одиннадцатому и двенадцатому стихам: свободное течение *воздушной реки* позволяет *груди дышать легче и вольней*.

Наречие *вольно* – еще одно средство выражения семантики свободы. В основном своем значении *вольно*, в сущности, является абсолютным синонимом лексемы *свободно* (если мы также возьмем его первое значение), МАС определяет *вольно* как «свободно, беспрепятственно» [МАС 1999: Т. 1, 207]. В ЛВ *вольно* фактически означает *не завися от зноя; будучи не подвластным зною*. Это прямо подтверждается последним стихом третьей строфы, в котором Тютчев вводит и саму лексему *зной*: «Грудь дышит легче и

вольней, / *Освобожденная от зноя*». Таким образом, о степени «удушливости» зноя в ЛВ мы можем судить от обратного – по тому, как изображается процесс освобождения от него.

Помимо лексики, связанной с выражением семантики свободы, целесообразно обратить внимание и на наречие *легче*. Его появление в третьей строфе закономерно, оно подготовлено, в частности, образом тяжелого (*тяготеющего над нами*) небесного свода, который мы рассмотрели выше. *Тяжесть, давление, гнет* ассоциируются у Тютчева со зноем, и потому освобождение от зноя дает возможность дышать именно *легче*. В этом примере мы видим непосредственное воплощение рассматриваемой нами оппозиции *свобода, легкость – несвобода, тяжесть*.

Если проследить использование в ЛВ слов, которые номинируют те или иные части тела, то нетрудно обнаружить еще один композиционный прием, организующий стихотворение:

- «...солнца раскаленный шар / С *главы* своей земля скатила» (первая строфа);
- «...звезды <...> / Небесный свод приподняли / Своими влажными *главами*» (вторая строфа);
- «*Грудь* дышит легче и полней» (третья строфа);
- «И сладкий трепет, как струя, / По *жилам* пробежал природы, / Как бы горячих *ног* ея / Коснулись ключевые воды» (четвертая строфа).

Можно сказать, что в ЛВ Тютчев описывает *тело* природы – с *главы* до *ног*, создавая тем самым целостный ее образ. Природа участвует в процессе освобождения от зноя как единый организм.

При последовательном описании природы задается важная вертикаль – по мере развития текста направление взгляда повествователя перемещается сверху вниз (от *главы* к *ногам*): от солнца, звезд и небесного свода к воздушной реке, текущей *меж небом и землею*, и далее, в последнем стихе, уже к *подземным* источникам – ключевым водам. Уместно вспомнить здесь слова М. Л. Гаспарова о том, что основное измерение пейзажа у Тютчева –

«вертикаль, причем устремленная не снизу вверх, а сверху вниз, от неба к земле» [Гаспаров 1997а: 343], в этом отношении пейзаж ЛВ типично тютчевский.

Соотнесение второго обозначенного нами композиционного принципа с первым позволяет выявить еще одну значимую оппозицию, раскрывающую дополнительные смысловые оттенки *зной* (под первым принципом, напомним, имеется в виду противопоставление двух частей текста, в первой из которых изображен процесс освобождения от зной, а во второй результат). Не случайно то, что постепенное, от первой к четвертой строфе, уменьшение силы воздействия зной на окружающий мир происходит параллельно с перемещением взгляда повествователя от неба к земле и *ключевым водам*. Это сочетание заслуживает внимания потому, что хотя зной у Тютчева часто и ассоциирован с небом, он не всегда вступает в прямые оппозитивные отношения с землей и земным. Более того, как мы уже видели, зной вполне может ассоциироваться с земным, противопоставляясь при этом небесному, неземному, ср.: «И увядание земное / Цветов не тронет неземных, / И от полуденного зной / Роса не высохнет на них» [256], «А. В. Пл<етне>вой»; «Как жаждет горних наша грудь, / Как всё удушливо-земное / Она хотела б оттолкнуть» [203], «Хоть я и свил гнездо в долине...» (этот пример мы разбирали во втором параграфе). Зной у Тютчева вступает в оппозитивные отношения с *подземным, глубиью, глубиной*. Иными словами, со всем тем, что удалено от земной поверхности вглубь, тем, до чего не могут добраться знойные лучи солнца, и в ЛВ антагонистом зной с этой точки зрения являются именно *ключевые воды*. Взгляд повествователя, таким образом, перемещается в ЛВ не просто сверху вниз, но еще и от одного члена данной оппозиции к другому: от *раскаленного шара солнца* в первом стихе к *ключевым водам* в последнем.

Один из наиболее ярких примеров использования оппозиции *зной – подземные ключи, глубина* у Тютчева находим в стихотворении «Безумие» (<1829>). В целом, «Безумие» построено на контрасте между внутренним,

эмоциональным миром и миром внешним. Картина внешнего мира в «Безумии» – это картина иссушающего зноя: «...с землею обгорелой / Слилсь, как дым, небесный свод» [86] (если в ЛВ небесный свод тяготеет над землей, то тут он уже просто с ней сливается), «под раскаленными лучами», «в пламенных песках», «к растреснутой земле». Ни в одном другом стихотворении Тютчева зной не предстает в такой резкой форме: если говорить о деструктивном температурном влиянии зноя на природу, то в этом аспекте именно «Безумие» можно назвать самым «знойным» тютчевским текстом. Контрастом же к негативной картине удушливого зноя выступает позитивное внутреннее состояние, которое по причине своей оторванности от окружающих реалий и расценивается автором как состояние *безумия*: несмотря на зной, безумие пребывает «в *беззаботности веселой*», оно «Чему-то внемлет жадным слухом / С *довольством* тайным на челе».

Оппозиция *зноя* и *подземных, ключевых вод* реализуется в четвертой строфе «Безумия» (П. Н. Толстогузов говорит об оппозиции *пламенных песков* и *подземных вод* в «Безумии» [Толстогузов 1998а: 8], однако *пламенные пески* здесь – один из компонентов более общей картины, картины *зноя*). Изображение подземных вод в этой строфе весьма развернуто и динамично («струй *кипенье*», «*ток* подземных вод», «*шумный из земли исход*»), воды будто бы могут выступить как равновеликая зною сила. Но в контексте «Безумия» противостояние подземных вод и зноя оказывается мнимым, существующим лишь в воображении. Безумье «*мнит*, что слышит струй *кипенье*, / Что слышит ток подземных вод, / И колыбельное их *пенье*, / И шумный из земли *исход!*» Потенциально в «Безумии» реализуется не только оппозиция *зной* – *подземные воды*, но и оппозиция *земля* – *небо*: «Под раскаленными лучами, / Зарывшись в пламенных песках, / Оно [безумье – А. Б.] стеклянными очами / Чего-то ищет в облаках». Можно предположить, что подобно тому, как под землей безумье жаждет услышать родниковых *струй кипенья*, в небе оно хочет найти *животворную воздушную струю* (вспомним строки из «Хоть я и свил гнездо в долине...»: «Как животворно на вершине / Бежит воздушная струя»). Однако и

в этом случае его действия не могут принести желанного результата: небо в «Безумии» не в меньшей степени знойно, чем земля.

Выявленный нами набор оппозиций, компонентом которых является зной, а также знание лексических единиц, маркирующих эти оппозиции (подобное сочетание набора оппозиций и набора лексических единиц в сумме составляет лексико-семантическую модель), дает возможность постулировать наличие темы зноя даже в таких текстах, где оно, на первый взгляд, не очевидно. Например, в стихотворении «Silentium!» (<1829>, начало 1830-х годов). Общая тема «Silentium!» такая же, что и в «Безумии», – дисгармония между внешним и внутренним миром, и одно из средств развертывания этой темы – та же оппозиция между зноем и подземными, ключевыми водами. Однако если персонаж «Безумия» лишь воображает, что *слышит ток подземных вод*, то обобщенному адресату «Silentium!» *ключи* доступны. Отличие еще и в том, что в «Silentium!» эти *ключи* не материальны, их источник – не подземная, а *душевная глубина*. В «Silentium!» выражение *душевная глубина* расположено дистантно по отношению к *ключам*: «Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои – / Пускай в душевной глубине / Встают и заходят оне» [105]. Но есть у Тютчева и стихотворение, где лексема *ключ* употреблена в той же строке, что и *душевная глубина* – «К Н.» (1824): «Как жизни *ключ*, в *душевной глубине* / Твой взор живет и будет жить во мне» [69]. В обоих этих случаях перед нами метафорический перенос *подземные (глубокие) ключи* → *ключи в душевной глубине* (физическая глубина трансформируется в глубину души).

Внешний мир, антагонистичный *ключам* и внутреннему миру в целом, появляется сначала во второй строфе – в образе *другого*: «Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь?» [106]. В третьей строфе вводится семантика знойного и шумного дня, способного разрушить *таинственно-волшебные думы*. Лексический маркер зноя тут – *дневные лучи*, вступающие в активную оппозицию к внутреннему миру души: «Есть целый мир в душе твоей / Таинственно-волшебных дум; / Их оглушит наружный шум, / Дневные

разгонят лучи». Лирический субъект призывает адресата оградить себя от агрессивного влияния внешнего мира, прекратив коммуникацию с ним и довольствуясь *жизнью в себе самом*. Пример лирического субъекта, не сумевшего в схожей ситуации *замолчать*, Тютчев дает в КПСРЗ (близком к «Silentium!» и хронологически). Окружающий мир в КПСРЗ наделен теми же признаками, что и в «Silentium!», – он шумный и знойный: «Как ненавистны для меня / Сей шум, движенье, говор, крики / Младого, пламенного дня!.. / О, как лучи его багровы, / Как жгут они мои глаза!..» [125] Лирический субъект в полной мере принимает на себя все тяготы, однако же не останавливает процесс коммуникации с внешним миром, этот процесс продолжается здесь в виде *жалоб и пеней* (которых *другие, новое племя*, понять и принять не могут). В результате ему и подобным ему *обломкам старых поколений*, не сумевшим достичь гармонии с самими собой, остается лишь *с изнеможением в кости брести за новым племенем*:

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!..
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

Рассмотрение семантики лексемы *зной* в контексте оппозиций *свобода – несвобода* и *зной – глубина* позволяет, таким образом, выявить довольно тонкие, не очевидные на первый взгляд ее смыслы и коннотации, актуализированные в поэтическом идиолекте Тютчева, благодаря помещению слова в новое синтагматическое и парадигматическое окружение.

§4. Реализация потенциальных смыслов лексемы «зной»

в составе предложно-падежных сочетаний

При комплексном контекстуальном анализе важно рассмотреть свойства лексемы не только в рамках макроконтекстов, но и в рамках микроконтекстов. Полнее раскрыть широкий спектр семантических особенностей тютчевского *зной* позволяет, в частности, анализ его функционирования в составе предложно-падежных сочетаний. Во взаимодействии имени существительного с предлогом раскрываются как семантические, так и морфолого-синтаксические его свойства, поэтому исследование такого взаимодействия, несмотря на минимальность контекста, дает интересный сразу в нескольких аспектах результат.

Прежде всего определим номенклатуру грамматических форм лексемы *зной* у Тютчева, после чего установим круг тех предложно-падежных сочетаний, в которые она входит.

Как уже было сказано во второй главе, с точки зрения реализации морфологической категории числа *зной* относится к лексемам с неполной парадигмой: падежные формы множественного числа у него отсутствуют. В этом отношении тютчевские тексты не нарушают общезыковую закономерность, во всех случаях *зной* у Тютчева употребляется в единственном числе. Мы обращаем внимание на этот момент, так как потенциально использование множественного числа *зной* в поэтическом тексте возможно. Об этом свидетельствуют стихотворные строки, хронологически принадлежащие трем разным эпохам: «Хотя бы возлежал на розах, / Но в бурях, **зноях** и морозах / Готов он с лона неги встать» (Державин Г. Р., «Решемыслу», 1783) [Державин 1957: 108], «Никто. И мы опять закружим / По затемняющим кругам, / Отдавши тело **зноям**, стужам, / Губам, объятьям и костям...» (Ходасевич В. Ф., «Мы мерзостью постыдно-рьяной...», 1906) [Ходасевич: Электронный ресурс], «Я предался загадке холодных **зноев**...» (Авангардный

А., «Я предался загадке холодных зноев...», 2005) [Авангардный: Электронный ресурс].

Лексема *зной* встречается у Тютчева во всех падежных формах единственного числа, за исключением дательного падежа. При этом по числу употреблений падежные формы практически равноправны: именительный падеж – 2, родительный падеж – 4, винительный падеж – 3, творительный падеж – 1, предложный падеж – 3. Таким образом, в данном аспекте мы не можем указать на какие-либо особо маркированные, ярко выделяющиеся из общего ряда словоформы. В качестве контрастного примера у Тютчева можно привести уже анализировавшуюся нами лексему *светило*, из тринадцати употреблений которой (число ее употреблений, кстати, совпадает с числом употреблений *зной*) целых девять приходятся на формы именительного падежа [Частотный словарь-конкорданс: Электронный ресурс].

Интересно, что если мы обратимся к корпусу языка 19-го века, используя для этого «Национальный корпус русского языка» [Национальный корпус: Электронный ресурс] (НКРЯ) – задав в нем нужный подкорпус, то заметим некоторые параллели в частотном распределении падежных форм *зной* между представленными в нем данными и данными тютчевских текстов (данные приведены в табл. 3.2.).

Таблица 3.2.

Частотности падежных форм *зной* в подкорпусе языка 19-го века
и поэтических текстах Ф. И. Тютчева

<i>ПОДКОРПУС ЯЗЫКА 19-ГО ВЕКА</i>		<i>СТИХОТВОРЕНИЯ Ф. И. ТЮТЧЕВА</i>	
<i>Падежная форма</i>	<i>Число документов</i>	<i>Падежная форма</i>	<i>Число документов</i>
Вин. п.	55	Род. п.	4
Род. п.	53	Вин. п.	3
Им. п.	41	Предл. п.	3
Тв. п.	31	Им. п.	2

Предл. п.	20	Тв. п.	1
Дат. п.	3	Дат. п.	0

Во-первых, обращает на себя внимание крайне малый процент форм дательного падежа в НКРЯ и соответствующее ему полное отсутствие таких форм в стихотворениях Тютчева. Во-вторых, самые частотные формы в корпусе (формы винительного и родительного падежей) оказываются в числе наиболее частотных и у Тютчева. В-третьих, наблюдается и определенная закономерность в распределении частот форм именительного и творительного падежей: как в корпусе, так и в тютчевских текстах творительный падеж следует по частоте за именительным, а оба они уступают по частоте родительному / винительному падежам и опережают дательный.

По большому счету, в текстах Тютчева наблюдается лишь одно существенное отступление от данных корпуса языка 19-го века: форма предложного падежа, ниже которой по частотности в корпусе стоит лишь дательный падеж, у Тютчева куда более значима – она делит второе-третье место с винительным падежом. Причем все три употребления формы предложного падежа в тютчевских текстах – это употребления в составе предложно-падежного сочетания *на зное* (подробнее о котором мы будем говорить ниже).

В общей сложности в десяти из тринадцати рассматриваемых контекстов лексема *зной* используется Тютчевым в составе предложно-падежных сочетаний. Помимо уже упомянутого сочетания «на + предл. п.» (три употребления), к их числу относятся «от + род п.» (три употребления), «в + вин. п.» (три употребления) и «под + тв. п.» (одно употребление).

Лексема *зной* в сочетании с предлогом *от* используется Тютчевым в трех стихотворениях, достаточно далеких друг от друга по времени написания – каждый последующий текст отделяет от предыдущего примерно двадцать лет: «Летний вечер», <1828> (ЛВ); «Не остывшая от зною...», 1851 (НООЗ); «А. В. Пл<етне>вой» («Чему бы жизнь нас ни учила...»), 1870 (АВП). Тем не менее,

несмотря на такие временные интервалы, семантически эти три употребления очень близки, прежде всего если иметь в виду то смысловое наполнение, которое они приобретают в конкретных текстах.

В целом, если говорить об общезыковой семантике, сочетание *от зноя* служит для выражения двух основных значений:

- во-первых, каузативного значения («от зноя» = «по причине зноя»), ср. «Ездок, с лицом, как на огне / *От зноя* дневного горевшим» (Жуковский В. А., «Пери и ангел») [Жуковский 1959: Т. 2, 265];
- во-вторых, значения источника негативного воздействия, от которого необходимо укрыться, спрятаться, освободиться, ср. «В тени олив твоих уютных, / Сложивши ношу, отдохну / *От зноя* близ тебя» (Жуковский В. А., «Путешественник и поселянка») [Жуковский 1959: Т. 1, 338].

Во втором значении также присутствует некоторый каузативный оттенок (например, в процитированных строках зной фактически выступает как причина, побуждающая героя к отдыху), однако это ни в коей мере не приводит к смешению данного значения с первым – дифференциация указанных значений не вызывает сложностей.

Отметим, что в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой первое из названных нами значений характеризуется как «внешний каузатив – обозначение воздействующих на субъекта явлений природы, различных обстоятельств, чужих действий и свойств» [Золотова 1988: 82] (ср. один из иллюстративных примеров, особенно актуальных в контексте нашей работы: «И стали уж сохнуть *от знойных лучей* / Роскошные листья и звучный ручей (Лермонтов)» [Золотова 1988: 83]), второе же – как «потенсив», «нежелательное или угрожающее действие, явление» [Золотова 1988: 84] («Нет *от дождя спасенья* никому (А. Сурков)» [Золотова 1988: 85]).

В стихотворениях Тютчева реализуются оба основных языковых значения сочетания *от зноя*. Потенсивная семантика представлена в ЛВ («Грудь дышит легче и вольней, / Освобожденная от зною» [79]) и в НООЗ («Не

остывшая от зною, / Ночь июльская блистала...» [179]), каузативная – в АВП («И от полуденного зноя / Роса не высохнет на них» [256]).

Обратим внимание, что разная семантика выражается здесь посредством разных падежных окончаний (вариантных форм родительного падежа): если в первых двух текстах мы видим окончание «-ю», то в АВП – «-я». Данные НКРЯ не подтверждают наличия такой связи между падежными вариантами и их семантикой в языке в целом. Более того, во всех примерах, выдаваемых корпусом, *от зною* связано с выражением не потенсивной, как у Тютчева, а, напротив, каузативной семантики: «Все жаждет, истомясь от зною; Все вопиет: дождя, дождя» (Д. В. Григорович, «Город и деревня») [Национальный корпус: Электронный ресурс]. Следует сказать, что всего на запрос «от зною» корпус выдает шесть документов, в то время как на запрос «от зноя» – сто двадцать. Причем хронологически самый поздний из тех текстов, где автором было бы использовано сочетание *от зною*, относится к 1902-му году. Эти факты указывают на архаичный и относительно маргинальный характер варианта *от зною* и прежде всего варианта *от зною* с потенсивной семантикой – того, который мы находим в стихотворениях Тютчева.

Не последнюю роль в выборе Тютчевым той или иной вариантной формы играет, вероятно, специфика поэтического текста. Во всех трех стихотворениях *зноя* занимает позицию рифмы – таким образом, на форму *зноя* до определенной степени может влиять и форма рифмующегося с ним слова. Интересно при этом, что посредством рифменных связей как *от зною*, так и *от зноя*, связаны у Тютчева с *землей*. Если *от зною* в обоих случаях рифмуется с *землею* («Не остывшая от зною, / Ночь июльская блистала... / И над тусклою землею / Небо, полное грозою, / Всё в зарницах трепетало...», НООЗ; «Река воздушная полней / Течет меж небом и землею, / Грудь дышит легче и вольней, / Освобожденная от зною», ЛВ), то *от зноя* – с *земное* («И увядание земное / Цветов не тронет неземных, / И от полуденного зноя / Роса не высохнет на них», АВП). Тем самым смысловая связь *зноя* с *землей*, о которой мы уже не

раз говорили, получает свое выражение и в самой структуре поэтических текстов.

Кроме того, тождественность рифм в ЛВ и в НООЗ является одним из факторов, формирующих единую модель мира этих стихотворений. В числе других таких факторов: темпоральная близость (конец вечера / начало ночи, лето / июль); общие пространственные рамки (важнейшее значение неба и земли в обоих стихотворениях); ощущение присутствия некой высшей силы, вводимое в сильных позициях текстов – в концовках («И сквозь беглые зарницы / Чьи-то грозные зеницы / Загорались порою...», НООЗ; «И сладкий трепет, как струя, / По жилам пробежал природы», ЛВ).

Вместе с тем, ЛВ и НООЗ, в сущности, представляют собой стихотворения-антонимы (как и в случае лексической антонимии, различное здесь вырастает на базе общего, дифференциальные семантические компоненты не могут существовать без интегральных).

В ЛВ изображена картина «освобождения от зноя»: после того, как «...солнца раскаленный шар / С главы своей земля скатила» и т. д., «Грудь дышит легче и вольней, / Освобожденная от зною». Избавление от зноя, которое оценивается безусловно положительно, дает лирическому субъекту чувство свободы, легкости; вся природа наслаждается наступившей прохладой: «...сладкий трепет, как струя, / По жилам пробежал природы, / Как бы горячих ног ея / Коснулись ключевые воды» (*ключевые*, т. е. в том числе и *холодные*). Во втором же стихотворении ночь предстает как *не остывшая от зною* (=не освобожденная от зною). В результате *светлые звезды, легкость* или *сладкий трепет* оказываются здесь недопустимыми (в данной поэтической модели мира они не могут соседствовать со зноем), их место занимают *тусклая земля, тяжкие ресницы, грозные зеницы*. Немаловажно, что выражение *не остывшая от зною* вынесено автором в инициальную строку, оно задает необходимое направление для восприятия и понимания текста.

Зной в АВП также наделен негативными коннотациями, он стоит в одном ряду с *увяданием* и противопоставляется *нескудеющей силе* и *нетленной красе*

(чудесному): «Чему бы жизнь нас ни учила, / Но сердце верит в чудеса: / Есть нескудеющая сила, / Есть и нетленная краса. // И увядание земное / Цветов не тронет неземных, / И от полуденного зноя / Роса не высохнет на них». Можно сказать, что мотив освобождения от зноя присутствует и в этом тексте (чудесный мир – это мир без зноя), однако тут он не связан напрямую с семантикой сочетания *от зноя*. В АВП семантика *от зноя*, как мы уже отмечали, не потенсивная, но каузативная: «от зноя не высохнет роса» = «зной не сможет явиться причиной высыхания росы».

Кроме стремления описать *мир без зноя*, АВП и ЛВ роднит еще один интересный момент. В обоих этих текстах *зной / жар* противопоставляется *воде, влаге*. Особенно ярко данное противопоставление заметно в ЛВ, где оно проходит через все четыре строфы (в АВП же оно раскрывается через единственную оппозицию – *зноя и росы*). В первой строфе ЛВ *морская волна* поглощает *вечера пожар*, во второй – *звезды своими влажными главами* приподнимают тяжелый (*тяготеющий над нами*) небесный свод (а тяжесть, как было сказано в предыдущем параграфе, ассоциируется как раз со *зном*), в третьей – «*Река* воздушная полней [после освобождения от зноя – А. Б.] / Течет меж небом и землею» (использование лексемы *река* включает и *воздушную реку* в общий ряд образов, связанных с водой), наконец, в четвертой строфе, *ключевые воды* касаются *горячих ног природы*.

Мысль о противопоставлении *зноя и влаги* (и шире – хаотического и гармонического начал) у Тютчева высказывал и В. Н. Топоров: «Тютчева томит, удручает, вызывает уныние, тоску, изнеможение, раздражение, некую брезгливость и другие отрицательные эмоции <...> аморфность или всеобщая слабая структурированность пространства, недостаток организующего начала в нем <...>. Таким же негативным фактором оказывается *з н о й* как неопределенное иррационально-хаотическое начало, нарушающее космическую гармонию. И, напротив, «положительны» <...> эмоции, связанные с четкой организацией пространства, жесткостью и ясностью граней, контрастностью, многоцветностью, яркостью, блеском, энергичным

движением, ритмизованностью и гармонизированностью. Свежесть, прохлада, влага, роса, дождь, гроза – живительные начала, противоположные зною» [Топоров 1995: 597 – 598].

Помимо прочего, для нас значимо, что среди природных явлений, противоположных зною, В. Н. Топоров называет грозу. Как раз описание момента перед началом грозы мы видим в НООЗ («Небо, полное грозою...»). Гроза у Тютчева – это одна из тех сил, которые несут с собой избавление от зноя. Показателен образ прошедшей ночной грозы в стихотворении «Утро в горах» (<1829>): «Лазурь небесная смеется, / Ночной омытая грозой, / И между гор росисто вьется / Долина светлой полосой» [81]. Здесь нет прямого указания на то, что этой грозе тоже предшествовал *зной*, однако здесь есть важное слово-маркер, семантика которого (или однокоренных ему слов) регулярно противопоставляется у Тютчева зною. Это слово-маркер – *роса* (как в АВП) и его дериваты, приведем примеры:

- «Пошли, господь, свою отраду / Тому, кто в летний жар и зной...» <=> «...пыль *росистая* фонтана / Главы его не осенит» [164 – 165] («Пошли, господь, свою отраду...», 1850).
- «На мне, я чую, тяготеет / Вчерашний *зной*, вчерашний прах!» <=> «О ночь, ночь, где твои покровы, / Твой тихий сумрак и *роса!*» [125] («Как птичка, с раннею зарей...», <1835>).
- «Как ни дышит полдень *знойный* / В растворенное окно...» <=> «Здесь фонтан неутомимый / День и ночь поет в углу / И кропит *росой* незримой / Очарованную мглу» [166] («Как ни дышит полдень *знойный*...», 1850).

Кроме того, нужно отметить, что ожидание грозы, происходящее на фоне картины зноя, изображается Тютчевым не только в НООЗ, но и в еще одном стихотворении – «В душном воздуха молчанье...» (<1835>): «В душном воздуха молчанье, / Как *предчувствие грозы*, / Жарче роз благоуханье <...> Некий жизни преизбыток / В *знойном воздухе* разлит!» [124]. Зной метафорически уподоблен здесь чувствам человека, *палящей страсти* («Что так грудь твою спирает / И уста твои палит?...»), которая сменяется *слезами* /

грозой («Сквозь ресницы шелковые / Проступили две слезы... / Иль то капли дождевые / Зачинающей грозы?..»).

Таким образом, на наш взгляд, хотя в НООЗ мы не видим результата освобождения от зноя (*мира без зноя*), мы тем не менее видим начало процесса этого освобождения.

В целом, разделяя идеи В. Н. Топорова, высказанные в приведенной выше цитате, мы, однако, хотели бы внести одно уточнение: зной у Тютчева, что уже не раз было показано в этой главе, далеко не всегда является негативным фактором (как говорит Ю. М. Лотман, «у Тютчева для каждого ключевого понятия есть несколько противоположных смыслов» [Лотман: Электронный ресурс]). Назвать зной однозначно негативным нельзя, например, в упомянутом «В душном воздуха молчанье...». Зной же, вызывающий у лирического субъекта исключительно положительные эмоции, можно найти в одном из стихотворений, где использовано сочетание *на зное*.

В общей сложности, сочетание *на зное* встречается у Тютчева три раза в двух текстах: один – в «Снежных горах» и два – в стихотворении «В небе тают облака...» (ВНТО). С точки зрения общезыковой частотности, *на зное* – значительно более редкое сочетание, чем *от зноя*. Так, НКРЯ на запрос «на зное» выдает всего три документа. А в довольно представительном поэтическом подкорпусе НКРЯ, куда входят произведения ряда авторов первой половины 19 в., находится лишь два его употребления (если не считать уже названных нами текстов Тютчева): в строках стихотворений А. И. Полежаева «Кольцо» (1825–1829) («Печально, быстро вянут розы / На зное летнем без росы») и И. А. Бунина «Купальщица» («И горяча тропа на зное / По виноградникам сухим»). В этом свете три тютчевских употребления выглядят вполне весомо.

В обычном случае пребывание *на зное* оценивается в художественных текстах фактически как испытание – борьба со зноем, а в семантике самого *зноя* отчетливо выделяются такие характеристики, как *иссушающий*, *изнурительный* и т. д. Помимо процитированных строк Полежаева о вянущих на зное розах,

приведем пример из прозаического художественного произведения – «Аммалат-бека» А. А. Бестужева-Марлинского: «...Избалованный холею, он [речь идет о коне – А. Б.] не мог выдержать двухдневного побега на зное солнца» [Национальный корпус: Электронный ресурс]. Ряд колоритных примеров со схожей семантикой есть и в словаре Даля: «пороскисли все на зное» [Даль 1989: Т. 3, 315] («раскиснуть» у Даля – это в т. ч. «ослабеть от жару, зною» [Даль 1989: Т. 4, 61]), «весь день пекся на зное, все коня искал» [Даль 1989: Т. 3, 108] («солнце печет» – «палит, жарит, невыносимый зной» [Даль 1989: Т. 3, 108]) и др. Однако в случае сочетания *на зное* у Тютчева негативные коннотации либо полностью отсутствуют («В небе тают облака...»), либо частично отступают на второй план («Снежные горы»).

Выражение *на зное* у Тютчева в двух употреблениях из трех связано с реализацией семантики *яркого света, блеска*. В ВНТО *на зное* начинает *искриться* и *лучиться* река (зной тут выполняет функцию каузатора): «...лучистая на зное, / В искрах катится река <...>» [239]; в «Снежных горах» *на зное блещут камни*: «...с камней, блещущих на зное, / В родную глубь спешат ручьи...» [81]. Семантика *зноя* в приведенных строках двухпланова: с одной стороны, *зной* сохраняет здесь свое базовое значение – *сильного жара*, с другой – это значение дополняется и до некоторой степени вытесняется световым значением, более характерным для *солнца*, нежели для собственно *зноя*.

В этой связи важно отметить, что объекты в стихотворениях Тютчева *искрятся* и *блещут* не только *на зное*, но и *на солнце* (о семантике солнца как источника отраженного света мы, напомним, уже говорили в первом параграфе): «На солнце искрились штыки» [186] («Неман», 1853), «струя <...> на солнце нежась, блещет» [123] («Что ты клонишь над водами?..», <1835>). Вместе с тем *зной* в сочетании *на зное* оказывается у Тютчева более мощным источником света, чем *солнце* в сочетании *на солнце*: высокая интенсивность проявления признаков, присущая *зною* в его температурном аспекте, дает о себе знать и в аспекте световом.

Кроме того, в сочетании *на зное* отчасти реализуется и локативная семантика: *на зное* = *на солнцепеке*, а согласно словарю Даля, например, *солнцепек* – это «...место, с которого солнце во весь день не сходит, жарит, печет, *зноит* [курсив наш – А. Б.]» [Даль 1989: Т. 3, 432]. «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой классифицирует сочетания типа *на солнце* и *на морозе* как синтаксемы со значением ситуатива; иначе говоря, как синтаксемы, обладающие значением «внешней ситуации <...>, определяющей состояние субъекта» [Золотова 1988: 432]. Такое емкое определение (под которое, конечно, подпадает и *на зное*) обусловлено достаточно сложной семантической структурой подобных сочетаний.

Интересно, что в тех же строфах, где употреблено сочетание *на зное*, мы находим и нигде более Тютчевым не используемый образ *стального зеркала*: «В искрах катится река, / Словно зеркало стальное...» (ВНТО) и «Внизу, как зеркало стальное, / Синюют озера струи» («Снежные горы»). В обеих строфах *стальное зеркало* входит в состав сравнительного оборота и в обеих строфах с ним сравнивается водоем. Подобное сравнение характеризует водоем прежде всего как *светлый, отражающий свет* (ср. у А. А. Фета: «Река раскинулась как море, / Стального зеркала светлей», «Опять незримые усилья...» [Фет 2000: 97]). Таким образом, можно отметить, что общая световая картина знойного дня получается у Тютчева чрезвычайно насыщенной.

Третье употребление *на зное* у Тютчева – в сочетании с глаголом *дышать*; в последней строфе ВНТО *на зное дышат поля*: «Чудный день! Пройдут века – / Так же будут, в вечном строе, / Течь и искриться река / И поля дышать на зное». Третья строка здесь соотносится с первой строфой текста, а четвертая – со второй, в которой и задается содержание образа *дышащих на зное полей*: «Час от часу жар сильней / <...> / И с белеющих полей / Веет запахом медовым». *Дыхание полей* в третьей строфе – это метафора *веяния* из второй строфы; физическая основа данной метафоры заключается в том, что и веяние, и дыхание представляют собой движение воздуха.

Помимо образа дышащих на зное полей в ВНТО, у Тютчева также встречается и образ дышащего знойного полдня, в двух текстах – в «Полдне» и в «Как ни дышит полдень знойный...» (КНДПЗ). И в каждом из этих трех стихотворений смысловое наполнение *зной*, при безусловном наличии схожих черт, несколько отличается. Общее в «Полдне» и в КНДПЗ, как мы уже сказали, – образ дышащего знойного полдня, а также оппозиция *зной* и *темноты*, *прохлады*, *покоя*. Однако если в «Полдне» больший акцент сделан на первом члене данной оппозиции – зное, то в КНДПЗ – на втором. И хотя *знойный полдень* изображен в КНДПЗ как более активная и негативная сила, чем в «Полдне», где он «лениво дышит» [82], но его воздействие на текстовый мир оказывается меньшим (описанию сферы *зной* в КНДПЗ посвящено всего две строки: «Как ни дышит полдень знойный / В растворенное окно...»). *Зной* же в ВНТО не связан непосредственно с семантикой *полдня*, а *знойный* день оценивается здесь полностью положительно – как *чудный день*. Тем не менее ВНТО и «Полдень» очень близки, что подтверждается, в частности, наличием у них ряда прямых текстовых переключек: «В искрах катится река» (ВНТО) – «Лениво катится река» («Полдень»), «В небе тают облака» (ВНТО) – «В лазури пламенной и чистой / Лениво тают облака» («Полдень»).

Третье из интересующих нас сочетаний – *в зной* – употребляется Тютчевым в стихотворениях «Смотри, как роща зеленеет...» (СКРЗ), «К N. N.» и «Пошли, господь, свою отраду...» (ПГСО). Во всех указанных текстах предлог *в* и существительное *зной* оказываются разделенными другими словами, одним из которых обязательно является определение-прилагательное с темпоральным значением (по этой причине данные примеры уже анализировались нами во втором параграфе):

- «Над нами бредят их вершины, / *В полдневный зной* погружены» [196] (СКРЗ).
- «...*В палящий летний зной* / Лестней для чувств, приманчивей для взгляда / Смотреть, в тени как в кисти винограда / Сверкает кровь сквозь зелени густой» [84] («К N. N.»).

- «Пошли, господь, свою отраду / Тому, кто в летний жар и зной / Как бедный нищий мимо саду / Бредет по жесткой мостовой» [164] (ПГСО).

Смысловое наполнение сочетания *в зной* в приведенных строках различно. Во втором и третьем примерах *в зной* служит для реализации семантики, которая интерпретируется в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой как один из видов темпоративов, а именно как «приурочивание сообщения ко времени через <...> обозначение природного или общественного явления» [Золотова 1988: 163]. Ср. «Я *пахал* это поле *в жару*, Я искал, Где же истины мера (А. Поперечный)» [Золотова 1988: 164]. Кроме того, темпоральная семантика сочетается здесь с семантикой ситуатива: внешняя ситуация, ситуация *летнего зноя*, самым непосредственным образом влияет на состояние субъекта.

Если во втором и третьем примерах темпоральная семантика выражается уже с помощью самого сочетания *в зной* (=в знойные часы), то в строках из СКРЗ единственное средство ее выражения – определение *полдневный*. Сочетание *в зной* тут – не темпоратив, оно номинирует «фазисное значение состояния субъекта» [Золотова 1988: 172], ср. «Я каждый раз, когда хочу сундук Мой отпереть, впадаю *в жар и трепет* (Пушкин)» [Золотова 1988: 173]. Особенность реализации такого значения в СКРЗ связана с использованием Тютчевым приема олицетворения: в качестве субъекта в данном тексте выступают *вершины деревьев*. *Вершины деревьев* в СКРЗ *бредят*, будучи *погружены в зной*, и тем самым они метафорически отождествляются с *бредящим в жару человеком*. Соответственно, *зной* приобретает некоторые смысловые черты, обычно для него не характерные: черты лексемы *жар*, которая в устойчивом сочетании *бредить в жару* обозначает не тепло от солнца или огня, но «воспалительное, лихорадочное состояние» [Даль 1989: Т.1, 526]. Семантика *зноя* как сильной степени тепла комбинируется в СКРЗ с семантикой *зноя* как источника состояния *бреда* (и эта деталь также отсылает нас к стихотворению «Безумие»: *бред* и *безумие* семантически близки).

Бред в СКРЗ, по всей видимости, имеет и звуковой аспект: *бред в жару* подразумевает не только «беспмятное состояние человека» [Даль 1989: Т. 1, 127], но и «бессвязные речи его» [Даль 1989: Т. 1, 127]. Если рассмотреть *бредящие вершины* как *шумящие вершины*, то можно обнаружить в СКРЗ интересную звуковую вертикаль: шепчущий родник («шепчет в сумраке немом») -> бредящие вершины деревьев -> крик орла в вышине («И лишь порою крик орлиный / До нас доходит с вышины...»). Первый и, вероятно, третий компоненты этой вертикали относятся к сфере прохлады, а второй, промежуточный, – к сфере зноя. Отметим, что о «бредовом *говоре* [курсив наш – А. Б.] вершин» в СКРЗ говорит, например, и Д. С. Дарский [Тютчев 2003: Т. 2, 438].

Предложно-падежное сочетание *под зноем* находим лишь в одном стихотворении Тютчева – в «Играй, покуда над тобою...» (1861, ИПНТ). В основе ИПНТ лежит та же оппозиция, которую мы видели, например, в «Как птичка с раннею зарей...»: оппозиция *молодого, начинающего жить, приходящего* и *старого, отживающего свой век, уходящего* (лирический субъект обращается к своей возлюбленной: «...Что общего меж нами? / Ты жить идешь – я уйду» [207]). При этом *молодое* вновь ассоциируется со *зноем, летом, преизбытком жизни* («Ты – жизнь, назначенная к бою», «Но поздние, живые грозы, / Но взрыв страстей, но страсти слезы – / Нет, это все не для меня!»).

Сочетание *под зноем* вводится в последней строфе ИПНТ: «Но, может быть, под зноем лета / Ты вспомнишь о своей весне...». *Под зноем* синонимично сочетанию *в зной* в ПГСО и «К N. N.» (а *под зноем лета* синонимично сочетанию *в летний зной*). Иными словами, *под зноем* в ИПНТ – это одновременно и темпоратив (ср. «Но, может быть, *в знойные летние часы* / Ты вспомнишь...»), и ситуатив. Доминирующей, однако, в этой паре является семантика ситуатива (и в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой сочетания типа *под зноем* трактуются исключительно как ситуатив).

Зной лета противопоставляется в ИПНТ не только *старому*, но и *весне*, традиционно наделяемой у Тютчева положительными коннотациями. В ИПНТ не раскрывается содержание образа *весны*, но, судя по всему, именно об этой *весне*, без упоминания самой лексемы *весна*, говорится в «К N. N.»: *весна* – такое время в жизни возлюбленной лирического субъекта, когда она еще не успела *узнать цену тайным радостям* «благодаря и людям и судьбе» (ср. и в ИПНТ: «Играй с людьми, играй с судьбою»); когда «стыдливости румянец невозвратный» еще не «улетел с молодых <...> ланит». Вообще, образно выражаясь, можно сказать, что ИПНТ – это «К N. N.» двадцать лет спустя (дата написания «К N. N.» – не позже 1829-го, а ИПНТ – 1861-й год). В обоих стихотворениях сложные отношения лирического субъекта с возлюбленной метафорически характеризуются как *зной*, но если в «К N. N.» лирический субъект еще может смириться с изложенными обстоятельствами и даже получить от них определенное удовольствие, то в ИПНТ уже нет: в ИПНТ, в отличие от «К N. N.», лирический субъект уже не молод.

В заключение параграфа еще раз подчеркнем, что анализ функционирования лексем в составе даже самых минимальных сочетаний позволяет выявить их существенные семантические свойства и более полно представить круг их ближайших семантических связей. Обращение к такому анализу, в конечном итоге, приводит к открытию важных закономерностей на уровне не только микро-, но и макроконтекста.

Выводы по главе

- Структура ЛСП «Зной», к ядерной области которого в стихотворениях Тютчева относятся лексемы *зной* (прежде всего), *жар*, а также их дериваты, включает в себя следующие базовые компоненты: субполе лексем, служащих для выражения семантики *источника зноя*; темпоральное и локативное субполя; набор ключевых оппозиций, в которых участвует семантика *зноя*; коннотации *зноя*.

- В тютчевских текстах выделяются два главных источника зноя: *солнце* и *небо*. Функцию источника зноя (тепла) *солнце* выполняет наряду с функциями источника света и источника жизненной силы; данные функции могут одновременно воплощаться в тексте. В поэзии Тютчева нет какого-либо устойчивого образа знойного солнца. Возможные способы его лексического выражения: прямая одиночная номинация («солнце»), перифрастическая номинация («раскаленный шар»), метонимическая номинация («полдневная пора»), сложная номинация («небесный лев»). Возможные способы выражения образа знойного неба: прямая одиночная номинация («небо») либо прямая номинация с атрибутом («пламенная лазурь»).
- В состав темпорального субполя прежде всего входят лексемы, реализующие семантику *лета, дня, полдня*. Наиболее устойчивы связи *зноя* со словами, номинирующими *лето* («летний зной», «зной лета») и, в особенности, *полдень* («полуденный зной», «полдневный зной», «знойный полдень»). Семантика *знойного полдня* может раскрываться у Тютчева в рамках более широкой лексико-семантической модели «полдень + зной + укрытие от зноя + сон / отдых», имеющей традиционно-поэтический характер. Кроме того, еще один регулярно повторяющийся компонент картины знойного полдня – *мгла*. Нередко в стихотворениях Тютчева происходит генерализация темпоральной семантики, в этом случае изображаемое выводится за пределы какого-либо конкретного дня или времени года на вневременной уровень (ср. «Чудный день! Пройдут века – / Так же будут, в вечном строе, / Течь и искриться река / И поля дышать на зное», «В небе тают облака...»).
- Локативное субполе содержит лексику, используемую для описания пространственной сферы зноя, противостоящей сфере прохлады. Часто сфера зноя представляет собою природу в целом («...всю природу, как туман, / Дремота жаркая объемлет», «Полдень»), а сфера прохлады – какой-то отдельный ее компонент или компоненты (пещера, роща,

ледяные выси и т. д.). Оппозиция сфер зноя и прохлады также может выстраиваться горизонтально либо вертикально: например, в «Пошли, господь, свою отраду...» она выстраивается горизонтально (знойная мостовая и противопоставляемый ей тенистый сад находятся на одном уровне), а в «Хоть я и свил гнездо в долине...» – вертикально (зной отождествляется с земным, а прохлада с небесным). В ряде текстов сфера зноя ассоциируется со средиземноморским югом, и, соответственно, ее лексическое выражение включает в себя его типичные приметы: чистое небо, море, лавры, виноград, мраморные строения / руины. Однако не всегда зной получает точную пространственную локализацию, ср. «На мне, я чую, тяготеет / Вчерашний зной, вчерашний прах», «Как птичка, с раннею зарей...».

- Основные оппозиции, в которые вступает семантика *зноя* у Тютчева, таковы: свобода – несвобода, легкость – тяжесть, север – юг, зима – лето, ночь – день, сумрак – свет, прохлада – зной, небо – земля, подземное – земное, вода – сушь, старость – молодость. *Зной* соотносится со вторыми членами указанных оппозиций, которые примыкают к ядерной области ЛСП, тогда как первые их члены образуют в большей степени периферию – зону диффузии и пересечения с другими полями.
- Оценка *зноя* с точки зрения тех положительных и отрицательных коннотаций, которыми он может наделяться, неоднозначна. При том, что в большинстве текстов *зной* оценивается негативно, как деструктивная, иссушающая сила, в значительном числе стихотворений он получает и положительную оценку (например, ассоциируясь с *блаженным югом*). Кроме того, в нескольких текстах *зной* предстает как амбивалентное по своей природе явление: он может одновременно восприниматься и положительно, и отрицательно (мы говорили об этом применительно к «К N. N.» и «Как птичка, с раннею зарей...»).

Заключение

В работе выполнен анализ ЛСП «Зной» в поэтических текстах Тютчева, определена структура поля и описана семантика основных его единиц в конкретных стихотворениях.

Специфика выполненного анализа во многом обусловлена спецификой поэтического текста. Исследование семантики поэтического слова предполагает обращение к различным по широте его контекстам (контексту стиха, строфы, текста в целом, множества текстов); учет его потенциальной неоднозначности; полное, насколько это возможно, реконструирование художественного мира. Помимо общих свойств поэтического текста, следует учитывать и общие свойства идиостиля рассматриваемого автора. В случае Тютчева, к таким свойствам относится, например, обилие повторов (повторов тем, образов, отдельных лексем, словосочетаний и т. д.).

В работе введено понятие лексико-семантической модели (ЛСМ) как относительно устойчивого образца, который реализует повторяющийся в ряде поэтических текстов смысл, выражается посредством определенного набора лексем и характеризуется вариативностью неядерных компонентов. В третьей главе описана традиционно-поэтическая ЛСМ «полдень + зной + укрытие от зноя + сон / отдых» на примере «Послания Горация к Мecenату, в котором приглашает его к сельскому обеду» (ПГКМ). В ПГКМ нет ни лексемы *полдень*, ни ее дериватов, однако на основании того, что в нем представлены другие компоненты обозначенной ЛСМ, появляется возможность восстановить и пропущенный компонент *полдень* (доказать, что в стихотворении изображен именно полдень). Кроме того, связь *полдня* и *зноя* в рамках ЛСМ указывает и на их связь в рамках ЛСП.

Термин ЛСП в работе определен как совокупность лексем, объединенных парадигматическими и синтагматическими отношениями и связанных с одним ядерным компонентом. Использование собственного определения связано с тем, что общепринятой дефиниции ЛСП не существует: позиции

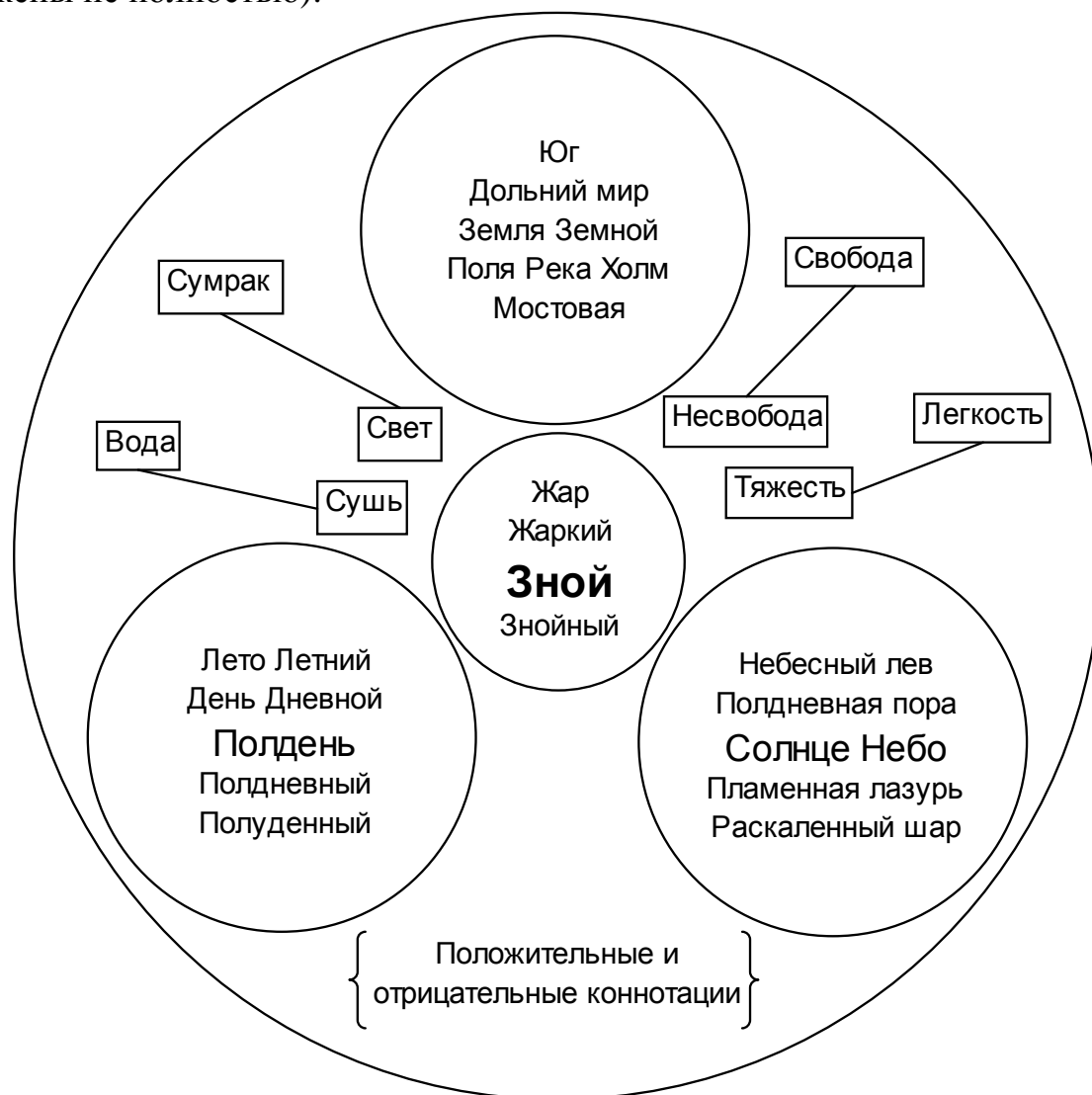
исследователей относительно характера единиц, образующих ЛСП, и типа семантических связей между этими единицами расходятся. Целесообразно рассматривать ЛСП в двух аспектах: общеязыковом (изучение ЛСП *x* в языке *y*) и текстовом (изучение ЛСП *x* в творчестве *y*). Анализ общеязыкового поля предполагает обращение к языковым значениям слов, анализ же текстового поля – обращение к смыслам, выражаемым данными словами в текстах. В нашей работе основным предметом исследования стало текстовое ЛСП «Зной», однако семантика лексем, входящих в ядро языкового ЛСП «Зной», также была описана.

К ядру языкового ЛСП «Зной» относятся лексемы *жар*, *жара*, *зной* и их производные. Лексемы *жар*, *жара* и *зной* обычно дифференцируются как «сильная степень тепла» (*жар*), «сильная степень тепла в воздухе» (*жара*) и «сильная степень тепла в воздухе от солнца» (*зной*). Семный состав *зноя* в общем виде можно записать как сочетание сем «тепло» + «высокая степень проявления признака (тепла)» + «в воздухе» + «от солнца». С общеязыковой точки зрения в приведенном парадигматическом ряду наиболее «маргинальной» единицей является именно *зной*. «Маргинальность» *зноя* выражается в ограниченной сфере его употребления и в относительной узости его семантики (более узкое основное значение и меньший набор значений в целом). Важно, что меньшая употребительность *зноя*, по сравнению с другими единицами данного ряда, находит свое подтверждение и на материале текстов 19-го века. Однако у Тютчева, напротив, *зной* употребляется значительно чаще, чем *жар* (а *жара́* не встречается вообще): «маргинальная» с общеязыковой точки зрения единица становится доминантной.

Структура ЛСП «Зной» в стихотворениях Тютчева включает в себя пять базовых компонентов: субполе лексем, служащих для выражения семантики *источника зноя*; темпоральное и локативное субполя; набор ключевых оппозиций, в которых участвует семантика *зноя*; коннотации *зноя*. Два основных источника *зноя* – это *солнце* и *небо* (ср. «пламенная лазурь»); три важнейших темпоральных характеристики – *лето*, *день* и *полдень* (однако

ночной зной у Тютчева тоже возможен). Локативные характеристики *зноя* достаточно разнообразны, в числе неоднократно встречающихся можно назвать «юг», «земной, дольний мир», «природу в целом». Основные оппозиции, в которые вступает семантика *зноя*: свобода – несвобода, легкость – тяжесть, север – юг, зима – лето, ночь – день, сумрак – свет, прохлада – зной, небо – земля, подземное – земное, вода – сушь, старость – молодость. Как правило, *зной* у Тютчева оценивается негативно, но в относительно большом числе текстов он получает и положительную оценку. Кроме того, в нескольких случаях *зной* одновременно воспринимается как положительно, так и отрицательно.

Структуру ЛСП «Зной» в поэтических текстах Тютчева можно представить в виде схемы (набор оппозиций и лексический состав поля в схеме отражены не полностью):

Список литературы

1. *Аксаков 1997* – Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. – М.: Книга и бизнес, 1997.
2. *Анализ 2001* – Анализ одного стихотворения. «О чем ты воешь, ветр ночной?..»: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун–т, 2001.
3. *Апресян 1966* – Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). – М.: Просвещение, 1966.
4. *Апресян 1974* – Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974.
5. *Арбатский 1970* – Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слова // Русский язык в школе. – 1970. – № 3.
6. *Арнольд 1984* – Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в ВУЗе. – Л.: ЛГПИ, 1984. – С. 3 – 11.
7. *Баевский 1991* – Баевский В. С. Справочные труды по поэзии Пушкина и его современников // Временник Пушкинской комиссии. – СПб.: Наука, 1991. – Вып. 24. – С. 65 – 79.
8. *Бакина 1991* – Бакина М. А. Общезыковая фразеология в русской поэзии второй половины XIX в. – М.: Наука, 1991.
9. *Бахтин 1975* – Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 6 – 71.
10. *Белый 2001* – Белый А. Из книги «Поэзия слова»: Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика: антология. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 480 – 485.
11. *Берковский 1985* – Берковский Н. Я. Ф. И. Тютчев // Берковский Н. Я. О русской литературе. – Л.: Худож. лит., 1985. – С. 155 – 199.

12. *Блок 1962* – Блок А. А. Педант о поэте // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. – М.; Л.: Гослитиздат, 1962. – С. 25 – 30.
13. *Брюсов 1975* – Брюсов В. Я. Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 193 – 208.
14. *Бухштаб 1970* – Бухштаб Б. Я. Тютчев // Бухштаб Б. Я. Русские поэты: Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. – Л.: Худож. лит., 1970.
15. *Бюлер 1993* – Бюлер К. Теория языка. – М.: Прогресс, 1993.
16. *Виноградов 1972* – Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1972.
17. *Виноградов 1976* – Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976.
18. *Винокур 1991a* – Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 34 – 62.
19. *Винокур 1991б* – Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 24 – 32.
20. *Винокур 1991в* – Винокур Г. О. Словарь языка Пушкина // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 297 – 317.
21. *Гавранек 1967* – Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967.
22. *Гак 1966* – Гак В. Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1966.
23. *Гак 1991* – Гак В. Г. Лексико-семантические преобразования // Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 453 – 511.
24. *Гаспаров 1997a* – Гаспаров М. Л. Композиция пейзажа у Тютчева // Гаспаров М. Л. Избранные труды. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 332 – 361.

25. *Гаспаров 1997б* – Гаспаров М. Л. Первочтение и перечтение: К тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи // Гаспаров М. Л. Избранные труды. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. 2. – С. 459 – 467.
26. *Гаспаров 2003* – Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. – М.: Фортуна Лимитед, 2003.
27. *Гвоздев 1965* – Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965.
28. *Гинзбург 1974* – Гинзбург Л. Я. О лирике. – Л.: Сов. писатель, 1974.
29. *Гиршман 1981* – Гиршман М. М. Анализ поэтических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. – М.: Высш. шк., 1981.
30. *Гиршман 2003* – Гиршман М. М. Стиль и поэтическое словообразование в лирике Ф. И. Тютчева // Литературоведческий сборник: творчество Ф. И. Тютчева: филологические и культурологические проблемы изучения. Вып. 15–16. – Донецк: ДонНУ, 2003. – С. 6 – 15.
31. *Голованевский 2003* – Голованевский А. Л. «Поэтический словарь Ф. И. Тютчева» и его место в русской поэтической лексикографии // Поэтическое наследие Ф. И. Тютчева: Литературоведение, лингвистика, методика: Материалы Юбилейной международной научно-практической конференции. – Брянск: Изд-во БГУ, 2003. – С. 9 – 15.
32. *Голованевский 2004а* – Голованевский А. Л. На пути к созданию «Поэтического словаря Ф. И. Тютчева»: размышления о лексических значениях авторского слова // Русский язык и славистика в наши дни: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения Н. А. Кондрашова. – М.: МГОУ, 2004. – С. 542 – 455.
33. *Голованевский 2004б* – Голованевский А. Л. О лексикографировании высокочастотных слов в «Поэтическом словаре Ф. И. Тютчева» // Вопросы лексики и фразеологии русского языка. – Орел: ОГУ, 2004. – С. 44 – 50.
34. *Голованевский 2005* – Голованевский А. Л. Первые материалы «Полного поэтического словаря Ф. И. Тютчева» // Ф. И. Тютчев и тютчеведение в

- начале третьего тысячелетия: Материалы II научно-практической конференции: 23-24 ноября 2005 г. – Брянск, 2005.
35. *Голованевский 2006* – Голованевский А. Л. Лексическая неоднозначность слова и ее отражение в «Поэтическом словаре Ф. И. Тютчева» // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 82 – 88.
36. *Голованевский, Атаманова 2004* – Голованевский А. Л., Атаманова Н. В. Лексика и фразеология в «Поэтическом словаре Ф. И. Тютчева» и нормативных словарях русского языка // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения). – Великий Новгород, 2004. – С. 352 – 355.
37. *Голованевский, Атаманова, Чернявская 2004* – Голованевский А. Л., Атаманова Н. В., Чернявская Е. А. Поэтический словарь Ф. И. Тютчева: загадки, гипотезы, отгадки // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (2204): Социально-гуманитарные науки. – Брянск: Изд-во БГУ, 2004. – С. 7 – 13.
38. *Григорьев 1965* – Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. – М.: Наука, 1965.
39. *Григорьев 1971* – Григорьев В. П. Словарь Некрасова в контексте проблем поэтической лексикографии // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1971. – С. 465 – 472.
40. *Григорьев 1979* – Григорьев В. П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. – М.: Наука, 1979.
41. *Григорьева 1980* – Григорьева А. Д. Слово в поэзии Тютчева. – М.: Наука, 1980.
42. *Григорьева 1985* – Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык поэзии XIX – XX вв.: Фет. Современная лирика. – М.: Наука, 1985.

43. *Гумбольдт 1985* – Гумбольдт В. Эстетические опыты. Первая часть. О «Германе и Доротее» Гете // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 160 – 278.
44. *Гуриненко 2005* – Гуриненко Н. А. Взаимодействие компонентов лексико-семантических полей «Человек» и «Природа» в метафоре Ф. И. Тютчева: Диссертация ... канд. филол. наук. – Москва, 2005.
45. *Жирмунский 1977* – Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977.
46. *Журавлева 1977* – Журавлева А. И. Стихотворение Тютчева «Silentium!» (К проблеме «Тютчев и Пушкин») // Замысел, труд, воплощение. – М.: МГУ, 1977. – С. 179 – 190.
47. *Зализняк 2004* – Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. – 2004. – №2. – С. 20 – 45.
48. *Золян 1985* – Золян С. Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов. – Ер.: Изд-во Ереван. ун-та, 1985.
49. *Золян 1986* – Золян С. Т. О принципах композиционной организации поэтического текста // Проблемы структурной лингвистики 1983. – М.: Наука, 1986. – С. 60 – 74.
50. *Золян 1991* – Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1991.
51. *Иванова 1992* – Иванова Н. Н. Поэтические номинации в русской лирике. – М.: Наука, 1992.
52. *Искусство художественного перевода 2000* – Искусство художественного перевода. Немецкая классическая поэзия на уроках литературы. Книга для учителя. – Тольятти: Изд-во Фонда «Развитие через образование», 2000.
53. *Калугина 2006* – Калугина В. А. Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

54. *Караулов 1976* – Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.
55. *Кацнельсон 1965* – Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. – Л.: Наука, 1965.
56. *Кобозева 2000* – Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
57. *Ковтунова 2003* – Ковтунова И. И. Федор Тютчев // Ковтунова И. И. Очерки по языку русских поэтов. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 61 – 75.
58. *Козлик 1997* – Козлик И. В. В поэтическом мире Ф. И. Тютчева. – Иваново-Франковск: Плай; Коломыя: ВіК, 1997.
59. *Козырев 1988* – Козырев Б. М. Письма о Тютчеве // Ф. И. Тютчев. – М.: Наука, 1988. – Кн. I. – С. 70 – 131. – (Лит. наследство; Т. 97).
60. *Королева 1962* – Королева Н. В. Тютчев и Пушкин // Пушкин: Исследования и материалы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 4. – С. 183 – 207.
61. *Королева 1973* – Королева Н. В. Ф. Тютчев. «Silentium!» // Поэтический строй русской лирики. – Л.: Наука, 1973. – С. 147 – 159.
62. *Кронгауз 2005* – Кронгауз М. А. Семантика. – М.: Академия, 2005.
63. *Куликова 2006* – Куликова И. С. Мир русской природы в мире русской литературы. Слова – названия растений в русской художественной картине мира. – СПб: Наука, САГА, 2006.
64. *Левин 1990* – Левин Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. – Таллинн: Ээсти Раамат, 1990. – С. 142 – 206.
65. *Левин 1998* – Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998.
66. *Лейбов* – Лейбов Р. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст [Электронный ресурс.] <http://www.ruthenia.ru/document/533836.html>
67. *Лексика 1981* – Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1981.

68. *Летопись 1999* – Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Кн. 1: 1803–1844. – М.: ООО «Литограф»; Мураново: Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева, 1999.
69. *Летопись 2003* – Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Кн. 2: 1844–1860. – М.: ООО «Литограф»; Мураново: Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева, 2003.
70. *Лотман* – Лотман Ю. М. Спецкурс «Русская философская лирика. Творчество Тютчева» [неавторизованный конспект лекций] / Публ. Л. Киселевой [Электронный ресурс]. <http://www.ruthenia.ru/document/295138.html>
71. *Лотман 1990* – Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. – Таллинн: Ээсти Раамат, 1990. – С. 108 – 141.
72. *Лотман 1994* – Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 11 – 263.
73. *Лотман 1996а* – Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. – С. 18 – 252.
74. *Лотман 1996б* – Лотман Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – С. 553 – 564.
75. *Марцеллин* – Марцеллин А. История. Книга XXXI [Электронный ресурс]. <http://www.xlegio.ru/sources/ammianus/adrianopolis.htm>
76. *Мирзоева 2007* – Мирзоева Т. В. Полисемантический потенциал слова «вода» в поэзии Вяч. Иванова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007 – № 3. – С. 119 – 126.
77. *Мраморнов* – Мраморнов О. Б. Истец, ставший ответчиком [Электронный ресурс]. http://exlibris.ng.ru/kafedra/2000-02-17/3_baratynsky.html

78. *Мукаржовский 1967* – Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967.
79. *Национальный корпус* – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. <http://www.ruscorgora.ru/>
80. *Некрасов 1950* – Некрасов Н. А. Русские второстепенные поэты // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. – М.: Гослитиздат, 1950. – С. 190 – 221.
81. *Некрасова 1991* – Некрасова Е. А. А. Фет, И. Анненский: Типологический аспект описания. – М.: Наука, 1991.
82. *Непомнящий 2002* – Непомнящий И. Б. «О, нашей мысли обольщенье...» (О лирике Ф. И. Тютчева). – Брянск: Кириллица, 2002.
83. *Новиков, Ярославцева 1990* – Новиков А. И., Ярославцева Е. И. Семантические расстояния в языке и в тексте. – М.: Наука, 1990.
84. *Орехов 2007* – Орехов Б. В. Французские стихотворения Ф. И. Тютчева в свете авторской лексикографии // Проблемы авторской и общей лексикографии: Материалы международной научной конференции. – Брянск: РИО БГУ, 2007. – С. 49 – 53.
85. *Орехов 2008* – Орехов Б. В. Принципы организации мотивной структуры в лирике Ф. И. Тютчева: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
86. *Очерки 1990* – Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М.: Наука, 1990.
87. *Очерки 1993* – Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. – М.: Наука, 1993.
88. *Очерки 1995а* – Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М.: Наука, 1995.
89. *Очерки 1995б* – Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. – М.: Наследие, 1995.

90. *Павлович 1986* – Павлович Н. В. Образование поэтических парадигм // Проблемы структурной лингвистики 1983. – М.: Наука, 1986. – С. 74 – 87.
91. *Павлович 1995* – Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М.: ИРЯ РАН, 1995.
92. *Пигарев 1962* – Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
93. *Плахина 2004* – Плахина Е. В. Лексико-семантическое поле «космос» в лирике В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004.
94. *Пумпянский 1928* – Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803 – 1928. – Л.: Прибой, 1928.
95. *Ревзина 1989* – Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики 1985 – 1987. – М.: Наука, 1989. – С. 134 – 151.
96. *Ревзина 1998* – Ревзина О. Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста. – М., 1998. – С. 301 – 316.
97. *Риффатерр 1992* – Риффатерр М. Формальный анализ и история литературы // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 20 – 41.
98. *Авторская лексикография 2003* – Русская авторская лексикография XIX-XX веков: Антология. – М.: Азбуковник, 2003.
99. *Сенека* – Сенека. Естественнонаучные вопросы. Книга VII. О кометах [Электронный ресурс]. <http://miriobiblion.byzantion.ru/seneca-fil/seneca-fil-natur7.htm>
100. *Скатов 1986* – Скатов Н. Н. Некрасов: Современники и продолжатели. Очерки. – М.: Сов. Россия, 1986.
101. *Славинский 1975* – Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 256 – 275.
102. *Смулаковская 2003* – Смулаковская Р. Л. Слово в поэтическом тексте и поэтическая традиция // Слово: Сборник научных статей, посвященный

- памяти Л. Я. Маловицкого и М. И. Сидоренко. – Череповец: ЧГУ, 2003. – С. 78 – 82.
103. *Соловьев 1990* – Соловьев В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева // Соловьев В. С. Литературная критика. – М.: Современник, 1990. – С. 105 – 121.
104. *Солодуб 2003* – Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). – М.: Флинта, 2003.
105. *Стернин 1985* – Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
106. *Тезисы 1967* – Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 17 – 41.
107. *Толстогузов 1998а* – Толстогузов П. Н. Стихотворение Тютчева «Безумие»: опыт расширенного анализа // Русская речь. – 1998. – № 5. – С. 3 – 15.
108. *Толстогузов 1998б* – Толстогузов П. Н. Тютчев – переводчик Сarm. III 29 Горация // Тютчевский сборник: Межвузовский сборник научных трудов. – Биробиджан, 1998. – С. 20 – 41.
109. *Толстогузов 2003* – Толстогузов П. Н. Лирика Ф. И. Тютчева: Поэтика жанра. – М.: «Прометей» МПГУ, 2003.
110. *Томашевский 1996* – Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1996.
111. *Топоров 1990* – Топоров В. Н. Заметки о поэзии Тютчева (Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством) // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. – Таллинн: Ээсти Раамат, 1990. – С. 32 – 107.
112. *Топоров 1995* – Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М., 1995.
113. *Тынянов 1968* – Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1968.

114. *Тынянов 1977* – Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 350 – 394.
115. *Тынянов 1993а* – Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 200 – 214.
116. *Тынянов 1993б* – Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 23 – 121.
117. *Уфимцева 1986* – Уфимцева А. А. Лексическое значение. – М.: Наука, 1986.
118. *Фадин* – Фадин В. Тютчев-вопросник (ответы) [Электронный ресурс]. <http://www.utoronto.ca/tsq/06/fadin06.shtml>
119. *Фрейберг 1972* – Фрейберг Л. А. Тютчев и античность // Античность и современность. – М.: Наука, 1972. – С. 444 – 456.
120. *Чичерин 1975* – Чичерин А. В. Стиль лирики Тютчева // Контекст–1974. – М.: Наука, 1975. – С. 275 – 294.
121. *Шапир 1995* – Шапир М. И. «Versus» vs «prosa»: пространство-время поэтического текста // *Philologica*. – 1995. – Т. 2. – № 3/4. – С. 7 – 47.
122. *Шкловский 1983* – Шкловский В. Б. Искусство как прием // Шкловский В. Б. О теории прозы. – М.: Сов. писатель, 1983. – С. 9 – 25.
123. *Шмелев 1973* – Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973.
124. *Шмони́на 1999* – Шмони́на М. С. «Тютчевский» пласт в лирике Вл. Соловьева // *Русская филология*. – 10. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1999. – С. 70 – 78.
125. *Щерба 1957* – Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 97 – 109.
126. *Щерба 1974* – Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265 – 304.

127. *Щур 1974* – Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974.
128. *Эйхенбаум 1969* – Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. – Л.: Сов. писатель, 1969. – С. 327 – 511.
129. *Эткинд 1985* – Эткинд Е. Материя стиха. – Париж: Institut d'Études Slaves, 1985.
130. *Юнггрен* – Юнггрен А. Поэзия Тютчева на фоне салонной речи [Электронный ресурс]. // <http://www.ruthenia.ru/document/189327.html>
131. *Якобсон 1975* – Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193 – 230.
132. *Coseriu, Geckeler 1981* – Coseriu E., Geckeler H. Trends in Structural Semantics. – Tubingen: Gunter Narr Verlag, 1981.
133. *Geckeler 1981* – Geckeler H. Structural Semantics // Words, Worlds, and Contexts: New Approaches in Word Semantics. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1981. – P. 381 – 414.
134. *Lehrer 1985* – Lehrer A. The influence of semantic fields on semantic change // Historical Semantics – Historical Word-Formation. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1985. – P. 381 – 414.
135. *Lipka 2002* – Lipka L. English Lexicology: Lexical Structure, Word Semantics & Word-formation. – Tubingen: Gunter Narr Verlag, 2002.
136. *Lyons 1977* – Lyons J. Semantics: Volume 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
137. *Lyons 1981* – Lyons J. Language and Linguistics: An Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
138. *Shorey* – Shorey P. Commentary on Horace, Odes, Epodes, and Carmen Saeculare [Электронный ресурс]. http://icarus.umkc.edu/sandbox/perseus/shore.hor_eng/page.0.a.php
139. *Stordalen 2000* – Stordalen T. Echoes of Eden: Genesis 2-3 and Symbolism of the Eden Garden in Biblical Hebrew Literature. – Leuven: Peeters Publishers, 2000.

140. *Strauss 1986* – Strauss J. Concepts, fields, and ‘non-basic’ lexical items // *Descriptive, Contrastive and Applied Linguistics*. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1986. – P. 135 – 144.
141. *Wyler 1992* – Wyler S. *Colour and Language: Colour Terms in English*. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992.

Словари

1. *Даль 1989* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1989 – 1991.
2. *Ефремова* – Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс]. http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html#efr
3. *Золотова 1988* – Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988.
4. *НОССРЯ 2004* – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.
5. *РАС1 1998* – Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I. – М.: ИРЯ РАН, 1998.
6. *РАС2 1998* – Русский ассоциативный словарь. Книга 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III. – М.: ИРЯ РАН, 1998.
7. *РСС* – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Электронный ресурс]. <http://lexrus.donpac.ru/lang/ru/ivoc/sem/>
8. *Сводный словарь 1991* – Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / Под ред. Р. П. Рогожниковой. Т. 1. – М.: Рус. яз., 1991.

9. *САР 2001* – Словарь Академии Российской 1789 – 1794: в 6 т. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001 – 2005.
10. *МАС 1959* – Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Госуд. изд-во иностр. и национальных словарей, 1959.
11. *МАС 1999* – Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
12. *Словарь 1979* – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 6. – М.: Наука, 1979.
13. *Словарь 1992* – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7: Древо – Залежь. – СПб.: Наука, 1992.
14. *Словарь 1995* – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8: Зальзть – Ижоры. – СПб.: Наука, 1995.
15. *Словарь синонимов 1970* – Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: в 2 т. Т. 1. – Л.: Наука, 1970.
16. *БАС 1956* – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 4. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
17. *СЦСИРЯ 1847* – Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1847.
18. *СЯП 1957* – Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 2. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957.
19. *Ушаков 1996* – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.
20. *Ожегов 1996* – Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. – М.: Азъ, 1996.
21. *Дмитриев 2003* – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель; АСТ, 2003.
22. *Частотный словарь* – Частотный словарь русского языка [Электронный ресурс]. <http://www.artint.ru/projects/frqlist.asp>

23. *Частотный словарь-конкорданс* – Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева [Электронный ресурс]. <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html>
24. *Bilokur 1975* – Bilokur В. A concordance to the Russian poetry of Fedor I. Tiutchev. – Providence, 1975.

Источники

1. *Авангардный* – Авангардный А. Я предался загадке холодных зноев... [Электронный ресурс]. <http://www.stihi.ru/poems/2005/10/01-248.html>
2. *Батюшков 1934* – Батюшков К. Н. Сочинения. – М.; Л.: Academia, 1934.
3. *Батюшков 1964* – Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. – М.; Л.: Сов. писатель, 1964.
4. *Блок 1971* – Блок А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. – М.: Правда, 1971.
5. *Державин 1957* – Державин Г. Р. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1957.
6. *Жуковский 1959* – Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. – М.; Л.: Гослитиздат, 1959.
7. *Карамзин 1966* – Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1966.
8. *Лермонтов 1989* – Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений: в 2 т. – Л.: Сов. писатель, 1989.
9. *Ломоносов 1986* – Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1986.
10. *Муравьев 1967* – Муравьев М. Н. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1967.
11. *Некрасов 1979* – Некрасов Н. А. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Правда, 1979.
12. *Оригинал и перевод* – Оригинал и перевод стихотворения «Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду». [Электронный ресурс]. <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/horatius.html>

13. *Переводы стихотворения Гейне* – Переводы стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...». [Электронный ресурс]. <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/heine-fichte.html>
14. *Сумароков 1957* – Сумароков А. П. Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1957.
15. *Тютчев 1966* – Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. – М.: Наука, 1966. – Т. 1 – 2. – (Лит. памятники).
16. *Тютчев 1987* – Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. – Л.: Сов. писатель, 1987.
17. *Тютчев 2002* – Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. — М.: Издат. центр «Классика», 2002 – 2004.
18. *Фет 2000* – Фет А. А. Избранное. – Смоленск: Русич, 2000.
19. *Херасков 1961* – Херасков М. М. Избранные произведения. – М.; Л.: Сов. писатель, 1961.
20. *Ходасевич* – Ходасевич В. Ф. Мы мерзостью постыдно-рьяной... [Электронный ресурс]. <http://www.poetrus.by.ru/188/188s-9.htm#20>
21. *Чехов 1975* – Чехов А. П. <О марте. Об апреле. О мае. Об июне и июле. Об августе>: (Филологические заметки) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 3. – М.: Наука, 1975. – С. 192.

Источники речевого материала

1. *180 и выше* – 180 и выше [Электронный ресурс]. <http://www.mi.by/links/index.php?t=8&id=123>
2. *Знойная красавица* – Знойная красавица // Cosmopolitan. – 2006. – № 7. – С. 256.
3. *Летели аэропланом* – «Летели аэропланом...» [Электронный ресурс]. <http://forum.novosib.cz/viewtopic.php?t=1729&sid=1dfed51df2ecba899a20f1275a055bd4>

4. *Литвинова* – Литвинова Т. В. Конспект занятия: «Образ художественной культуры Индии». [Электронный ресурс]. http://festival.1september.ru/2005_2006/index.php?numb_artic=311640
5. *Михайлов* – Михайлов А. Вокруг большой Алматинской пирамиды [Электронный ресурс]. <http://old.express-k.kz/2002/08/30/13.php>
6. *С легким паром!* – С легким паром! Что такое «легкий пар»? [Электронный ресурс]. <http://www.bani.kiev.ua/index.php?r=articles&id=37>
7. *Таиланд* – Таиланд [Электронный ресурс]. <http://www.sakub.com/country/thailand.html>
8. *Что жарче?* – Что жарче: жара или зной? [Электронный ресурс]. <http://botinok.co.il/node/33718>
9. *Шуваев 2007* – Шуваев А. Линейка воздушного охлаждения от Cooler Master // Железо. – 2007. – № 4. – С. 126.

Приложение

Список используемых стихотворений Ф. И. Тютчева с указанием условных сокращений и номеров страниц, на которых они упоминаются в работе

- «А. В. Пл<етне>вой», 1870 (АВП): 127, 133, 135 – 138.
- «Байрон <Из Цедлица>», 1829 или 1830: 95.
- «Безумие», <1829>: 99, 127 – 129, 143.
- «Бессонница», <1829>: 25, 87.
- «В душном воздуха молчанье...», <1835> (ВДВМ): 89, 90, 138, 139.
- «В небе тают облака...», 1868 (ВНТО): 100, 112, 139, 140 – 142, 146.
- «В часы, когда бывает...», 1858: 86.
- «Весенняя гроза», <1828>, начало 1850-х годов: 85.
- «Видение», <1829>: 25, 98.
- «Вновь твои я вижу очи...», 1849 (ВТЯВ): 60, 87, 88, 109 – 112.
- «Глядел я, стоя над Невой...», 1844 (ГЯСН): 60, 87 – 89.
- «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...», 1837: 60.
- «Два голоса», 1850: 95.
- «Душа хотела б быть звездой», <1830>: 95.
- «Еще земли печален вид...», <1836>: 100.
- «Еще шумел веселый день...», <1829>: 95.
- «Играй, покуда над тобою...», 1861 (ИПНТ): 144, 145.
- «Из «Фауста» Гёте», конец 1820-х – начало 1830-х годов: 95.
- <Из «Путевых картин» Гейне>, 1828 или 1829: 95.

- «К Н.», 1824: 129.
- «К N. N.», <1829>: 109, 110, 142, 144, 145, 147.
- «Как ни бесилося злоречье...», 1865: 100.
- «Как ни дышит полдень знойный...», 1850 (КНДПЗ): 113, 119 – 121, 138, 142.
- «Как птичка, с раннею зарей...», <1835> (КПСРЗ): 87, 124, 130, 138, 147.
- «Лебедь», между 1838 и серединой 1839: 84.
- «Летний вечер», <1828> (ЛВ): 86, 87, 89, 94, 122 – 128, 133 – 137.
- «Любезному папеньке», 1813 или 1814: 85.
- «Могила Наполеона», <1829>: 100.
- «Н. С. Акинфьевой», 1860-е: 86.
- «На новый 1816 год», 1816: 93 – 95.
- «Не остывшая от зною...», 1851 (НООЗ): 46, 104, 133 – 136, 138, 139.
- «Небо бледно-голубое...», 1866: 33, 59, 60, 86.
- «Неман», 1853: 140.
- «Неохотно и несмело...», 1849: 85.
- «Песнь Радости», 1823: 95.
- «Пламя рдеет, пламя пышет...», 1855 (ПРПП): 107.
- «Полдень», <1829>: 99 – 101, 113, 118 – 121, 142, 146.
- «Поминки», конец 1850 – начало 1851: 95.
- «Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду», <1819> (ПГКМ): 21, 91 – 100, 113 – 116, 121, 148.

- «Пошли, господь, свою отраду...», 1850 (ПГСО): 105 – 109, 138, 142 – 144, 147.
- «Русской женщине», 1848 или 1849: 85.
- «С чужой стороны», 1823 или 1824: 19, 101 – 103.
- «Сияет солнце, воды блещут...», 1852 (ССВБ): 89, 90.
- «Смотри, как роща зеленеет...», 1857 (СКРЗ): 113, 119, 120, 142 – 144.
- «Снежные горы», <1829>: 87, 94, 113, 119 – 121, 139 – 141.
- «Тихо в озере струится...», 1866: 85.
- «Ты волна моя морская...», 1852: 85.
- «Урания», <1820>: 96.
- «Утихла биза... Легче дышит...», 1864: 86.
- «Фонтан», <1836>: 85, 88.
- «Хоть я и свил гнездо в долине...», 1860 (ХЯГД): 107, 108, 121, 127, 128, 147.
- «Что ты клонишь над водами...», <1835>: 85, 140.
- «Memento», 1860: 95.
- «Silentium!», <1829>, начало 1830-х годов: 113, 129, 130.